

ВЕСТНИК ГЕРМАНИЯ ЕВРОПЫ DEUTSCHLAND

Т О М X L V I I I 2 0 1 7



ДОСТОИНСТВО И СВОБОДА

“НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО” — ЦЕНА ВОПРОСА · ГДР — ЛЕГЕНДЫ
И РЕАЛЬНОСТЬ · НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ · ФОТОПРОЕКТ НОМЕРА —
Елена Хованская “ОСТАЛЬГИЯ”

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев,
Владимир Мау, Андрей Медушевский,
Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух,
Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Андрей Колесников (раздел «социум»)
Алла Языкова (международная политика)
Владимир Кантор (философия, история)
Татьяна Щербина (культура, дневник поэта)
Ирина Буйлова (перспективное планирование)
Станислав Усачев (международное сотрудничество)
Юлия Баклакова (корректор)
Людмила Захарова (главный бухгалтер)
Григорий Ярошенко (фотопроекты)
Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London)
Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Николай Головнин, Сергей Приходько, Арсений Рогинский,
Евгения Росинская, Яков Уринсон, Мариэтта Чудакова,
Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Ольга Старовойтова (Санкт-Петербург), Димитриос Триантафиллидис
(Афины), Наталия Исаева (Париж), Александр Сергиевский (Рим)



Журнал издается при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и в сотрудничестве с ним. Информационное содействие оказывает институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ № 48

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

- © «Вестник Европы» XLVIII, 2017 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Отпечатано в типографии Август Борг.
107497, Москва, Амурская ул., д. 5, стр. 2.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК



журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XLVIII

год 2017

ДОСТОИНСТВО И СВОБОДА

Гость номера ГЕРМАНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

Политика. Экономика. Социум

- 5 **Виктор Ярошенко.** Письма из редакции
- 12 «Мы стремились ограничить государство».
Интервью с Герхартом Баумом
- 19 **Герхарт Баум.** Достоинство и свобода. Кризисы, вызовы и ответы
- 27 **Герхарт Баум.** «Свобода и безопасность». Poleмические заметки
- 49 **Карл-Хайнц Паке.** Цена вопроса. Объединение Германии. Экономический анализ проекта «Немецкое единство». *Фрагменты из книги «Баланс»*
- Две статьи из книги «ГДР — легенды и реальность», представленные фондом Ф. Науманна*
- 75 **Райнер Карлш.** «На мировом уровне». Наивысшие достижения ГДР в производственно-технической области
- 90 **Томас Гросбёльтинг.** ГДР — «Государство ШТАЗИ»?
- 104 Новые политики создадут новую европейскую повестку. Депутат Бундестага Кристиан Хирте в беседе с главным редактором журнала «Вестник Европы» Виктором Ярошенко
- 110 **Антон Тихомиров.** Полнозвучье тишины. Стихотворение Дитриха Бонхеффера “Von guten Mächten”



© Фото: В. Ярошенко



© Фото: Е. Хованская



© Фото: Е. Хованская



Фонд Егора Гайдара — фонд Науманна

*Мюнхенская конференция
«4-я промышленная революция
и рынок труда»*

122 Томас Заттельбергер. Шесть тезисов
о цифровой революции

Европа

129 Катажина Пелчинская-Наленч.
Кризис нормативной империи ЕС.
Время менять политику ценностей

ЛИТЕРАТУРА

139 Иржи Кратохвил. Флейта. Рассказ.
Перевод Нины Шульгиной

145 Иржи Картохвил. Набоков в Праге.
Перевод Нины Шульгиной

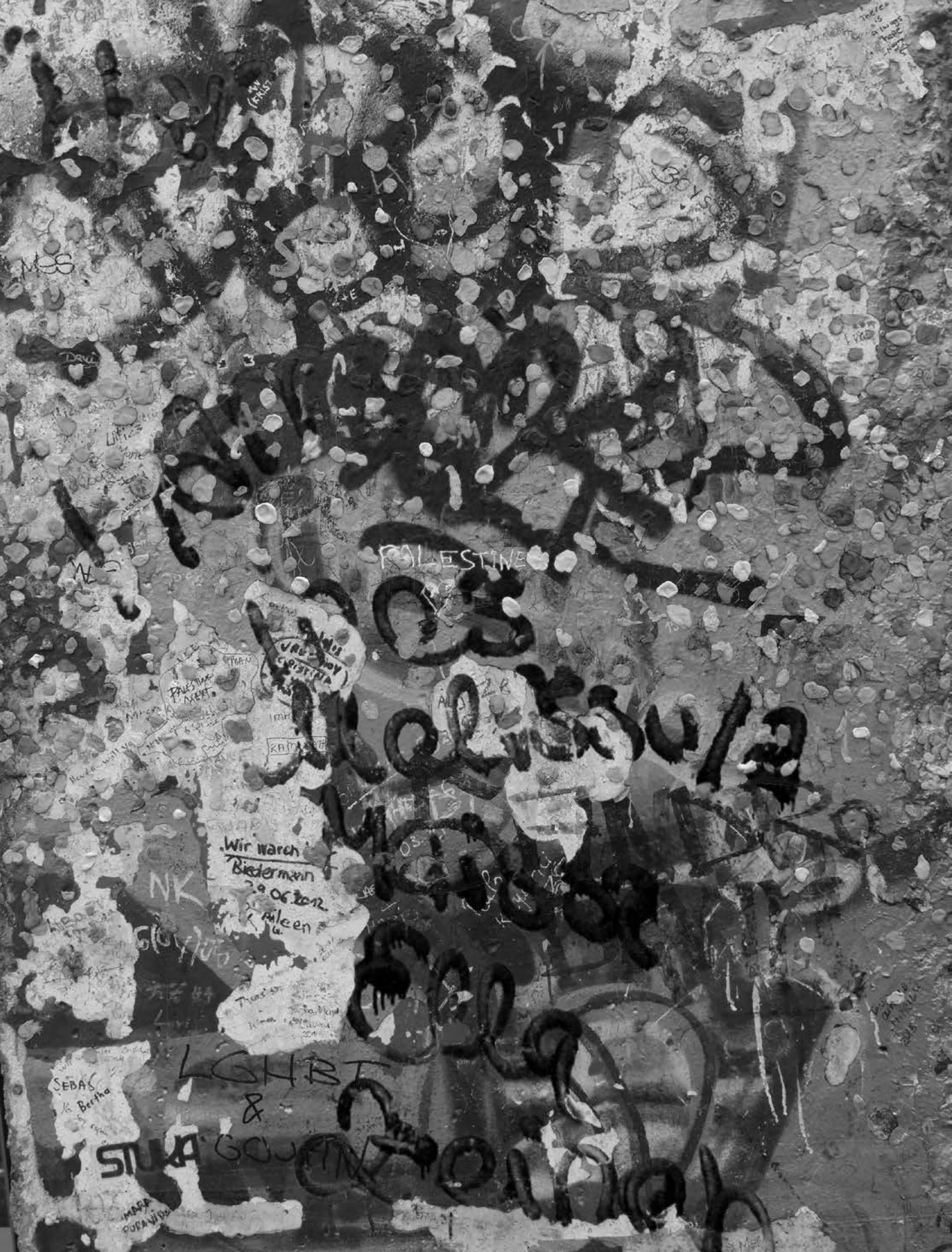
160 Виктор Ярошенко. Белый
Лаурин. Чехословакия, 1967 г.

168 Елены Зейферт. Стихи
180 Германская поэзия в переводах
Елены Зейферт

Artes

190 Фотопроект: Елена Хованская





MOS

DRAW

LIFE

SEB

MILK

NK

6/4/75

NE 44

SEBAS

Bertha

MARCO

PURA WIS

MY
CRIST

BOYS

1985

PALESTINE

U.S. - NOY
CAGLITA

KRIM

Wir waren
Biedermann
20.06.2012
Käleen

LGBT

&

STRA GOU

письма из редакции

ДОСТОИНСТВО И СВОБОДА

Белле Ахмадулиной

Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент:
созидается он столетиями, а утрачивается в момент
под гармошку ли, под бомбежку ли, под красивую ль болтовню,
иссушается, разрушается, сокрушается на корню.

Чувство собственного достоинства — вот загадочная стезя,
на которой разбиться запросто, но обратно свернуть нельзя,
потому что без промедления, вдохновенный, чистый, живой,
растворится, в пыль превратится человеческий образ твой.

Чувство собственного достоинства — это просто портрет любви.
Я люблю вас, мои товарищи — боль и нежность в моей крови.
Что б там тьма и зло ни пророчили, кроме этого ничего
не придумало человечество для спасения своего.

Так не траться, брат, не сворачивай, плюнь на вздорную суету —
потеряешь свой лик божественный, первозданную красоту.
Ну зачем рисковать так попусту? Разве мало других забот?
Поднимайся, иди, служивый, лишь прямехонько, лишь вперед.

Булат Окуджава. 1989

1.

Этот номер журнала посвящен Германии, ее новейшей истории, 25-летию «германского единства» и дню сегодняшнему.

Главная тема номера, вынесенная на обложку, — «Достоинство и свобода», прежде всего развита в публикации немецкого политика и правоведа Герхарда Баума.

* * *

Итак, в Германии прошли очередные парламентские выборы.

Результат их в одной фразе: «Меркель остается на четвертый срок, националисты проходят в Бундестаг».

В выборах приняли участие 76,5 процента избирателей, это говорит об очень высокой ответственности германского избирателя и их реальном участии в политике своей страны. Кампания была спокойная, культурная, без черного пиара и осатанелой агрессивности.

Результатов этих выборов очень ждала вся Европа, сотрясенная английским Брекситом и широким наступлением правых сил. Впрочем, больших сюрпризов от германских выборов не ждали, хотя после аналитики выразили тревогу в связи с высокими (и ожидавшимися) результатами на выборах новой праворадикальной партии «Альтернатива для Германии». Некоторые даже писали: «Самой успешной на выборах оказалась праворадикальная партия «Альтернатива для Германии (АдГ)». Она получила прирост поддержки избирателей в 7,9% от всего германского электората, а корпус избирателей в 12,6 %, т.е. увеличился на две трети больше, чем на предыдущих выборах. Усилилась, правда незначительно, и леворадикальная «Die Linke», вместо 8,6 получив 9,2 процента голосов. То есть радикальные силы Германии поддерживают уже почти 22 % избирателей».

Я думаю, что самой успешной все-таки осталась правящая партия ХДС/ХСС, получившая мандат доверия от наибольшего числа избирателей и снова выдвинувшая на пост канцлера Ангелу Меркель. Второй по влиянию силой остались социал-демократы. Хотя, конечно, обе партии потеряли значительную часть избирателей (ХДС/ХСС — 8,6%, а СДПГ — 5,2%).

Зато большой успех и возвращение в Бундестаг праздновали либеральные демократы, партия интеллигенции и образованного класса, которая на прошлых выборах потерпела политическую катастрофу, вылетев из высшей лиги германской политики. Молодой лидер Свободной демократической партии (СвДП) Кристиан Линднер (Christian Lindner) сумел вывести своих сторонников из кризиса, добившись результата в 10,7 процента голосов. На выборах в 2013 году либералы не смогли преодолеть пятипроцентный барьер, хотя еще в 2009 году праздновали феноменальный успех (свыше 14 процентов голосов). Тогда партия стала младшим партнером ХДС/ХСС по правящей в Германии коалиции. СвДП считается естественным союзником консерваторов. Такой коалиционный союз, судя по данным опросов, одобрили бы избиратели. Но эти партии не набирают необходимого большинства в Бундестаге для формирования правительства. Вопреки пессимистическим прогнозам, улучшить свои результаты смогла партия «Союз-90» / «зеленые». У них 8,9 процента голосов, что делает «зеленых» потенциальными партнерами для формирования правящей коалиции. Укрепили свои позиции «левые» из Левой партии, набравшие 9,2 процента. В результате, впервые с 1950-х годов в Бундестаге будут представлены шесть партий (именно потому, что обе «основные» партии потеряли значительное число мест. Мартин Шульц, возглавляющий СДПГ, обиженно заявил, что на выборах больше всего пострадала Ангела Меркель, несмотря на то, что результаты голосования стали наихудшими в истории для его собственной партии.

Но действительно популисты потеснили партию Меркель с правого фланга: по данным опросов, именно избиратели ХДС/ХСС чаще всего переходили в стан АдГ. Созданная в 2013 году партия со второй попыт-

ки уверенно вошла в Бундестаг, набрав 12,6 процента голосов. На востоке Германии, в бывшей ГДР, АдГ стала второй политической силой после партии Меркель. Результат АдГ — свидетельство усиления правых настроений в обществе. Би-би-си сообщали: Александр Гаулянд, один из лидеров АдГ, призвал немцев гордиться своей историей. «У нас есть право гордиться достижениями немецких солдат во время обеих мировых войн», — заявил сказал он. «Один миллион иностранцев, которых привезли в нашу страну, захватывают часть нашей страны, а мы в АдГ этого не хотим, — сказал Гаулянд на пресс-конференции. — Мы говорим, что не хотим потерять Германию из-за вторжения иностранцев из другой культуры. Проще не бывает».

Успех АдГ также подчеркивает раскол между западом и востоком Германии. «В бывшей ГДР почти нигде поддержка не падала ниже 15 %, но во многих округах превышала 20%, а в Саксонии — 30%. Так, в Мейсене — 32,9 %, в Горлице — 32,9, в Sächsische S-O — 35,5% и т.д. Более 23 процентов населения Дрездена поддержало АдГ, а в пригородах Лейпцига за эту партию голосовало 27 процентов избирателей».

Избиратель голосует за единый консервативный блок ХДС/ХСС, который на выборах 2017 года получил 246 мест в парламенте. И, как правило, во всех голосованиях и решениях фракции этих партий в парламенте Германии выступают единой коалицией. Но после выборов, эти две партии уже сами между собой делят в заранее обговоренной пропорции места в парламенте. И на выборах 2017 года места были распределены так, что 200 депутатских мест получила партия ХДС, а 46 мест — партия ХСС.

Итак, ХДС/ХСС получает 246 мест в Бундестаге; (-65 мест!); СДП — 153 места (-40); АдГ — 94 места, Свободные демократы — 80 мест, «левые» — 69 мест, «зеленые» — 67 мест (+4)

В соответствии с немецкой конституцией полномочия канцлера и всех министров остаются в силе вплоть до первого учредительного заседания нового состава Бундестага, которое должно состояться не позднее, чем через 30 суток после выборов, то есть 24 октября. Именно в этот день формально закончится текущий срок полномочий канцлера Ангелы Меркель и всех ее министров.

Не факт, однако, что к концу октября она сумеет сформировать новый кабинет. После предыдущих выборов четыре года назад ей потребовалось на это целых 86 дней, так что правительство консерваторов и социал-демократов приступило к работе только под Рождество 2013 года.

В этот раз коалиционные переговоры, которые еще даже не начинались, продлятся, скорее всего, дольше. Ведь договариваться предстоит не двум, а четырем партиям — участникам консервативного блока Христианско-демократического и Христианско-социального союзов, либералам из Свободной демократической партии и «Союзу-90» / «зеленым».

Сразу после германских выборов А.Б. Зубов писал в FB: «В бывшей ГДР от четверти до трети избирателей думают решить на путях национального эгоизма и исторического самооправдания. Почему? Думаю, ответ прост и крайне важен для нас — русских, и для граждан всех посткоммунистических государств <...>. Уже 27 лет ФРГ прикладывает невероятные усилия, чтобы покончить с проявлениями тоталитарного сознания в бывшем ГДР. На это тратятся миллиарды евро, единый язык облегчает осуществление этой политики системной декоммунизации, которую как раз традиционные партии ХДС-ХСС и СДПГ проводят с немецкой педантичной последовательностью и планомерностью почти три десятка лет. А результат пока такой: от 1/5 до 1/3 немцев ГДР остаются в плену эгоистического сознания... Чего же мы хотим от тех стран, где тоталитаризм не только не преодолевали декоммунизацией, но пестовали и ныне пропагандируют вновь, как в России или Белоруссии? Какие результаты здесь дадут нам свободные выборы?»

В своем интервью, данном «Вестнике Европы», молодой, но уже опытный депутат от ХДС Кристиан Хирте сказал, что, по его мнению, рост популярности АдГ является свидетельством того, что Германия становится «нормальной» европейской страной, такой же, как и другие европейские страны, где определенная часть населения имеет правые и ксенофобские взгляды (см. его интервью в этом номере). В периоды кризисов (экономических или таких, как миграционный) их число возрастает. Но в целом германское общество демонстрирует завидное здоровье. Лозунг «Мы справимся с этим», выдвинутый Ангелой Меркель

в 2015 году, в период приема миллиона беженцев, показал свою реалистичность: Германия действительно с этим справилась, как не справилась бы, вероятно, ни одна другая европейская страна.

2.

Российские муниципальные выборы, прошедшие 10 сентября сего года, были куда как менее значимы; в Москве они и вовсе прошли очень тихо, настолько московские власти стремились усыпить избирателей, рассчитывая на минимальную явку «чужих» и максимальную мобилизацию «своих». Однако остроумные технологии, впервые примененные молодой оппозиционной порослью, позволили провести в муниципалитеты (и даже в их руководители) множество новых лиц, целый ряд демократически настроенных людей и известных политиков.

Накануне предстоящих важных выборов этот скромный успех вселил в сердца энтузиастической молодой поросли некоторые надежды на возможность легального и законопослушного движения из политического тупика последних лет. Новые лица в политическом поле, в аналитике и особенно (новация 2017 года!) возникший интерес молодежи и даже старших школьников к политике, пусть и на уровне полуигры, фронды. Собственно, это не столько запрос на политическую повестку, сколько на оптимистическую картину будущего России, которое совершенно необходимо молодежи для саморазвития и самопланирования. Атмосфера политического пессимизма, интеллектуального и морального упадка, цинизма и неверия в правовые институты, в справедливость наиболее болезненно сказывается на сознании молодых; им для роста просто необходима оптимистическая картина мира; пусть даже и не сегодняшняя, а спроектированная в будущее, в котором для них есть место.

Беспрецедентные московские молодежные «прогулки»-демонстрации, особенно та безудержная свобода их высказывания в спонтанных интервью на улицах перед камерами, говорит о том что вырастает «путинское» поколение свободных людей, которыми просто невозможно управлять с помощью инструментов страха и насилия.

О чем пишут социологи на сайте Левада-центра? «Молодые люди гораздо меньше смотрят российское телевидение, и поэтому значительная часть молодежи находится вне прямой пропагандистской обработки, которую ведут центральные телеканалы. <...> Все, что связано с риторикой «холодной войны», и сюжетов, призванных вызывать ностальгию по СССР, — на молодых практически не действует. Эти сюжеты им неинтересны, плохо понятны или вовсе незнакомы. Большая часть того, что сегодня присутствует в эфире, проходит мимо молодых россиян. Самыми неактивными получателями теленовостей являются респонденты в возрасте от 18 до 24 лет, среди которых каждый четвертый вовсе не смотрит новостные передачи.

Также у молодых больше опыта взаимодействия с другими культурами точками зрения. <...>Они чаще бывали за границей (за последние пять лет 24% против 21% в целом), изучают и владеют иностранными языками (25% против 15% по стране в целом). Молодежь, в сравнении со «взрослыми», проявляет большую терпимость по отношению к приезжим из республик Северного Кавказа, мигрантам, людям другой сексуальной ориентации. Молодые люди, особенно в крупных городах, ощущают меньшую зависимость от государственных институтов и их давления. Согласно опросам, молодые в меньшей степени чувствуют необходимость в опеке со стороны государства (среди них лишь 27% говорят о том, что не могут прожить без господдержки, в старшей возрастной группе таких людей более 70%). <...>Молодые же меньше зависят от государства, меньше ощущают его давление.

...Для большинства россиян более важна уверенность в завтрашнем дне, а не размер зарплаты. 46% респондентов «Левада-центра» заявили, что предпочитают сравнительно небольшой, но твердый заработок. Доля тех, кто готов много работать и хорошо зарабатывать без особых гарантий на будущее, на 10% меньше. А иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск хотят только 12% опрошенных.

При этом живут завтрашним днем и ставят на первое место гарантии преимущественно люди старше 55 лет (64%). А тех, кто не боится тяжелой работы, если за нее хорошо платят, больше среди граждан от 25 до 39 лет (45%).

...Молодые люди — далеко не самая протестно-настроенная группа населения. В целом они больше довольны своей жизнью, среди них больше сторонников существующего порядка вещей и политического режима. Об этом говорят и опросы общественного мнения, и состав участников протестных акций, если рассматривать все мероприятия, проводившиеся в стране за последнее время. Среди участников акций против войны на Украине, маршей памяти Бориса Немцова, митинга против реновации в Москве — молодые составляли видимую, но не основную возрастную группу... Чем молодых людей привлекает Навальный? Навальный чуть ли не единственный из оппозиционных политиков, кто постоянно и эффективно общается со своими сторонниками — и напрямую через свой блог, YouTube-канал, и на встречах с избирателями. Навальный — молодой, современный, интересный, динамичный — особенно если сравнивать его с политиками из российского истеблишмента и старой демократической номенклатуры. Поэтому для молодежной части демократически настроенной аудитории Навальный сейчас является наиболее популярным политиком. Наконец, в своих выступлениях Навальный постоянно подчеркивает простые, но очень важные вещи: врать, воровать и лицемерить плохо. У молодых людей, которые еще не лишились доли идеализма, такие слова должны вызывать душевный подъем. В этом отношении Навальный также восполняет существующий в нашей политике дефицит. И это привлекает. И все-таки молодежь — часть российского, а не какого-то другого общества. Поэтому по большинству вопросов, которые регулярно задает «Левада-центр», молодежь отличается от среднестатистического россиянина лишь незначительно. Наибольшие различия обычно наблюдаются лишь между крайними возрастными группами — между самыми молодыми и самыми пожилыми. <...> Чем хуже экономическая ситуация и чем ниже авторитет власти, тем больше вероятность проявления общественного недовольства, в том числе и среди молодых людей. Важно понимать, что отношение к власти — это не постоянная величина, оно меняется с течением времени. Некоторые вещи, которые казались терпимыми и почти никому не интересными еще несколько лет назад, вдруг оказываются неприемлемыми и становятся фактором общественного недовольства».

«Левада-центр». 28.09.2017. «Большинство россиян — 82% — не готовы принимать участие в акциях протеста с политическими требованиями. Маловероятным назвали выход на митинг в защиту своих прав или в связи с падением уровня жизни 80% граждан. Такие данные были получены в ходе опроса «Левада-центра». Социологи проанализировали динамику протестных настроений граждан с августа 2011 года по сентябрь 2017-го. Количество россиян, которые полагают, что акции в защиту своих прав или против падения уровня жизни маловероятны, осталось прежним — 69%. Без изменений остались и ответы о перспективах проведения политических акций. Так, о возможности митингов и забастовок в их городе в августе 2011 года и в сентябре 2017-го заявило почти равное количество граждан — 20 и 21% соответственно. Однако большинство — 73% — как тогда, так и сейчас не верят в эту возможность. Еще больше граждан не готовы митинговать по политическим мотивам: с требованиями перемен готовы выйти лишь 11% опрошенных. В августе 2011-го таких было немногим больше — 15%. А вот количество тех, кто не выйдет митинговать, возросло до 82% (в 2011 году так ответили 79% респондентов).

* * *

Наш корреспондент побывал в Кыргызстане накануне тамошних президентских выборов. Маленькая страна после двух кровопролитных революций, как ни удивительно, оказалась лидером демократического развития в Центральной Азии. В стране теперь президент избирается только один раз на один срок; с лета шла, сначала вяло, затем все более активно, а кое-где даже и агрессивно, президентская избирательная кампания. Страна разделена на южные и северные кланы, в ней влиятельны околоскриминальные группы, связанные с наркотрафиком; немалое влияние оказывают и соседи: Казахстан и Узбекистан, Китай и Россия. Простому человеку трудно разобраться в обещаниях малоизвестных кандидатов, поэтому, скорее все-

го, преимущество будет за известными личностями из элиты, которых поддерживает авторитет нынешней власти.

Накануне выборов президент Кыргызстана дал интервью журналу «Тайм»: «Самое главное, что соседние страны, включая Россию и Китай, поняли, что мы не хотим ничего плохого для них, мы хотим быть хорошими соседями... За эти годы чиновники и власть стали уважать и слушать мнение общественности, они даже боятся мнения общественности. У нас настолько сейчас стало весомым общественное мнение. Это была моя мечта: чтобы власть имущие чиновники считались с мнением людей уважали мнение людей, боялись мнения людей. И главное, что мы сделали, — мы построили страну свободных людей. Мне кажется, это одно из тех достижений, о которых я могу сказать: в гражданине Кыргызстана проснулось такое чувство, что он сам решает свою судьбу, свое будущее... Конечно, некоторым странам в регионе не нравится, что президент Кыргызстана решил быть президентом только один срок. Некоторые руководители стран считают, что мы подаем плохой пример их народам...»

МИД Казахстана фактически объявил кыргызского президента лжецом после того, как тот упрекнул Нурсултана Назарбаева в поддержке оппозиционного кандидата.

Архитектор Айгуль Насирдинова написала 16 октября в своем фейсбуке: «Мне кажется, всё очень просто. В Кыргызстане появилась сильная партия — СДПК, которая занимает ключевые посты во власти. После революции партия СДПК расширила свои ряды и заняла большинство ключевых мест во властных структурах... Наши выборы были без выбора, но максимально честные, насколько это возможно. Голосовали не за личность, а за ресурсы. Есть о чем думать. Кыргызстан — парламентская республика, так что приближаются более важные выборы. Будет борьба за умы и ресурсы между партиями. Президент КР отныне носит функции английской Королевы».

Несмотря на все эксцессы и страсти, интриги региональных кланов и разных партий интересов вокруг президентских выборов в Кыргызстане, приходится по факту признать, что в маленькой республике в силу необходимости баланса интересов формируется самый демократический режим в Центральной Азии. Пожелаем этой стране стабильного и мирного развития.

3.

Все лето и часть осени мы работали над этим номером журнала, постоянно имея в виду день за днем те события, происходившие летом и осенью сто лет назад в трагическом 1917 году, навсегда изменившем ход истории.

Читая дневники тех лет, видишь, как неумолимо и неостановимо формировался оползень русской цивилизации, как мало что могли сделать самые умные и ответственные люди страны, а уж безответственные и неумные делали много чего, чтобы приблизить катастрофу.

Но я думаю, что при всей схожести тех или иных социальных ритмов и вибраций, прямые аналогии через сто лет не работают — слишком различные социальные, экономические и культурные реальности сегодня определяют ход событий в стране и в мире.

Другое дело, что люди как таковые меняются мало; недалёковидность, спесь, умственная трусость одних и оголтелая, сметающая все на своем пути к власти агрессивность других, к этой власти совсем неподготовленных... Это всегда — невыученный урок для новых и новых поколений.

Просто пошлостью (возможно, и спроектированной) является тот факт, что 2017 год так и не стал годом всеобщего глубокого размышления над грандиозной русской катастрофой, приведшей к краху высокую цивилизацию, находившуюся на подъеме, и к мученической гибели несосчитанного множества людей, а годом ожесточенного противостояния вокруг костюмированного псевдоисторического фильма.

Мы жили бы в совсем иной, густонаселенной, развитой, великой стране, если бы не случился этот цивилизационный слом русской культуры. Причины его мы уже частично начали обсуждать в этом номере; идут они из глубин истории, тектоника такого рода процессов только начинает становиться нам сколько-нибудь понятна. Возможно, столетие — век! для событий такого масштаба и такой длительности — еще слишком малая дистанция, чтобы понять и объективно оценить всю историю процесса, занявшего целый век.

70 лет тоталитарной диктатуры под маской «советской власти», «самого демократического типа демократии», не прошли даром; четверть века последовавшие за крахом коммунистической системы и попыток строительства «Новой России» на принципах рыночной экономики и западного типа демократии тоже не принесли ни успокоения, ни общественного консенсуса, ни глубинного понимания существа процессов бытия в собственной стране. Запрос на такое глубинное понимание, в сущности, не сформировался, напротив — общество склонно «окукливать» свое сознание в коконы различного рода мифологий, далеких от объективного анализа когнитивных процессов (А.Н. Медушевский).

В будущем, 2018 году (году столетия разгона и крушения долголетних надежд на Учредительное собрание, кровавого подавления ярославского восстания, ужасного зверского убийства царской семьи династии Романовых, начала долголетней Гражданской войны) мы посвятим этому специальный номер журнала. Различные подходы в осмыслении событий и процессов последнего столетия будут представлены на научных конференциях, происходящих в связи со столетним «юбилеем» русской революции.

Российская историческая наука, имеющая блестящие достижения, сегодня отягощена новыми попытками ее идеологического использования в целях конструирования инструментов политических манипуляций над сознанием и поведением общества. Но научное сообщество успешно сопротивляется реставрации доктрины «идейности», инструментального, «партийного» (в ленинском смысле) развития исторической науки — и особенно образования.

Этому противостояли лучшие умы нашей страны, к глубочайшему нашему сожалению, покинувшие нас в этом году: Даниил Александрович Гранин, Юрий Алексеевич Рыжов, Вячеслав Всеволодович Иванов.

Редакция



© Текст: Виктор Ярошенко

МЫ СТРЕМИЛИСЬ ОГРАНИЧИТЬ ГОСУДАРСТВО

Интервью с Герхартом Баумом

Виктор Ярошенко. Скажу несколько слов о нашем журнале. Основатель нашего журнала Николай Карамзин, в 1789 году будучи молодым, ездил в Европу, Германию, Швейцарию, Францию, Англию. Ехал через Кенигсберг, встречался с Кантом... Потом в Веймар к Виланду, Гердеру.

Герхарт Баум. Тогда там еще и Гете жил...

В.Я. С Гете встретиться Карамзину не удалось. После поездки, занявшей полтора года, он написал знаменитую книгу «Письма русского путешественника...» Журнал «Вестник Европы» основал в 1802 году. Просуществовал журнал до 1918 года, большевики его закрыли. Мы с Егором Гайдаром и Екатериной Гениевой восстановили его в 2000 году...

Сейчас готовим специальный германский номер и хотели бы видеть в нем и Вас.

Ну начнем... Первый вопрос — о трансформации Германии и России.

Г.Б. Что вы понимаете под трансформацией в Германии?

В.Я. Было две трансформации. Первая — переход от фашистского государства к нормальной современной европейской демократии. Вторая трансформация — последние 25 лет строительства государства германского единства и все проблемы, с этим связанные... У нас сей-

час 25 лет российских трансформаций, и мы пытаемся осмыслить эти четверть века.

Г.Б. Мы могли бы поговорить о германо-российских отношениях.

В.Я. Конечно. У вас необычная биография... Вы относитесь к поколению, которое еще помнит войну. Я родился уже после войны... Я прочел, что Ваша мать — русская, москвичка, а Ваш отец погиб в советском лагере военнопленных.

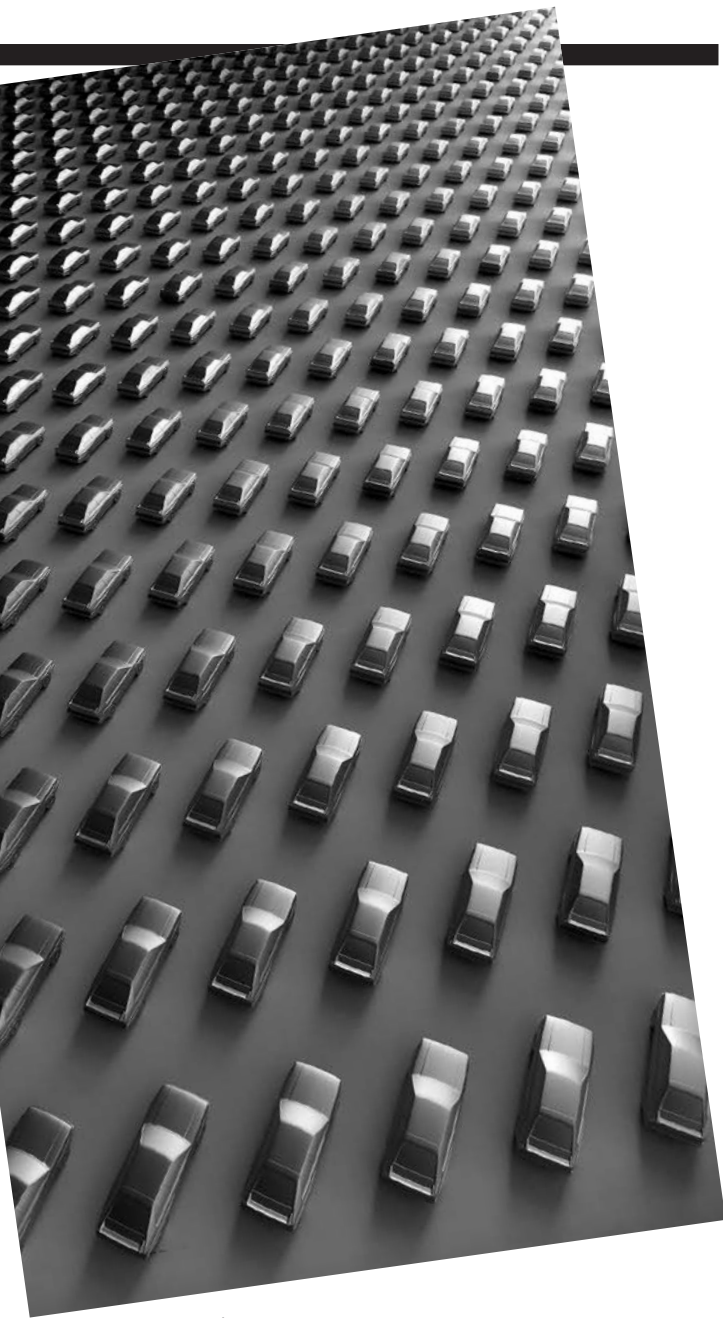
Г.Б. В 45-м году он погиб в плену, но не в лагере...

В.Я. Очень важно и интересно знать, как новое поколение преодолевало идеологию нацизма?

Г.Б. Это вопрос, на который я бы с удовольствием ответил. Что же касается окончания войны, тогда мне было 12,5 лет. И надо сказать, что у меня остались вполне осознанные воспоминания о нацистском периоде. Я помню, как в Дрездене исчезли евреи. Помню всю атмосферу войны... И помню ту ночь, когда Дрезден был разрушен. Я хотел бы сказать, что вместе со своей матерью, своими братьями и сестрами мы едва пережили ту страшную ночь бомбардировок Дрездена.

В.Я. А можете об этом рассказать?.. Сейчас уже осталось так мало людей, которые помнят об этом.

Г.Б. Знаете, каждый год в день 13 февраля, стоя на сцене Оперного театра Земпера, я вспоми-



© Фото: В. Ярошенко

наю ту ночь. И надо сказать, что это в этот день поминовения погибших мы вручаем премии заслуженным дрезденцам и людям мира. Восемь лет тому назад лауреатом этой дрезденской «Премии мира» стал Михаил Горбачев. Надо сказать, что у Дрездена была совершенно особая судьба. Город Дрезден был практически разрушен за одну ночь. За одну ночь! И ведь война к тому времени практически уже подходила к концу... Мы, конечно, надеялись на то, что нас военные действия пощадят. И когда я встречался с Горбачевым в Дрездене и разговаривал с ним на эту тему, он сказал: «Ну, так что? Вспомните Сталинград, вспомните Смоленск, вспомните Курск, вспомните другие города — ну, что ж, ведь шла война». Мы сидели перед нашим домом, который был объят пламенем, и у нас было три чемодана. Потом мы попросту бежали, бежали в Баварию. Мы были беженцами в собственной стране.

В.Я. А ваша семья? Она выжила, да?

Г.Б. Моя матушка и трое детей. Да, мы выжили. Пять лет мы провели в Баварии. И действительно, будучи по статусу беженцами, мы некоторое время жили в лагере для беженцев, и только потом нам предоставили жилую площадь в совершенно чужих, не наших, домах. Надо сказать, что моя жизнь была все что угодно, только не простая. Надо отметить, что с самых молодых ногтей я был политически заинтересованным лицом. И я был очень глубоко впечатлен. Нет, нет, извините, это не то слово, для меня оказалось очень большой травмой все то, что мне пришлось пережить на собственном опыте. В этом смысле, во мне постоянно нарастало желание стать политически активным человеком и помогать, в том числе, построению нового общества в Германии. Вы знаете, поначалу у меня не было особых надежд, что так оно и удастся в нашей жизни. Вы помните, Томас Манн написал роман «Доктор Фаустус»?..

В.Я. Да, это одна из моих любимых книг. И еще «Волшебная гора» и «Иосиф и его братья»...

Г.Б. Да и «Смерть в Венеции». Мне было тогда двадцать лет, когда я написал великому Томасу Манну письмо по поводу «Доктора Фау-

стуса». Я был просто потрясен, когда прочел этот роман.

В.Я. Что вы ему написали?

Г.Б. Я поблагодарил писателя зато, что он попытался отыскать следы того, отчего вдруг произрастали для человечества эти катастрофы, особенно в немецкой истории и в немецкой ментальности. Надо сказать, что два основных месседжа содержало это мое письмо. Прежде всего я хотел поблагодарить писателя, а затем попытаться выразить свою озабоченность тем, сумеют ли немцы когда-либо вырваться из этой ситуации, в которую они попали. Томас Манн ответил на мое письмо, он тоже был согласен с моей позицией на тот момент. В Германии недавно была опубликована книга, в которой я даю интервью. И я как раз все это описывал, всю эту ситуацию. Я также описал это в книге, которая была опубликована два года назад и называлась «Ненависть молода». И мне кажется, в книге «Спасите основные права человека», которая опубликована на русском языке, мое письмо тоже упоминается. Я там подробно описал, как я на тот момент воспринимал немецкое общество, почему я стал членом либеральной партии и почему эту либеральную партию надо было в корне изменить. Это процесс, который длился более десяти лет и потом завершился социально-либеральной коалицией. Все это закончилось также фазой политики реформ. Возникли новые взаимоотношения между Восточной и Западной Европой. Я вступил в партию СВДП — тогда партия все-таки в большой степени определялась национальными силами, там еще существовали некоторые контакты с прошлым, с нацистами. Нашей целью было изменение этой партии, и, конечно, другой альтернативы не было и быть не могло.

В.Я. Можно уточнить: а эта партия существовала во времена нацизма?

Г.Б. Нет, нет. Свободная демократическая партия была основана уже после войны. И, соответственно, многие молодые немцы выбрали именно эту партию. Примеры, на которые мы тогда ориентировались: Теодор Хойс, первый президент ФРГ (1949 1959), затем Вальтер Шеель, Ганс-Дитрих Геншер. Я всту-

пил в эту партию и стал довольно интенсивно и активно заниматься политикой. Мы ставили задачу — сформировать либеральную партию, которая была готова провести мосты и мосты на восток. И эта партия должна была что-то противопоставить бездарным бюрократическим аденауэровским структурам. В 60-е годы по всему миру прокатилось молодежное движение. У нас это называлось «поколение 68-го». И наша партия сильно влияла на все процессы. Мы хотели жестко сориентировать наше общество на то, что было записано в конституции, в нашем основном законе: достоинство личности — основа демократии, а также реальное равноправие женщин, одинаковые шансы на образование, либеральное уголовное право, участие сотрудников в экономической политике предприятий. Все это как раз было нашей «повесткой дня». Очень важной программой СВДП, нашей партии, были так называемые «Фрайбургские тезисы 71-го года», тезисы социального либерализма, тезисы, на которые довольно сильное влияние оказала философия Канта. Это была целая просветительская программа, а также первая экологическая программа немецкой партии. Мы сформулировали следующий тезис: государство не имеет право на все. Мы должны ограничить государство, указать эти границы. Кроме того, был еще один тезис — «мы и есть государство», то есть мы хотели следовать принципу братства, мы не стали радикально-рыночными либералами, вот я бы так сказал. Рынок сам по себе не создает свободного общества. Нам удалось изменить эту партию, и здесь основным ключом была политика молодежи в СВДП. Факты войны мы осудили, мы признали существующие на тот момент границы. Ключевой темой тогда было признание границы по Одру и Нейсе. Немецкое общество тогда, конечно, был расколото, поляризовано. Одной из самых важных договоренностей между Востоком и Западом был договор 1971-го года. Этот договор заложил основы, в том числе для открытия контактов, а впоследствии, может быть, и краха советской империи. Но тогда оппозиция отклонила этот договор, были

очень жаркие споры; кроме того, коленопреклонение Вилли Брандта в Варшаве возымело чрезвычайно сильное символическое значение. Мир и свобода — вот что мы хотели создать, но прежде чем все это сделать, мы должны выстроить доверие с нашими западными и, конечно же, доверие с нашими восточными партнерами. Процесс был очень сложным, который впоследствии закончился Договором «Два плюс четыре». В 1990-м году это был по сути мирный договор в отношении Германии. И, конечно, Парижская хартия 90-го года, которая зафиксировала в том числе и то, что возможно преодоление всех идеологических границ и противоречий. Вся Европа должна развиваться в мире и под господством свободы. И когда я смотрю на этот период, как бы поворачиваясь назад... Я ведь очень интенсивно работал в партии, я был председателем либеральной партии в Кельне, а с 72-го года я был членом Бундестага. Геншер назначил меня также госсекретарем в Министерстве внутренних дел, десять лет я прослужил на этом посту, а последние 4,5 года я был министром внутренних дел. Мы с друзьями хотели выстроить либеральное общество. Тогда была угроза так называемых «красных бригад» или «фракций красной армии».

В.Я. Это при вас лидеры RAF Баадер и Ульрика Майнхофф покончили с собой в тюрьме? Это было самоубийство?

Г.Б. Да, конечно. Это было незадолго до моего вступления в должность. Но это только одна небольшая грань в той истории, только один аспект. Важно другое.

Мы хотели доказать, что государство может бороться с этой угрозой, не нарушая принципы свободной конституции. Это удалось не до конца, не на сто процентов. Я тогда был министром внутренних дел в правительстве Шмидта. Мне пришлось отремонтировать, скажем так, «подлатать» правовое государство. Я отменил так называемое распоряжение о радикалах. Оно предусматривало, что информацию о политической деятельности молодежи собирали как раз службы безопасности, с тем чтобы ее использовать, если, например, они хотели стать

учителями или пойти на госслужбу. И это создало опасную атмосферу недоверия между поколениями. Кроме того, война во Вьетнаме тоже создала атмосферу недоверия: мы не могли понять, почему старшее поколение не критиковало Америку. Всю свою жизнь я занимался тем, что защищал определенные принципы, которые основывались на первой статье нашей конституции — достоинство человека непоколебимо даже в той ситуации, когда наша безопасность находится под угрозой. Я был министром внутренних дел и тоже занимался вопросами безопасности, отвечал за защиту приватной личной сферы, личного пространства, я был инициатором первого закона о защите личной сферы человека в 75-м году. Я отвечал за экологию, за защиту окружающей среды. Как раз либералы были первыми министрами экологии в Германии. Я был министром культуры, а также министром спорта. И я очень сильно разозлился, когда мы отказались ехать на Олимпиаду в Москву в 1980-м, американцы надавили тогда.

В.Я. Я был в Бонне весной 80-го года, и мы как раз участвовали в дискуссии: ехать или не ехать на Олимпиаду в Москву?

Г.Б. Мы, конечно же, не хотели участвовать в этом бойкоте, но Шмидт тогда согласился с американской позицией. Я сложил с себя полномочия в 82-м году. СВДП против моей воли высказалась за вотум недоверия федеральному канцлеру Гельмуту Шмидту, и тогда моя партия вошла в новое правительство уже с Гельмутом Колем во главе.. Мои друзья тогда восприняли это как предательство избирателей, потому что мы за два года до этого сказали избирателям, что будем дальше участвовать в правительстве вместе со Шмидтом, ;но обе партии — социал-демократы и мы, либералы, пошли разными путями, по-разному развивались... Он очень сильно все изменил, этот разрыв. Он изменил партию СВДП, хотя необходимости, конечно, никакой не было. СВДП все больше двигалась в сторону партии динамической направленности. Это была партия, которая, в первую очередь, выступала за либеральные позиции в экономической политике.

- В.Я.** Можно уточнить — это была партия бизнеса? Интересы бизнеса, да? Можно так сказать?
- Г.Б.** Скажем так, партия либерал-экономического толка. Конечно, есть соответствующая задача, то есть создать и развивать экономику, в которой каждый получил бы свой шанс. Это партия либерализма, и либерализм в этом смысле брал на себя социальную роль, а там, на заднем плане, эту точку зрения представлял я и мои друзья. Речь идет о политике, либерально направленной на обеспечение прав человека. Многие мои друзья вышли из этой партии. Партия изменилась. Часть партии, например, в том числе и я, осталась и попыталась представлять либеральные ценности и целевые установки, что стало очень сложно.
- В.Я.** Вы знаете, это очень близко к тому, что происходило у нас. Мы создали партию «Демократический выбор России», и сразу возникла дискуссия: кого мы представляем? А рядом была партия «Яблоко». Либо мы, которые преследовали, в первую очередь, интересы свободной экономики, и нам даже некоторые говорили, что мы представляем интересы крупного бизнеса; другие же утверждали, что это должна была быть, в первую очередь, партия идей, ценностей свободы. Например, такие люди, как Сергей Адамович Ковалев. А когда эта партия раскололась, мы вышли из нее. Прошу прощения, что перебил вас. Я для того это сказал, чтобы показать близость этих проблем для нас.
- Г.Б.** Что касается свободных демократов, пусть и не очень хорошо, но мы остались в этой партии и свои силы сосредоточили, сконцентрировали прежде всего на политике международной, в области обеспечения прав человека. Я представлял Германию в Комиссии по правам человека. В течение трех лет я был в Судане уполномоченным по правам человека. Знаете, я практически объездил весь мир, поскольку находился в Совете по правам человека. По поручению Генеральной Ассамблеи ООН я очень много ездил по миру. Был в Южной Африке, когда там еще свирепствовал режим апартеида, был во многих государствах, где действительно имели место притеснения.
- В.Я.** А в Германии? Как обстояло дело с либеральными ценностями?
- Г.Б.** Я бы хотел сейчас до конца довести свою мысль... Потом я вместе со своими друзьями начал работать после того, что случилось 11 сентября. Мы стали выступать против вот этой безудержной политики обеспечения якобы безопасности. Мы, в Германии, через Федеральный конституционный суд практически провалили пять законов, которые были вроде бы направлены на «обеспечение безопасности». И надо сказать, что в ближайшее время мы ожидаем, что Федеральный конституционный суд примет очередное решение по одному из законов.
- Вот, так сказать, факты грубыми мазками о том, как я развивался в политической жизни, и мое становление.
- В.Я.** Я читал, что в 2006-м вы остановили закон, разрешающий сбивать самолеты...
- Г.Б.** Да, да, да... Мы добились решения конституционного суда. Надо сказать, подготовлен спектакль и в 14 городах на сценах театров он был показан. И даже был снят фильм. Ну, я вот сейчас большую такую линию, в данном случае, дугу очертил??
- В.Я.** Как вы сегодня видите роль либерализма в мире? У нас в России это практически стало ругательным словом, боюсь, что не только в России. Похоже, время либерализма прошло. Как вы сегодня видите мировую ситуацию с точки зрения перспектив либеральных ценностей? Помоему, это главный вопрос, правда же?
- Г.Б.** Понимаете, не может быть ругательным, бранным словом то, что направлено на борьбу за права человека. Либерализм — это человеческое достоинство, нет альтернативы демократии, и надо сказать, это то, что принесла нам эпоха Просвещения, дух Просвещения. И после всех этих ужасных опытов, которые пришлось нам пережить в прошлом столетии, да и в этом столетии тоже, надо сказать, следует опять только подтвердить истинность этой мысли.
- В.Я.** А насколько сейчас в Германии молодежь разделяет идеи вашей партии?

Г.Б. Я не хочу сейчас говорить только о своей партии, ибо дело в том, что мои идеи являются теми ценностями, которые представляет линия нашей партии. Я придерживаюсь того взгляда, что в Германии необходимо иметь либеральную партию, немцы должны иметь такую партию, которая последовательно отстаивала бы вот эти целевые установки. В Германии образовалось такое общество, которое я мог бы назвать «обществом удавшейся демократии».

Мы здесь до сих пор, почти ежедневно, на телевидении, в газетах по-прежнему разбираемся с преступлениями нацистов. Молодое поколение заинтересовано в том, чтобы узнать, что же произошло и что еще может произойти, потому что та позиция, когда наше поколение заявляло: «мы не хотим ничего знать о том, что произошло», старшее поколение уходит, но Германия продолжает жить со своим прошлым.

В.Я. Как-то, лет десять назад, в одной дискуссии в Германии услышал слова: «Мы устали от чувства вины». И я думаю, что это довольно распространенное ощущение.

Г.Б. Нет, вот этого чувства вины нет. Есть ответственность, и эта ответственность долговременная — за прошлое в будущее. И нужно учиться, знать прошлое. Понимаете, моя дочь никакого такого чувства вины не испытывает. Потому что мы не участвовали непосредственно в соответствующих действиях, мы не выбрали Гитлера, но мы и не держали рот на замке, когда происходили эти страшные вещи. Это была отчасти, надо сказать, позиция нашего старшего поколения, они наверное думали об этом. Но есть ответственность, особая ответственность перед свободой. В Судане я ездил к журналистам, которые подвергались пыткам, я чувствовал, что я причастен к этим пыткам, потому что я приехал из страны, где было два диктаторских режима: нацистская диктатура, неправовое государство с социалистической единой партией Германии — СЕПГ. После войны мы создали у нас такую конституцию, которая была направлена на недопущение варварства, и мы хотели, чтобы эта конституция была наполнена жизнью, чтобы мы ее сопереживали, и так оно и есть по сей день.

И если даже есть многие новые, так сказать, попытки что-то подкорректировать в конституции, есть недовольство, есть опасные тенденции, которые имеют своей целью некий новый расизм по отношению к беженцам, к тем, кто исповедует ислам, и к исламу как религии. Есть насильственные действия, которые выражаются в нетерпимости, в том числе по отношению к беженцам, есть и настроения, так сказать, и контревропейские — против единой Европы. Есть и правые партии, есть люди, которые весьма симпатизируют тем обстоятельствам и тем процессам, которые происходят в России. У нас есть некие меньшинства в среде буржуазии, которые не отстаивают демократию вот таким явным образом. Что же касается названия моей книги «Спасти права граждан», прежде всего она о конституции Германии. Почему? Потому что мой опыт, показывает, что эти основные, основополагающие права должны быть защищены каждый раз по-новому, и мы должны каждый раз наполнять их собственной жизнью и пониманием.

В.Я. Скажите, пожалуйста, не кажется ли Вам, что в России и, может быть, вообще в мире мало известен опыт эволюции Германии от тоталитарного режима к демократии. Это же сложный процесс. Это же не просто смена каких-то институтов, это прежде всего смена всей правовой системы, и она довольно долго продолжалась.

Г.Б. Да, понимаете потребовалось достаточно долгое время, прежде чем преступники, те, что творили в концентрационных лагерях свои, так сказать, жуткие дела, предстали бы перед судом и были бы наказаны. Увы, далеко не все. Опять же первый процесс по концлагерю Аушвиц состоялся только в 1963-м году. И продолжалось это довольно долго. Мой опыт говорит о том, что если ты открыто не пытаешься разобраться со своим прошлым, то на хорошее будущее не надейся. Ну, я сегодня говорил об этом в музее ГУЛАГА, когда мы были там. Надо сказать, что немцы в общем и целом справились с этой задачей.

Если взять Восточную Германию, то там была совершенно иная ситуация. Там были люди,

которые жили 45 лет при диктатуре, но иного свойства. Они были социализированы в эту систему, то есть они ни в коем случае не были пламенными приверженцами государства СЕПГ, но они должны были жить по тем правилам, которые были установлены. Вот сегодня еще по-прежнему чувствуется, что они не участвовали активно в развитии по тем фазам, которые мы у себя, в Западной Германии, отработали. Это процесс реформ — 60-е, 70-е годы — в ГДР таких информационных процессов не было. Это, собственно говоря, одна из причин того, что новая партия правого толка в Саксонии «на последних выборах набрала 24% голосов избирателей. Или вот «Пегида»¹, это движение, созданное в моем родном Дрездене, набирает популярность в Восточной Германии. Так что есть процессы, которые пока еще не завершены, есть часть общества Германской демократической республики, которая пока еще не вышла на подлинную демократию. Их, конечно, меньшинство, но и не так уж мало.

В.Я. А вот скажите, пожалуйста, как вы воспринимаете эту разницу ментальности и закона, обычая и закона? Ну, например, в России закон часто воспринимается как направленный против граждан; поэтому нас не принято помогать полиции, позвонить, что какой-то человек неправильно ведет себя на дороге, например. У нас скорее существует солидарность граждан против исполнителей закона. Не во всем, конечно; коррупционеров не любят, но и бороться с ними не спешат...

Г.Б. Ну, у нас все это выглядит совершенно по-другому, потому что граждане участвуют в законотворческом процессе. В Германии постоянно проходят какие-то выборы: федеральные, в Бундестаг, в ландтаг, в органы местного самоуправления И надо сказать, что в Германии очень живая реагирующая пресса и политики в данном случае — хочешь не хочешь — должны прислушиваться к электорату, к избирателям. То есть у нас нет такого положения, когда население поворачивалось бы спиной к государству, дистанцировалось бы от него.

Правда, в некоторых слоях населения есть некий эффект, который бы мы назвали «феномен Трампа», как в Америке. Прежде всего это презрение по отношению к политике. Да, политика рождается в муках, она требует очень больших усилий, потому что это нелегко найти какое-нибудь решение, действительно идти на компромисс с кем-то. А компромисс — это всегда поворот в сторону от политики. Эта опасность существует. Но пока она еще не затронула нашу политическую стабильность.

В.Я. Прокомментируйте нынешнюю ситуацию с миграцией, которая широко обсуждается в России.

Г.Б. Вот я сейчас целый час буду как раз говорить на эту тему.

В.Я. Думаю, вам надо дать отдохнуть. Огромное вам спасибо.

Это интервью мы получили перед лекцией, которую Герхарт Баум прочел в Москве.



© Текст и фото: Виктор Ярошенко

¹ ПЕГИДА, Патриотические европейцы против исламизации Запада (нем. *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes, PEGIDA*) — немецкое правопопулистское[2] движение, созданное в декабре 2014 года в Дрездене. С октября 2014 года оно организует акции против предполагаемой его сторонниками «исламизации Европы» и против иммиграционной политики немецкого правительства.

Герхарт БАУМ

ДОСТОИНСТВО И СВОБОДА

Кризисы, вызовы и ответы

В книге, которую я написал для немцев, поставлен вопрос — как в условиях демократии защищать эту демократию? Я убежден, что хотя Германия является государством, где демократия счастливо утвердилась, об этом все время нужно напоминать моим согражданам.



Мигранты

...Ясно, что в ближайшие десятилетия мы будем иметь дело со всевозрастающим, огромным числом беженцев, если не начнем действовать адекватно. Эта опасность прежде всего идет с Ближнего Востока, из разрушенных государств в этом регионе, но и из Африканского континента тоже. Терроризм в африканских государствах распространяется подобно вирусу. Это недооценивается, хотя в Африке есть мощные террористические организации, например, в Нигерии, в Сомали, есть они и в других африканских странах. Демографические прогнозы показывают, что африканское население через 35 лет удвоится. Средний возраст в Нигерии 15 лет, и, если им не будет предложена перспектива Европейским Союзом, богатыми странами Европейского континента, тогда еще больше беженцев выйдут на дорогу в наши страны. И мы знаем, климат изменяется, наступает пустыня, африканским странам остро не хватает питьевой воды, не хватает продовольствия. В начале XX века 25% населения Земли были европейцами, а к началу XXI столетия уже только 11% составляли европейцы, а к концу этого века останется едва ли только 4%. Мир давно уже не европоцентричен, и мы должны это понимать<...>

Что для этого делается в Германии? Глава правительства фрау Меркель заявила, что мы примем беженцев, потому что это гуманитарная катастрофа, и мы должны дать ответ на нее. Никто ведь не расстается без серьезных причин со своей семьей, со своим окружением, со своим рабочим местом, со своим языком, со своей родиной. В Сирии падают бомбы, уничтожается население. Это Асад, это оппозиция из его противников, это русские, это американцы. В первую очередь страдает мирное население, жертвами становятся простые люди, а не только боевики. Люди из Сирии едут к нам. Немцы сказали им: «Добро пожаловать», но затем многие обеспокоились и задались вопросом: а когда все это кончится? Чем это завершится?

Миллион беженцев было принято, но это не столь уж много. Мы большая страна, у нас 80 миллионов человек населения; у нас, безусловно, процветающая экономика, практически нет безработицы, нет никакой задолженности госбюджета, несмотря на эти расходы на беженцев. Но с самого начала было и остается сложным решение этой проблемы. Мы не могли ее предвидеть, что этот спонтанный миграционный процесс неуправляемый. <...> Мы справимся, потому что наше гражданское общество участвует в этом... Есть очень большая степень готовности помочь людям, которые искали убежища. Но существует и очень большая доля скепсиса в отношении политики федерального правительства, есть другие мнения, и эти мнения легитимны в демократии. Но нельзя не видеть, что в Германии набирает силу тенденция, направленная на формирование нового расизма и враждебности по отношению к иностранцам, к их религии и культуре. Эта позиция направлена против наших представлений, нашей оценки. Те люди, которые участвовали в демонстрациях против нынешней миграционной политики, полагают, что они защищают западный мир, но они нарушают фундаментальные ценностные установки нашего западного мира. Германия — христианская страна, а христианство — это прежде всего любовь к своему ближнему. Да, мы часть христианского мира, но у нас государство, которое разделено с религией, то есть религия не определяет наше совместное бытие. Конечно, наши законы должны соблюдаться мигрантами, должны соблюдаться беженцами. Но многие из них полагают, что они не должны жить согласно тем ценностным представлениям, на которых основана наша конституция. И это очень непростая ситуация.

Мы живем в Европе, однако она все еще не является солидарной. Мы принимаем беженцев, а в Венгрии господин Орбан отклонил квоту в 1100 человек. В 1956 году, вы знаете, более 50 тысяч венгерских беженцев были приняты у нас, была построена церковь Святого Стефана для того чтобы венгры могли отправлять свои религиозные обряды... Но вот господин Орбан отказывается принять 1100 беженцев. Это неприемлемо и несправедливо. <...>

Если же следовать международному праву, мы считаем, что политическим беженцам каждая демократическая страна обязана предоставить убежище. Даже те, кто бежит от гражданской войны, они тоже имеют право на пребывание у нас на период войны. И это очень сложная, комплексная, многоплановая ситуация, которую в своих целях используют право-популистские силы, экстремисты <...>

В перспективе мы должны превратить беженцев в иммигрантов, интегрировать их в германское общество, и такой опыт у нас уже есть. После того, как возникла Берлинская стена, в 60-е годы, мы приглашали мигрантов из Туниса, Италии, Марокко, Турции. Тогда действительно мы привозили рабочую силу для строительства нашего благосостояния. Сначала приехали мужчины, а потом мы вдруг удивились: оказывается, у этих мужчин есть жены, дети, и они приехали семьями, и все остались. Затем все они интегрировались в наше общество. Берлин — это второй по размерам «турецкий город» — вне Турции. Вот такая у нас ситуация с чужестранцами.

Мигранты и терроризм

В Германию приехал миллион беженцев. Ну и сколько же среди них террористов? Ничтожное число. Вы знаете: те, кто совершил теракты в Париже и Брюсселе, были соответственно французы и бельгийцы, они родились там и выросли там. Конечно, они были связаны с ИГИЛ (*организация, запрещенная в России*. — *Ред.*), но нет никакой серьезной связи между беженцами и террористами. Да, безусловно, были теракты, но, я считаю, что абсолютно неверно связывать эти два феномена — беженцев и террористов. Безусловно, у нас есть проблемы с терроризмом, есть проблемы с безопасностью. В нашем демократическом обществе всегда имелись проблемы с безопасностью. В Германии в 1960–1970-е годы демократия была поставлено под угрозу терроризмом так называемых «Красных бригад», терроризмом «слева». Я тогда был госсекретарем федерального правительства — и мы тогда не знали, что делать с этим вдруг явившимся феноменом. Думаю, мы реагировали слишком бурно, слишком активно... Террористов было

всего 30–35 человек, и они взяли на мушку представителей государства и экономики, бизнеса. Террор не был направлен против населения, тогда не шла речь об аэропортах, о метро, но все равно у нас возникли серьезные проблемы безопасностью.

Вы знаете, что еще в XIX веке, задолго до Первой мировой войны, политический терроризм практиковался в России. Террористами был убит император Александр Второй, освободитель крестьян. В начале XX века русские социалисты-революционеры развернули терроризм. <...> Так что как таковой это отнюдь не новый феномен. Но это был не массовый террор. В обществе как будто таится, тлеет потенциал терроризма... Но сейчас мы видим, что терроризм принял форму исламистского терроризма и принимает огромные, опасные масштабы. Но, в первую очередь, он опасен для самих арабов. Мы постоянно слышим о массовых убийствах и терактах смертников в Сирии, Ираке, Афганистане, африканских странах. Только в Сирии погибли сотни тысяч человек. Если же говорить о жертвах, которые были в Европе, — они несопоставимы. Надо думать в целом об этой ситуации, а не только о наших жертвах. Мы должны создать коалицию с теми людьми, которые думают разумно, которые мирно мыслят. И так мы дадим понять, как мы будем бороться с этим терроризмом. Сейчас это происходит военным путем... Но не стоит говорить, что мы скоро справимся с этой проблемой. Нет, путь этот будет долгим... Я думаю, этот терроризм просто перейдет в Африку с Ближнего Востока. И однажды мы поймем, что историческая ответственность лежала на нас, цивилизованных европейцев.

...Война в Ираке (Германия, кстати сказать, не принимала участия в этой войне) была грубейшей ошибкой. Но что это была ошибка мы поняли лишь тогда, когда эта война закончилась. Там и курды, и шииты, и сунниты, это деление не позволило ситуации мирно развиваться. Мы совершили ошибки. Мы должны бороться и политическими, и военными средствами. Нужно понять, что те, кто совершил теракты в Париже и Брюсселе, просто убийцы, это криминалитет. Однако объявлять войну в ответ на это нельзя. Олланд, например, ска-

зал: всё, мы начинаем войну, — и война началась. После 11-го сентября 2001 года американцы тоже объявили войну терроризму. И эта реакция была слишком сильной, хотя принесла не очень-то много плодов. Что это значит — «объявить войну»? Мы в наших странах не можем применять военные средства. В Германии опять, в сотый раз уже, началась дискуссия, можно ли использовать Бундесвер для решения внутренних вопросов. Но что реально будет Бундесвер-то делать? Разведку какую-то вести, оценивать информацию, анализировать данные? Улицы патрулировать? Выполнять задачи полиции? Нет, это путь неправильный, мы должны использовать соответствующие инструменты, которые у нас есть, чтобы бороться с преступлениями. И мы должны разумно использовать эти инструменты.

Свобода и безопасность

И опять же мы задаем себе вопрос: когда мы защищаем нашу свободу, разве ее мы не ставим под угрозу? Да, мы постоянно это делаем и не знаем меры. Мы слишком сильно, ярко-выраженно реагируем на нынешнюю ситуацию. Наше правительство недавно приняло решение, что мы будем экипировать службу безопасности, давать им новые инструменты. Я спрашиваю: а почему только сейчас? Как правило, после какого-то страшного события принимаются спонтанные решения, и самое плохое — то, что эти решения не борются с преступлениями, а все глубже проникают в личное пространство каждого человека — вот в чем заключается проблема.

Сейчас наши коммуникационные возможности просто колоссальны, можно собирать огромное количество информации и делать это *превентивно*. И все это под таким объяснением, что *когда-нибудь* нам это понадобится. Знаете, это уже произошло с американским агентством безопасности. Представьте себе, десятки тысяч людей имеют миллиарды бюджета и все коммуникации просто зондируют, они проникают даже в мой компьютер, представьте себе. Это просто нарушает все правила. И эти бесчисленные сотрудники собирают, собирают, собирают информацию, и *когда-нибудь* они начнут ее анализировать, если сочтут, что она



© Фото: Елена Хованская

Один из экспонатов Музея ГДР (DDR-Museum) в Берлине. Музей был открыт в 2006 году. Постоянная экспозиция рассказывает о жизни и культуре Германской Демократической Республики, насчитывает около 1000 экспонатов. Музей ГДР является одним из самых популярных музеев Берлина.

им вдруг пригодится. Я не хочу говорить, что другие страны ничего такого не делают, американцы ведь наши союзники и они имеют те же ценности, что и мы. Декларация независимости США — это пример для нашей конституции, европейской конституции, и, по сути, когда американцы согласились это делать, мы просто разрушили дамбу. И сейчас у нас есть специальный комитет Бундестага, который расследует вопрос MSA, а на самом деле, это должен быть комитет по расследованию дела Сноудена. Действительно, произошло что-то странное, в Америке есть Конгресс, который не знает, что происходит в их спецслужбах, где работают 30 тысяч сотрудников. 29-летний парень осмелился напомнить нам о наших ценностях, и он очень дорого заплатил за это.

Что же мы узнали? Что наши службы безопасности слишком чрезмерно реагируют. Надо сказать, что новые коммуникационные технологии — это большое искушение для служб безопасности, и таким образом мирных граждан тоже берут на прицел. А это как раз ограничение нашей личной, приватной сферы и это вопрос прав человека.

Эту тему уже подняли в ООН, в том числе обсуждали на Генеральной ассамблее, в Европейском Союзе. Мы должны защищать себя, и не только от излишнего рвения служб безопасности, мы должны защищаться от монстров Больших Данных. Ну, например, Google, представьте себе, никто не был в истории человечества настолько силен, настолько проинформирован, настолько влиятелен. Вы знаете, чем это очень опасно, вот это объединение «Большого брата», я имею в виду службы безопасности и больших баз данных. Это Google и Facebook. Они обмениваются данными с властями, в Америке есть закон, что они *обязаны* обмениваться данными! Смотрите, Big data, большие данные: агрегаторы противятся любым ограничениям сбора и использования наших данных, они говорят, что таким образом будет затронута их бизнес-модель. Но, давайте спросим: а в чем ваш бизнес-модель заключается? Оказывается, они делают бизнес вокруг наших личных, частных данных. У каждого из нас есть мобильный телефон, это компьютер, который всегда с нами. Он постоянно фиксирует где мы, куда мы едем,

что мы делаем, с кем мы разговариваем и т.д. Даже в домашнем хозяйстве есть предметы, которые собирают о нас информацию. Например, в Германии новые счетчики электричества даже показывают, какую телепрограмму вы смотрели. Мы приходим к обществу тотального надзора, обществу тотального постоянного наблюдения, и мы должны защищать нашу приватную сферу. Мы должны говорить о защите наших базовых прав. Парламент, например, в Германии противится этой тенденции; недавно было принято решение, что спецслужбы, должны контролироваться более жестко. Полиция должна контролироваться, но она получает все больше полномочий. Мы, кстати, с моими друзьями подали в Конституционный суд, и он должен будет принять решение против новых полномочий полиции. Потому что полиция это не спецслужбы, мы разделили эти структуры. Нужно защитить частную сферу, нужно создать такие зоны, где вы могли бы быть в одиночестве, чтобы государство не совалось туда, куда не следует...

Мы говорим о федеральном Конституционном суде и его решениях, потому что это и есть инструмент. Мы провалили, предположим, закон о сохранении данных телефонных разговоров. Говорили, что речь идет только о связи, а не накоплении информации. Нет, нет, нет, сами коммуникационные каналы весьма интересуются, с кем вы говорили. С врачом, да? А с каким врачом? А почему так часто? С женщиной? С мужчиной? Когда вы вели разговор по телефону, эти данные, собственно, и дают возможность понять, а кто вы есть на самом деле. Европейский суд уже работает в направлении защиты прав наших граждан в Германии. Европейский суд потому, что есть Хартия прав человека Европейского союза, и суды должны будут решать в соответствии с положениями этой Хартии. К примеру, суд запретил, чтобы мы поставляли наши данные в США, как это было раньше, потому что в Америке эти данные не защищены. Крупные собиратели этих данных должны уважать наши желания, чтобы определенная информация была бы забыта, чтобы она была просто ликвидирована. Мы должны знать, что о нас накапливается, почему и кто это делает.

СВОБОДА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Все это поле высокого напряжения: с одной стороны, свобода, а с другой — обеспечение безопасности. Но есть только одно мерило всех мерил, и это человеческое достоинство, а не «внутренняя безопасность». Конечно, все мы имеем право на защиту. Поэтому мы дали государству право на монополию применения силы, чтобы государство защищало нас. Но государство должно всегда убедительно оправдывать свои действия. <...>Да, мы должны иметь защиту от посягательств государства и поэтому обладаем свободой слова, свободу прессы и свободу выражать свое мнение, чтобы мы могли бороться с определенными феноменами в нашем обществе, знать о том, что у нас происходит. Мы очень много учимся. Раньше нужно было много поездов, чтоб вывезти все эти бумажные архивы, а сейчас достаточно одного компьютера, одной флешки. Сейчас начинается борьба с налоговыми оазисами, с политикой сокрытия прибыли от уплаты налогов, но должна быть создана соответствующая система для борьбы с коррупцией, а общественное мнение должно быть информировано...

Я уже говорил о правах человека, о человеческом достоинстве. После ужасов и преступлений Второй мировой войны у нас был период, когда мы переосмысливали свое прошлое, и все это отразилось во Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Это документ мирового сообщества, равного которому никогда еще не было. И если вы прочтете преамбулу к этому документу, то вы поймете, почему там это написано¹.

Преамбула

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и «принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут

свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами; и принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; и принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства, Генеральная Ассамблея, провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией².

Нацистское варварство глубоко нарушило человеческое самосознание. Оно ужаснуло мир, но и привело к тому, что люди сказали: никогда больше! Мы будем действовать теперь на основе уважения человеческого достоинства. И Советский Союз не проголосовал против <...> Права

человека были подтверждены в 1993 году в Вене, на Всемирной конференции по правам человека, это универсальные права. И я там присутствовал, и нет и не может быть никакого извинения тем, кто пытается, или тем, кто преследует человека по политическим убеждениям.

И нельзя лишать голоса человека, если он является политическим противником. Это свобода на выражение мнений, это свобода на выживание в материальном смысле этого слова. Все эти свободы прописаны, именно они создали, собственно говоря, соответствующее международное право. Защита женщин, защита неправительственных организаций, защита детей. Когда я работал в Женеве, мы с коллегами разработали резолюцию, которая в 1998 году была принята Генеральной ассамблеей единогласно. Это резолюция о защите адвокатов, работающих по правам человека. Там предусмотрено право финансирования из-за рубежа тех, кто вступает за права человека. Мы исходили из того, что права человека могут быть существенно развиты, поддержаны именно неправительственными организациями. Речь в этой резолюции идет не об агентах, а о полезных организациях, которые действуют на благо защиты прав человека.

Эти процессы в международном праве положительны, ну а что касается прав человека, там есть рецидивы. Возьмите Камбоджу, Руанду, Сребреницу. Да, потом появились суды — по косовской проблеме, по Сребренице, по Камбодже, по Руанде. Были обвинительные приговоры; Многие из убийц осуждены, Вы знаете, что сорок лет на Гаагском трибунале тот, кто руководил убийством людей в Сребренице <...> Есть соответствующий суд в Женеве по уголовным делам.

После многих лет, когда мы пытались создать основы международных законов по правам человека, отправной точкой остается борьба против безнаказанности и ответственность каждого отдельного преступника. Он не может и не должен прятаться за спиной государства, он несет ответственность, он был командиром, он дал приказ солдатам убивать, бомбардировать деревни. Он преступник, тот, кто этот приказ отдал, а мы — объекты, которые подлежат защите. Организация Объединенных Наций несколько лет назад утвердила

новые принципы международного права, и прежде всего принцип ответственности за обеспечение защиты. В определенных обстоятельствах речь идет о том, что Совет Безопасности получает мандат на защиту населения страны от действий собственного правительства... И мы должны постоянно напоминать об этом, сколь бы ни сложна была эта жизнь.

ПРАВООЩИТНИКИ

Поэтому так важно, что многие люди защищают эти принципы, работают в организациях, которые выступают за соблюдение прав человека, причем порой они работают в диктаторских режимах, их убивают или они попадают в тюрьмы и отсиживают долгий срок. Я с огромным чувством уважения отношусь к этим людям, выполняю свои личные обязательства в борьбе за права человека, много лет я это делал, потому что очень важно, если вы обращаете внимание на конкретного человека. Мы не можем изменить любую ситуацию, тем более изменить ненасильственными методами; но мы стремимся решать эти вопросы политическим путем, а поэтому мы вынуждены идти на компромиссы, естественно, рискуя. <...> Сейчас Европейская Комиссия предполагает вести переговоры с африканскими государствами для создания соответствующих предпосылок, чтобы не формировались такие мощные потоки беженцев. Но в этих государствах господствуют жуткие диктаторы (возьмите, к примеру, Судан), и как далеко можно идти в этом направлении, каким образом можно идти на переговоры с диктатурами, с которыми лучше всего вообще не иметь никаких дел?

И еще одно замечание. В 1975 году в Хельсинки был принят Заключительный акт Совещания по безопасности в Европе. 32 европейских страны, а также США и Канада, подписали эту Декларацию. Гельмут Шмидт и Эрих Хонеккер, то есть представители двух германских государств, а также Леонид Брежнев подписали эту Декларацию. Мой большой друг Дитрих Геншер был, собственно, одним из драйверов этого процесса. К сожалению, этот человек не так давно скончался. И он сделал все,

чтобы в Хельсинских соглашениях была зафиксирована и статья о правах человека.

Тогда сошлись на том, что совместными усилиями необходимо обеспечивать мир, что необходимо развивать обмен в экономической области, поддерживать его... В так называемой «третьей корзине» были заложены принципы свободы обмена информацией, мнениями, защиты прав человека. Мы действительно были очень заинтересованы, чтобы этот документ был реализован, но американцы почему-то противились. Почему это удалось? Для Советского Союза в тот момент было важно обеспечить признание ГДР, фиксацию границы между ГДР и ФРГ, что на тот момент не исключало, что границы будут более прозрачными. И мы провели в жизнь Хельсинскую Декларацию. Они стали очень важным элементом для развития движения «Солидарности» в Польше, которая опиралась на этот документ. И постепенно был запущен процесс разрушения тоталитарной системы. Принципы Хельсинки, в 1990 году были подтверждены и Парижской хартией. Опять 32 европейских государства, США и Канада. Главы государств и правительств стран-участниц, говорили о том, что завершён раскол Европы, они приняли на себя обязательства исповедовать демократию как единственно возможную форму правления и обеспечить права человека и основные свободы.

Парижская хартия зафиксировала важный политический момент окончания конфронтации; там было точно и недвусмысленно зафиксировано: границы Европы являются неизменными и неприкосновенными. Эта Парижская декларация тоже многим обязана покойному Гансу Дитриху Геншеру. Для него это был большой вызов, честно говоря, потому, что он очень активно выступал за принятие этой Парижской хартии и она должна стать осязаемой, в том числе, и в этой стране, потому что Россия подписалась под этой Хартией, как и все остальные европейские страны.

В настоящий момент мы находимся в ситуации, когда нужно было бы задуматься о российско-германских отношениях: что не в порядке, что нам мешает? Мы должны попытаться, причем с обеих сторон, сделать все возможное для того, чтобы повлиять на возможность процесса норма-

лизации, использовать все возможности диалога, который мы сегодня имеем, чтобы каким-то образом учитывать интересы другого, равенства интересов, которые мы считаем архиважными... Иными словами, нам нужно создавать, формировать такие взаимоотношения, которые высвечивали бы и противоречия. Не надо прекращать диалога, ни одна из стран не должна идти на поводу у другой. Пока удавалось все-таки обеспечить какое-то соблюдение Минских соглашений без участия американцев, что, по моему мнению, было вовсе не так плохо. Это сделали европейцы. <...>

Мы все находимся в глобализационном процессе, как — говорится все в одной лодке. Мы не можем уйти от ответственности за наш мир. Растет национальный эгоизм. Это невыгодно ни отдельным странам, ни Евросоюзу. Мы, немцы, будем бороться за то, чтобы Единая Европа была влиятельной и дееспособной, оставаясь партнером России. В ЕС 500 миллионов человек, это гигантский потенциал, и нам нужно совместно работать над решением проблем будущего. Мир изменился, он проходит резкий поворот с ускорением, время ускорило, даже, может быть, происходит некое изменение временной шкалы. Мы должны пройти его без страха, но с мужеством и на основе тех ценностей, которые вытекают из понятия человеческого достоинства... Ну, вот, собственно говоря, об этом я и писал в своей книге.

Лекция Герхарта Баума в Москве. Конспект. Москва, 6 апреля 2016г. Фонд Фридриха Науманна. Фонд Егора Гайдара. Публикуется с сокращениями.



Примечания

- 1 Всеобщая Декларация прав человека. *Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.*
- 2 Всеобщая Декларация прав человека в окончательной редакции была поддержана 48 странами (из 58 тогдашних членов ООН) на 183-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в Пале де Шайо (Париж) 10 декабря 1948 г. Белорусская ССР, Украинская ССР, СССР, Чехословакия, Польша, Югославия, ЮАС и Саудовская Аравия воздержались при голосовании, а Гондурас и Йемен в нём не участвовали.

© Текст: Герхарт Баум

Герхарт БАУМ*

СВОБОДА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Полемические заметки



© Фото: В. Ярошенко

*ГЕРХАРТ РУДОЛЬФ БАУМ родился в 1932 году. Один из ведущих либералов-правоведов Германии. С 1982 по 1991 год — заместитель федерального председателя СвДП. С 1978 по 1982 был министром внутренних дел в правительстве Гельмута Шмидта. В 1978–1994 — член бундестага, с 1992-го занимается международной защитой прав человека. С 1994 года вернулся к адвокатской практике. В 2004 году вместе с Сабиной Лойтхойзер-Шнарренбергер и Бурхардом Хиршем провалил принятие закона о «большой прослушке», а в 2006 — закона «О безопасности воздушного пространства». Помимо того, он является автором успешной конституционной жалобы против тайных обысков. В 2008 году Герхарт Баум стал обладателем премии Теодора Хойсса, в 2009-м — премии Эриха Фромма.

РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»
СОВРЕМЕННЫЙ

Герхарт Баум был министром внутренних дел ФРГ, когда в конце 1970-х ему пришлось почувствовать драматизм принятия решения в ситуации выбора между правом на свободу и манией безопасности. В те годы левая террористическая организация RAF, аналогичная итальянским «Красным бригадам», держала в страхе все население, независимо от статуса и положения. Но в то же время в кругах европейской интеллигенции присутствовал дух сочувствия и даже восхищения, иногда помощи первому поколению «левых террористов», лидеры которых вышли из рядов студенческого движения протеста 1960-х годов. Нечто похожее было в России в конце XIX века по отношению к «нечаевцам». Трагизм выбора между свободой и безопасностью с фатальной неизбежностью возвратился как вызов сегодня. Теперь перед лицом новых исламских террористов, взрывов и человеческих жертв в разных точках мира, включая США (11-го сентября), Россию (Беслан), Францию (Шарли), возникает соблазн простых запретительных решений. Под угрозой оказывается право на личную свободу, сохранность индивидуальных данных, приватности.

СВОБОДА КАК Я ЕЕ ПОНИМАЮ

В те времена, когда Германия лежала в руинах после Второй мировой войны, а в повседневной жизни царили бедность и нужда, разруха и борьба за выживание, на острове Херренхимзее встретились 33 человека — административные чиновники и посланники одиннадцать западногерманских земель, чтобы провести Конституционное собрание. С 10 по 23 августа 1948 года они напряженно работали над выработкой «Рекомендаций к Основному закону» для Парламентского совета. Затем, после восьми месяцев работы над законопроектом, который выработало собрание, 8 мая 1949 года 65 членов Парламентского совета, среди которых было всего четыре женщины, 52-ю голосами против 12-ти приняли Основной закон страны. Через несколько дней, 23 мая 1949 года, об этом было торжественно объявлено в Бонне. Основной закон был подписан и вступил в силу уже на следующий день. Он проложил путь к новой немецкой демократии.

Первая статья Основного закона выглядит так же аскетично, как и то время, когда она появилась на свет. Однако смысл ее абсолютно внятен:

«Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти».

Основные права могут быть реализованы через суд, но они не просто защищают гражданина от государства, а представляют собой объективную систему ценностей для всего общества.

Во время юбилейных торжеств по случаю 60-летия Основного закона, проходивших в мае 2009 года, речь шла исключительно о гордости за достигнутое. И это справедливо. Опасности, связанные с нарушением конституции, не были упомянуты даже в речи федерального президента. И это более чем прискорбно. <...>

Члены Парламентского совета, которые создавали Основной закон, в большинстве были людьми, состоявшими в политической оппозиции национал-социализму. И выводы из своего горького жизненного опыта они сделали без лишнего пафоса и эмоций. Сознательный отказ от варварства привел к тому, что впервые за всю историю существования немецкой конституции *ее нравственной основой стала защита человеческого достоинства*. Таков, собственно, главный образ нашей конституции. Именно из него, в отличие от конституций других демократий, она черпает свою силу. И если в первые годы после ее принятия люди были, скорее, равнодушны к новому конституционному устройству, то сегодня они его приняли.

Однако, хотя опросы свидетельствуют об обратном, распорядиться им всерьез граждане не хотят. Шестьдесят лет назад, когда Основной закон только был принят, он должен был пробиться к людям, для которых был написан. Потому что в те времена немцев просто-напросто воротило от политики. Слишком глубоко въелась в них несвобода национал-социализма, слишком поглощены они были тяготами и будничными проблемами послевоенного времени.

Нужно было разобрать руины, оставшиеся после войны, справиться со стыдом и онемением — наследием гитлеровского режима и его преступлений, и, кроме того, утолить банальный голод. В головах и сердцах были печаль по упущенным возможностям, надежда на возвращение пропавших отцов и сыновей и тихая меланхолия тех, кому удалось вернуться. Возможно, люди уже строили первые планы на новую или какую бы то ни было жизнь.

По словам журналиста Хериберта Прантля, демократия представлялась немцам *«подозрительной, импортированной странами-победительницами»*. А только что принятую конституцию они считали неким *«бессмысленным наказанием, наложенным англичанами, французами и американцами»*. Немцы не сами себя освободили, они были освобождены. Вряд ли есть что-то более пассивное, чем быть освобожденным. Немцы еще только должны были научиться жить в условиях свободы и личной политической ответственности, в условиях демократии. Вообще жить по своему разумению...

СТРОИТЬ ДЕМОКРАТИЮ — ВОПРОКИ ДОКТОРУ ФАУСТУСУ

Несмотря на разруху и травмы, многие в послевоенной Германии приняли этот вызов. Они были вдохновлены идеями новой конституции, основанными на свободных принципах эпохи Просвещения, философии Локка, идеях и трудах Руссо, Вольтера и Канта. Они были воодушевлены новым образом государства, в котором не граждане служат его интересам, а государство действует во благо граждан.

«Уважать и защищать достоинство человека — обязанность всей государственной власти».

Эти слова носят силу закона. И осеняют всю конституцию в целом. Но не только благодаря этой формуле Основной закон был и остается внятным ответом на диктатуру национал-социализма. Страх задуматься о случившемся был очень велик, многим просто не хватало слов. Однако с появлением конституции возникло нечто вроде символической самозащиты от прошлого, коллективное *«Никогда больше!»* — как знак начала новой жизни. На этот текст можно было полагаться. Из него можно было черпать надежду, что катастрофа больше не повторится.

К счастью, были люди, которые хотели заниматься политикой и занялись ею. Те, кто, подобно мне, в те давние времена пошел в политику, чтобы участвовать в построении молодой демократии и становлении свободы, были охвачены небывалым энтузиазмом, но одновременно терзались сомнениями и неуверенностью.

Можно ли было, учитывая реальные, но труднодостижимые события, происходившие до 1945 года, рассчитывать на успех демократии, на то, что одна только воля к демократическому развитию послужит гарантией ее возрождения и сохранения на долгие времена? По какому пути пойдет разви-

тие? Кто поручится за устойчивость, за непрерывность, за чистоту? Нам, как впоследствии и нашим потомкам, предстояло усвоить, что едва народившиеся конституционные права есть высшая ценность и благо.

В 1947 году в своем позднем романе «Доктор Фаустус» Томас Манн убедительно показал гибельную связь между стремлением к совершенству и утратой души, между жаждой творчества и вечным проклятием. В истории невероятно одаренного музыканта Адриана Леверкюна, повествующей отнюдь не только о жизни и творчестве художника, Манна занимают духовные и культурно-исторические корни национал-социализма и его сделка с дьяволом. На примере Доктора Фаустуса писатель продемонстрировал юному поколению двуличие немцев: сосуществование высокой культуры и преувеличенной склонности к разрушительным идеям или идеологиям, их сокровенную сущность, тяготеющую к радикализму и нетерпимости.

Мне было двадцать, когда я прочел роман Томаса Манна. Моя тогдашняя жизнь была отмечена потрясением от бомбардировки моего родного Дрездена, бегством и военным крахом. И в школе, и за ее пределами я то и дело натывался на старых нацистов. Почти ежедневно я ощущал тесную связь между уверенностью и сомнениями, политическим возрождением и препятствиями на его пути, перспективой самостоятельно распоряжаться своей свободой и потребностью в безопасности. Роман Томаса Манна говорит о том, что высокая духовность может сочетаться со стремлением к полному бесчувствию. Он показывает (и это неоднократно подтверждалось в истории Германии), что ответственность за свободу неотделима от потребности в безопасности и потому таит в себе соблазн несвободы.

Порой кажется, что эти антагонистические позиции немислимы одна без другой, что искушение несвободой якобы служит гарантией сохранения свободы, поскольку делает очевидной ее ценность. Что только риски, связанные со свободой, вызывают желание жить в безопасности.

Глубоко потрясенный романом «Доктор Фаустус», я в 1953 году написал письмо Томасу Ман-

ну и поделился с ним своими сомнениями относительно нашей способности вернуться «в настоящую, высокодуховную и гуманную Германию». В ответном письме он ободрил меня. Чтобы справиться со своими сомнениями, я решил принять участие в построении демократии и заняться партийной деятельностью. Моя вера в демократию окрепла — и отныне моя рефлексия стала конструктивной.

* * *

«Мы можем вернуться в животное состояние, — предостерегал философ Карл Поппер. — Однако, если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу».

В этих словах представителя критического рационализма Карла Поппера заключена самая суть созданной им мыслительной традиции: нужно действовать разумно, то есть обоснованно и рационально, не исключая при этом возможности ошибиться или потерпеть неудачу; нужно постоянно оценивать и перепроверять свои убеждения и отношение к тем или иным вещам, чтобы при необходимости суметь сделать оптимальный выбор. Поэтому для Поппера безопасность не является чем-то неизменным и гарантированным, это состояние относительно и переменчивое.

Безопасность — не самодостаточная ценность, здесь нужен взвешенный и аргументированный подход. Короче говоря, безопасность требует политического и общественного оформления. Для Поппера, который принципиально считает неопределенность нормой, безопасность, выступающая как нечто раз и навсегда установленное, неизбежно несет в себе высокие риски, а именно — семя тоталитаризма.

ПРИ СОМНЕНИИ — В ПОЛЬЗУ СВОБОДЫ

«Фрайбургские тезисы»

Что касается раннего этапа общественно-политического развития ФРГ, сочетание надежды и страха, стремления к свободе и сомнений в ее достижимости было вполне оправданно. Оглядываясь на пройденный путь, можно сказать, что, несмотря на все опасности, демократия победила. Но это не значит, что процесс завершен, это более или менее хрупкое статус-кво нужно всякий раз по-новому отстаивать и защищать.

Приняв в 1971 году «Фрайбургские тезисы» в качестве своей политической платформы, Свободная демократическая партия (СвДП) предъявила единственную немецкую партийную программу, которая наследует главным завоеваниям демократических революций конца XVIII века, а именно американской Декларации независимости и Конституции Франции.

«Кант возвращается» — так видел будущее один из главных авторов «Фрайбургских тезисов» Вернер Майхофер. СвДП выступала за то, чтобы по-новому определить пределы государственной власти, устройство государства и степень его допустимого вмешательства. Целью этих тезисов была не формальная, а реальная, действенная свобода. Свобода, равенство и братство, позаимствованные из известного источника, — таковы основополагающие принципы либеральной системы ценностей. Все они взаимообусловлены и неотделимы друг от друга, и все же главенствующей является свобода, по известной мудрости: «При сомнении — в пользу свободы».

Основным ориентиром для «Фрайбургских тезисов» послужили два принципа, сформулированные либеральным мыслителем Фридрихом Науманном: «Государство может не все» и «Государство — это все мы».

Мы, реформаторы-либералы из СвДП, были частью протестного «поколения 1968-го», которое дало толчок демократической модернизации всех

сфер политики. Конечно, отдельные начинания были отмечены политической горячностью и настойчивостью, порой чрезмерной, миссионерским запалом и известной склонностью к утопизму и нетерпимости.

И тем не менее в этом поколении была особая сила: оно с какой-то звериной интуицией чувствовало: право на свободу — это главное, что нужно отстаивать и защищать. Именно эти «демократические рефлексы» привели к отклонению законов о чрезвычайном положении.

«Эти чрезвычайные законы не были звездным часом в истории парламента. Они были первой серьезной попыткой консервативного и весьма самонадеянного правительства ограничить элементарные права и свободы граждан ради мнимой, но столь вожаделенной безопасности.»

— писал в еженедельнике Die Zeit мой друг Буркхард Хирш, бывший министр внутренних дел земли Северный Рейн–Вестфалия и вице-президент Бундестага. —

Своей славой эти дебаты обязаны отчаянно защищавшемуся гражданскому обществу, парламентской оппозиции и немногим стойким депутатам от социал-демократической фракции Бундестага».

И еще — хочу подчеркнуть это особо — Свободной демократической партии, которая благодаря убедительной речи Вальтера Шееля отклонила законопроект в Бундестаге. Некоторая чрезмерность и максимализм в действиях «протестного поколения» конца 1960-х даже по прошествии лет выглядят лучше, чем кладбищенское спокойствие воспитанного в авторитаризме «поколения отцов», которое неизбежно приводит к стагнации.

Вызов террора

Долгое время население не ощущало террористической угрозы. Однако, по крайней мере после 11 сентября 2001 года, представления о безопасности не только в Германии, но и во всем запад-

ном мире серьезно изменились. Нападение арабской террористической группировки Аль-Каида на ВТЦ в Нью-Йорке привело к гибели почти трех тысяч человек и в один день разрушило представление о неуязвимости современного цивилизованного мира в самых его основах. Потребность в новой, усиленной безопасности возросла настолько, насколько террористам удалось поколебать чувство защищенности в повседневной жизни, то есть колоссально.

Более двадцати лет назад Германия уже сталкивалась с терроризмом. Трагической кульминацией стал 1977 год. Но, в отличие от 2001 года, тогда речь шла не о гибели тысяч людей, а о целенаправленных убийствах политиков, крупных экономических деятелей (промышленников и банкиров), представителей государственной власти и их коллег. То же чувствительное потрясение — и с теми же последствиями ужас, страх и чувство беспомощности. Череда непредвиденных покушений со стороны RAF (леворадикальная террористическая группировка «Rote Armee Fraktion», Фракция Красной Армии. — Прим. пер.) вызвала у множества людей отчаяние и своего рода шок.

За несколько месяцев, которые вошли в историю террора в Германии как «немецкая осень», жертвами покушений стали генеральный прокурор ФРГ Зигфрид Бубак и его сопровождающие, председатель совета директоров «Дрезденер банк» Юрген Понто и президент Конфедерации Ассоциаций немецких работодателей Ганс Мартин Шлейер, а его водитель и трое сотрудников службы безопасности. Захват и сенсационное освобождение самолета «Ландсхут», самоубийства заключенных членов РАФ в тюрьме Штутгарт-Штаммхайм, усиливали ощущение постоянной угрозы. Да и как еще могли чувствовать себя граждане в стране, чье правительство, казалось, действует не самостоятельно, а под влиянием шантажа?

Больше безопасности, больше государства?

Больше безопасности, больше государства — казалось, этого хотело и ждало большинство людей.

Но именно тогда среди части населения и возросла готовность обменять гражданские права и свободы на мнимые гарантии безопасности. Государство, несомненно, должно было реагировать на новую угрозу, и хотя конституционных нарушений не было, кое в чем дело зашло слишком далеко: массированные розыскные мероприятия, ужесточившийся личный контроль и новые анти-террористические законы, в первую очередь, расширение полномочий следственных органов. Это было началом беспрецедентной внутривнутриполитической мобилизации, но одновременно и началом запуска своего рода общественно-политического «перпетуум мобиле». В 1977 году, спустя несколько дней после убийства Зигфрида Бубака, Рудольф Аугштайн в своей колонке в журнале «Spiegel» описал его механизм так:

«После любого громкого и подлого преступления против общественной безопасности приходит время страшных упрощателей. Будь то давнее убийство русского царя или нынешнее покушение на главного прокурора страны, разум и самообладание отправляются напрямик в чулан. Но когда-нибудь они выберутся оттуда на божий свет».

Если обобщить прошлый опыт, можно отчетливо увидеть механизм, который проявляется в атмосфере страха, когда преступность или террор становятся ощутимыми (в реальности или в виде некоего ужасного сценария, сочиненного для немецкого зрителя, в том числе политиками, ответственными за безопасность) и воспроизводится по сей день по одной и той же схеме. Угроза свободе каждого отдельного человека со стороны преступников или террористов вызывает страх, за страхом следует призыв к усилению безопасности, и страх, в свою очередь, усиливает позиции тех, кто эту безопасность обеспечивает, то есть исполнительных и законодательных органов власти. Они, получив такой стимул, изыскивают все новые возможности и средства, чтобы удовлетворить пожелания гражданина, который к тому же еще является и избирателем. К сожалению, все это происходит без оглядки на потери в степени свободы. И, говоря полемически, за усиление мер без-

опасности мы платим уменьшением свободы — даже на этапе профилактических мер.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПРЕВЕНТИВНОЕ

Динамика этого однотипного развития событий понятна, но губительна. Ведь именно она привела к тому, что за прошедшие десятилетия правовое государство постепенно превратилось в превентивное. Предотвращение — так неизменно формулировалась цель, которая должна была оправдать все средства — от борьбы с глобальными рисками организованной преступности до терроризма, уже давно ставшего интернациональным. Но предотвратить может только тот, кто контролирует, анализирует, ведет наблюдение — не только за потенциальными преступниками, но и за всеми гражданами. Граница между превентивным государством и государством-надзирателем становится весьма зыбкой. Ее можно незаметно перейти, и однажды население или — по потребности — множество отдельных граждан превратятся в некую совокупность потенциальных злодеев, пойманных государством при осмотре места преступления. Максими Фридриха Науманна «Государство может не всё» и «Государство — это все мы» больше не имеют веса.

При якобы превентивных мерах, заданных сценарием, государству позволено все, что ему покажется необходимым, и в сферу его интересов попадаем мы все. Этот процесс, начавшийся в 1970-х, и сегодня является испытанием для защитников Основного закона, поскольку в ходе превентивных мероприятий, предпринимаемых без особой нужды, незаметно демонтируются права и свободы граждан. Ведь государство, пытаясь обеспечить внутреннюю безопасность людей перед лицом всевозможных угроз, превращает в чисто информационный объект, в мощный и управляемый источник информации не только предполагаемых преступников, но и законопослушных, невинных гражд-

дан. А это запрещено конституцией. Соблюдение конституционных прав, необходимость их защиты, равно как и идея предотвращения вовсе не ограничиваются территорией нашей страны. Основной закон изначально казался частью международного порядка, который следует совершенствовать и развивать. Поэтому в наших интересах — обеспечить нерушимость конституционных прав в ходе объединения Европы.

Это объединение — процесс в высшей степени желательный. Согласно статье 23 Конституции Германия берет на себя обязательство содействовать интеграции, основанной на принципах демократии и законности. Если Европейский Союз в целях борьбы с терроризмом начнет ограничивать демократические свободы, перед нами со всей очевидностью встает вопрос о защите прав в строгом соответствии с положениями об основных правах и свободах, закрепленными в Основном законе нашей страны.

ЗАКОНЫ О БЕЗОПАСНОСТИ И ЭРОЗИЯ ПРАВ И СВОБОД

Политическая мобилизация во имя укрепления внутренней безопасности началась с принятия ряда чрезвычайных законов для защиты от RAF. Некоторые законы и положения, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность, были затем пересмотрены: например, Закон о запрете на общение (для подследственных и заключенных) и включение в розыскные мероприятия на основании общих признаков людей, не находящихся под подозрением. Если рассматривать 1990-е с точки зрения конфликта между свободой и безопасностью, они отмечены преувеличением угроз, связанных с организованной преступностью. Роковым результатом этого спора стала «большая прослушка». В свое время внедрение «жучков» в жилые помещения противники подобных мер считали циничным проявлением тотального контроля «прекрасного нового мира», от которого Олдос Хаксли предостерегал еще

в 1932 году. И вот действительность догнала научную фантастику. Превентивное государство явилось к гражданам, так сказать, на дом — вместе с заботой об успехе розыскных мероприятий.

Большой Брат, всевидящее око из романа Джорджа Оруэлла «1984», стал реальным синонимом контроля со стороны государства. К сожалению, «большая прослушка» была одним из тех случаев, когда пределы допустимого в розыскной деятельности государства были определены решением Федерального конституционного суда. Это было сенсационное решение, которое СМИ приветствовали как запоздалое возвращение к основам правового государства, но, вместе с тем, оно стало лишь точкой стабилизации на наклонной плоскости правового государства, где так трудно сохранить баланс между свободой и безопасностью, поскольку политика, ставящая целью профилактику и борьбу с преступностью, ущемляет права отдельного человека.

С тех пор этот внутриполитический ритуал, напоминающий государственно-правовую пьесу абсурда, повторяется вновь и вновь по схеме «раздражитель—реакция», которую прекрасно описал в своей колонке Хериберт Прантль:

«Долгие годы Федеральный конституционный суд печется об основных правах и свободах граждан, а правительство и Бундестаг — об их ограничении».

Существует целый ряд заключений ФКС, которые убедительно демонстрируют политикам, что те перешли дозволенные конституцией границы: вышеупомянутое прослушивание жилых помещений было ограничено решением судей из Карлсруэ (там находится Федеральный конституционный суд. — *Прим. пер.*). Нужно уважать сферу частной жизни. Доступ к персональным компьютерам и, соответственно, онлайн-обыски (тайные обыски компьютеров подозреваемых с помощью троянских программ. — *Прим. пер.*) теперь регламентируются правовыми критериями. Запрещено сбивать пассажирские самолеты с невинными людьми на борту. В настоящее время поступают жалобы на Закон о хранении телекоммуникационных данных и Закон о федеральном ведомстве уголовной

полиции. Некоторых из этих решений мы добились совместно с моими соратниками и друзьями Буркхардом Киршем, Сабиной Лойтхойзер-Шнарренбергер и Петером Шанцем. И руководили нами отнюдь не личные амбиции или любовь к спорам. Мы защищали и продолжаем защищать Основной закон.

Сохранение и упрочение демократии не допускает легкомысленного отношения к основам свободного демократического строя. По меткому выражению Карла Фридриха фон Вайцзеккера, *«чтобы сохранить свободу, нужно в ней жить».*

Но почему ФКС вынужден вновь и вновь обуздывать политиков? Почему важные для демократии решения принимаются судьями из Карлсруэ, а не законодателями? Порой кажется, что законодательная власть не думает о возможных последствиях собственных решений в надежде, что, при необходимости судебная власть вмешается и все поправит. В прошлом ФКС неоднократно высказывал критические замечания в адрес политиков, отмечая, что они могли бы и сами озаботиться конституционностью своих решений. Но, невзирая на все «поправки из Карлсруэ», политики неуклонно и неумолимо продолжают работать над «архитектурой безопасности», которую нынешний министр внутренних дел считает необходимой для защиты от организованной преступности и возможных атак со стороны международного терроризма, при этом упорно игнорируя основные права граждан.

Один из опасных шагов в направлении государства-надзирателя Германия сделала в 2001 году, по горячим следам терактов в Нью-Йорке. Под руководством тогдашнего федерального министра внутренних дел Отто Шили появились законы о борьбе с терроризмом (2002 и 2003 годов, а также Закон о пролонгации 2006 года), прозванные в народе «каталогом Отто» (игра слов, связанная с известной торговой фирмой «ОТТО». — *Прим. пер.*) или «Шили 1» и «Шили 2». Эти законы повлекли за собой существенные изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также в законодательстве о статусе иностранных граждан. Изменения эти были связаны с новыми широкими полномочиями служб безопасности, которые дают им право вмешиваться

в личную жизнь граждан. Федеральные земли также расширили свой инструментарий.

Намерения и тенденции, скрывающиеся за законами Шили, можно обнаружить при помощи простого контент-анализа: понятие «терроризм» встречается в них 37 раз, а понятие «свобода» — ни разу. В принципе, никто не спорит с тем, что новые угрозы требовали и продолжают требовать принятия новых контрмер. Этого не избежать ни одному министру внутренних дел. Но порой кажется, что терроризм служит всего лишь внешним поводом для превентивных действий.

Последствие второго порядка заключается в том, что не только в Германии, но и в других западных демократиях разработка контрмер приводит к постепенному выхолащиванию прав и свобод граждан. Выигрыш в безопасности покупается ценой ограничения свободы, которую, собственно, и нужно защитить. Перед нами ползущая эрозия основных прав. *«В поле напряжения между свободой и безопасностью мы уже давно движемся к полюсу безопасности. И происходит это за счет свободы»,* — так описывает Винфрид Хассемер тенденцию, которую мы все уже давно ощущаем.

СЕКРЕТНОСТЬ НЕ ПРЕДПОЛАГАЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Мощным двигателем этого процесса является терроризм — не столько непосредственные теракты по всему миру, о которых мы ежедневно узнаем из СМИ, сколько регулярные заявления о возможном теракте в Германии, повторяемые как заклинания. Пользуясь авторитетом своего ведомства, министр внутренних дел Вольфганг Шойбле не боится сослаться на некое тайное знание, на котором основаны его поистине апокалиптические «страшилки». И тут возникает дополнительная проблема: подобные заявления не поддаются публичной проверке. Сферы секретности не предполагают доказательств. Тот, кто утверждает, будто

обладает неким тайным знанием, вправе претендовать на значимость своей позиции. <...>Так политика в сфере безопасности превращается в темное прозрение события, которое еще не случилось, но может случиться и требует серьезных превентивных мер. *«Интеллектуальное удовлетворение от предугаданного чрезвычайного положения»* — так называет это конституционный судья Удо ди Фабио. <...>Превентивные меры необходимы, но они не должны приводить к возникновению превентивного государства «без границ». Сторонникам превентивных мер всегда не хватает информации. Контрмеры могут быть оправданы угрозами лишь в той степени, в какой они могут им успешно противодействовать. <...>.

МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И СВОБОДОЙ

После всех этих наблюдений крепнет убеждение, что политики испытывают Конституцию на прочность. И прежде всех министр внутренних дел, который по долгу службы является защитником свободы и безопасности в государстве, но «при исполнении» постоянно выступает в двойной роли. Он — главный, кто отвечает за внутреннюю безопасность, то есть в числе прочего и за борьбу с терроризмом. Но он же отвечает и за охрану сферы частной жизни, а защита персональных данных имеет прямое отношение к правам и свободам. К тому же он, как конституционный министр, отвечает за соблюдение Основного закона страны. Таким образом, федеральный министр внутренних дел должен не только постоянно поддерживать правильный баланс свободы и безопасности в государстве, но и блюсти его лично для себя. Непростая задача. Нынешний министр Вольфганг Шойбле, критикуя Федеральный конституционный суд, обнаруживает несколько иное представление о свободе, чем представление самого суда, подкрепленное практикой судопроизводства. Он предполагает «свободу, регулируемую правом». Судя по всему, регулировать ее он соби-



После Второй мировой войны Германия была поделена на две части: Германская Демократическая Республика (ГДР) была просоветской, Федеративная Республика Германия (ФРГ) — проамериканской. После падения Берлинской стены в 1989 году Германия, наконец, объединилась, и ГДР перестала существовать. Однако на востоке всё чаще признают, что с исчезновением ГДР они лишились родины, а все, чего они за эти годы добились, обесценилось. Именно поэтому многие немцы с теплотой вспоминают социалистическое прошлое.

рается сам. Напряженные отношения между свободой и безопасностью Шойбле вообще не обсуждает. Задача государства, по мнению министра внутренних дел, состоит в том, чтобы «защищать право, а с ним и безопасность». И где же место для свободы?

<...>Отказываясь от взвешенного подхода, министр приближается к идее государства по Томасу Гоббсу, который видел в нем надзирателя, претендующего на послушание граждан в обмен на их защиту. Но не Гоббс был отцом либерального конституционного государства, а Джон Локк. И у Локка гражданин платит за государственную защиту отказом от применения силы и законопослушностью, но вместе с тем он, как свободный гражданин, защищен от государства. Шойбле понимает безопасность как правовую ценность, равнозначную свободе. Более того, ради обеспечения максимальной безопасности он готов ограничить права и свободы граждан и по этой причине ставит под сомнение основополагающие правовые и конституционные принципы, например, политические и юридические различия между внутренней и внешней безопасностью, между преступлением и войной, между предупреждением и репрессией, между полицией и секретными службами, между полицией и армией. Предшественником Вольфганга Шойбле в подходе «государство — это я» был Отто Шили, который всегда утверждал, что существует конституционное право на внутреннюю безопасность.

С этим заблуждением раз и навсегда покончил правовед Эрхард Деннингер.

«Благоустроенное пространство свободы и права, — пишет он, — лишается своих прочных стен и границ в тот момент, когда на арену выходит безопасность как правовое благо, государственная цель или даже основное право. Безопасность — понятие, не поддающееся определению, и не надо пытаться его определить. Она безмерна и безгранична, это недостижимый идеал».

Здесь Деннингер вступает в полемику еще и с конституционной судьей Хаас, которая считает, что в демократическом правовом государ-

стве выигрыш в безопасности укрепляет свободу, то есть является выигрышем и в свободе. В этом утверждении Деннингер видит мыслительную ловушку («короткое замыкание»): из правильного посыла «нет свободы в отсутствие безопасности», по его мнению, вовсе не следует вывод «чем больше безопасности, тем больше свободы». Конституционный судья Удо ди Фабио указывает на то, что в утверждении «нет свободы в отсутствие безопасности» обе составляющие имеют равный вес. Свободолюбивое конституционное государство, по Фабио, хочет мира не любой ценой, «но мира, отвечающего нашей системе ценностей, мира для свободных людей». В «конституционном праве на безопасность» содержится неисполнимое обещание государства защищать своих граждан, которое предполагает его никогда не прекращающуюся деятельность в этом направлении. Безопасность имеет ценность не сама по себе, а лишь как условие для осуществления свободы. У безопасности есть функция, которая служит свободе — «воспрепятствовать препятствию для свободы», как сформулировал ее Кант. Мысль, которая в своей непреложности была ясной и однозначной тогда и остается поныне.

Безопасность и свободу, как утверждает правовед Кристоф Меллерс,

«в условиях демократии нельзя уравновесить, поскольку демократия стремится исключить несвободу. Свобода же всегда сопряжена с определенной степенью небезопасности. Если мы не хотим больше мириться с некоторыми опасностями — скажем, с угрозами для жизни — мы можем демократическим путем решить, что нам делать. Но при принятии этого решения на чашах весов будут не безопасность и свобода, а разные образы действия, дающие возможность жить свободно. Мы будем стремиться к безопасности не как к цели, а как к средству, которое обеспечит нам свободу».

Таким образом, невозможно поставить на одну доску риск и несвободу. Безопасность и свобода в условиях демократии несоизмеримы. Главной всегда остается свобода.

А ГДЕ ВОЗМУЩЕНИЕ?

Нам не нужна новая «архитектура безопасности». Наша Конституция в состоянии справиться с новыми опасностями. Что нам нужно, так это особая чувствительность к политическим мерам, предпринимаемым якобы во имя безопасности, тревога по поводу связанной с ними эрозии основных прав.

Где же озабоченность гражданина новыми и новыми покушениями на его частную жизнь? Где возмущение все новыми фактами ущемления человеческого достоинства? Почему избиратели не сопротивляются тому, что государство собирает их личные данные, а сами они в перспективе могут стать объектом тайного надзора и контроля?

Безмятежность населения — будь то результат безразличия, непонимания, завышенных требований или веры в авторитеты — поражает. Но, похоже, все же намечается некий поворот в сознании, вызванный информационными скандалами в крупных промышленных компаниях: защита персональных данных медленно, но верно перестает быть побочной темой. Теперь должны последовать действия.<...>

В 1977 году один из создателей Основного закона Карло Шмид так сформулировал общественные и политические задачи, стоящие перед каждым из нас с момента ее принятия:

«Мы должны рассматривать это государство как наше государство, и не в смысле красивых слов о его созидании, но в том смысле, что мы в этом государстве отвечаем за все происходящее. Какой бы прекрасной ни была конституция, это всего лишь предложение воспользоваться ее возможностями. В наших руках сделать так, чтобы из конституции получилось государство. Мы можем этого добиться».

В этих словах содержится недвусмысленный призыв к гражданскому самосознанию, к ответственности каждого за сохранение в целом удав-

шейся демократии. Захватывающий и вместе с тем тревожный призыв, который в своей непереложности и необходимости актуален во все времена. Свобода не дается даром. И лучший способ ее защитить — жить в ней.

ДО СИХ ПОР И НЕ ДАЛЬШЕ: ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Гарантии соблюдения человеческого достоинства не могут быть ограничены даже путем изменения конституции. Чисто теоретическим и очень далеким от нашей действительности случаем являются посягательства на основы свободного демократического строя. Но говорить о применении принципа пропорциональности можно только в том случае, если возникает угроза всему обществу. И этот случай никак не связан с террористической угрозой, которую мы здесь рассматриваем. Идея человеческого достоинства имеет глубокие исторические корни — в античной философии, христианстве и прежде всего в Эпохе Возрождения.

Удивительно, но в Веймарской конституции нет признания достоинства личности, сопоставимого с Основным законом ФРГ и Всеобщей Декларацией прав человека 1948 года.

В обоих документах это признание появилось как реакция на нечеловеческую жестокость первой половины XX века, когда была глубоко задета совесть человечества. Наша демократия стала жизнеспособной прежде всего благодаря сознательному отречению от неправового государства, с которым мы пытаемся разобраться по сей день, и этот критический подход способствует сохранению демократической идентичности. Разумеется, в послевоенные годы свою роль в приобщении людей к новому демократическому устройству сыграла модель всеобщего благополучия — важную, но не решающую. Права человека неотчуждаемы.

Отказываясь от них, человек перестает быть субъектом собственной ответственности. Поэтому Иммануил Кант и говорил о «неотъемлемых пра-

вах», «от которых человек не может отказаться, даже если бы и захотел».

Таким образом, *человеческое достоинство не может быть предметом обмена на безопасность*.

Дадим слово ФКС. Суд много раз подчеркивал, что достоинство человека нельзя рассматривать как объект государственной власти.

С преступником нельзя обращаться, нарушая его конституционное право на достоинство и социальную значимость, то есть воспринимать его просто как объект борьбы с преступностью и объект исполнения наказания. Человеческое достоинство ущемляется не тогда, когда некто становится объектом уголовного преследования, а когда выбор мер ставит под вопрос его субъектную ценность. *Это тот случай, когда государственная власть обращается с человеком, не считаясь с ним как с личностью*. Подобные меры не могут применяться ни в интересах более эффективного судопроизводства, ни ради установления истины.

О ПОПЫТКАХ УМАЛИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Некоторые правоведы не согласны с приведенным выше решением ФКС и выступают за дифференцированный подход к защите человеческого достоинства. По их мнению, все зависит от ситуации и конкретных обстоятельств. Таким образом, они открывают широкие возможности для ситуативной дифференциации. Сторонники этой доктрины озабочены «самоутверждением правового государства». Так называется книга профессора права из Кельнского университета Отто Депенхойера, который выступает за эффективное *«право на самооборону при враждебных угрозах»*. В его репертуаре есть такие средства, как противозаконное прослушивание квартир, интенсивное видеонаблюдение, растровый розыск (обработка различных баз персональных данных. — *Прим. пер.*), компьютерная слежка, пре-

вентивное содержание под стражей, высылка потенциально опасных личностей, а также «узаконенные» пытки.

Один из тезисов Депенхойера звучит так: *«Конституция не приспособлена для исключительных обстоятельств при террористической угрозе»*. И эти «исключительные обстоятельства», оказывается, уже давно существуют: *«Поскольку терроризм не локализован во времени и в пространстве, чрезвычайное положение должно быть перманентным»*.

Именно чрезвычайное положение должно закончить с *«конституционным аутизмом»* либералов. В области права для таких «исключительных обстоятельств» предусмотрено *«чрезвычайное право»*, *«право против врага»*, которое заменяет собой Основной закон. На основании этого права государство может потребовать от населения *«гражданских жертв»*, а в случае необходимости, и *«жертвы жизнью»*.

Дискуссия о достоинстве человека в нашем государстве тесно связана с периодом национал-социалистической диктатуры. Вместо незыблемости человеческого достоинства тогда действовали такие принципы, как *«справедливо все, что делается в интересах народа»* и *«фюрер защищает право»*.

«Коронованным юристом Третьего Рейха» был правовед и философ Карл Шмитт, чьи идеи реанимируются сегодня причудливым и весьма тревожным образом с помощью его учеников, вроде Депенхойера и других почтенных юристов. Например, в апологетической статье «Фюрер защищает право», написанной после «рёмовского путча», он оправдывал санкционированный Гитлером арест и убийство главы штурмовиков Эрнста Рёма и других членов СА. В представлениях Шмитта, государство главенствует над правом. Чтобы создать право, не нужно быть правым. Такой образ мыслей характерен для национал-социалистов и прочих антигуманных диктатур.

Исходным пунктом подобных радикальных рассуждений — будь то тогдашние, «от Шмитта», или нынешние, в духе Депенхойера и его единомышленников — является *«чрезвычайное положение»*, которое оправдывает отступление, пусть даже временное, от государственно-правовых обязательств.

Шмитт говорил: *«Сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»*. Вроде бы в этой позиции есть взвешенность и своя вполне убедительная логика. Для большей убедительности Депенхойер приводит аргументы в духе, с позволения сказать, «пикейных жилетов», охотно рассуждающих в категориях черное-белое. Вот это и делает его позицию столь опасной. А возмутительна она по другой причине: Депенхойер тривиализирует безусловную гарантию человеческого достоинства, представляя ее непродуманной и непригодной для реальной жизни. На самом деле верно обратное. Тот, кто объявляет *«исключительные обстоятельства при террористической угрозе»* (кто это определяет? на основании каких критериев?) поводом для «самоутверждения государства» и тут же предлагает «симметричный ответ» (например, «мертвые против мертвых», а это не что иное, как арифметика самого террора?), отнюдь не укрепляет правовое государство, а нагружает его сверх меры.

Напротив, неотъемлемое гарантированное право на уважение человеческого достоинства защищает государство от необходимости судить о том, что вообще не находится в человеческой компетенции. Государство не годится на роль «вершителя судеб», равно как и отдельный человек. Авторы античных трагедий понимали это лучше, чем иные современные правоведы. Утверждение правового государства происходит исключительно через самое ценное из его правовых благ — гарантии человеческого достоинства. И ее релятивизация означала бы, что правовое государство демонтирует себя само. Ученых, которые не являются сторонниками абсолютного приоритета защиты человеческого достоинства, не нужно упрекать в том, что они хотят диктатуры. Однако они ставят под сомнение основы конституции. Федеральному конституционному суду приписывают *«либерально-индивидуалистическое мышление»*, которое не позволяет ему думать об *«исключительных обстоятельствах при террористической угрозе»*.

На самом же деле «чрезвычайное положение» — это связующее звено между Карлом Шмиттом и его сегодняшними последователями. В 1978 году, во времена террористической угрозы со стороны РАФ, Юрген Хабермас заметил: *«Се-*

годня существует опасность, что теория Карла Шмитта о «внутренних врагах» станет рутинной». Рассуждения некоторых членов кризисного штаба, созданного после похищения Шлейера террористами из РАФ, шли в том же направлении. Правовед Хорст Драйер, которого прочат в президенты ФКС, сетует, что человеческое достоинство находится под угрозой, поскольку его релятивизация наталкивается на общественную нетерпимость. Но никому не запрещено думать и никому не затыкают рот в дебатах о конституции. Тот, кто защищает достоинство человека, не занимается его сакрализацией. В такого рода интеллектуальных играх нужно осознавать, что рано или поздно придется столкнуться с действительностью, которая называется, например, «пытками». Даже при самых благих намерениях пытки остаются пытками и во всем мире считаются незаконными. Террористическая угроза нашему обществу никак не подходит под понятие «чрезвычайного положения». Но даже если бы дело зашло так далеко, государство не может реагировать на нее поиском «внутренних врагов». Даже к преступнику, в данном случае террористу, нельзя относиться как к врагу, как к человеку, стоящему вне закона. Наш демократический строй силен именно тем, что и в обращении с противниками правового государства придерживается установленных правил.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ. ГОСУДАРСТВО В РОЛИ ОТЦА И ЗАЩИТНИКА

Исламский терроризм создает для служб безопасности особые трудности. Он имеет гибкую организацию, террористов сложно инфильтрировать, признать подозреваемыми и абсолютно невозможно подсчитать их количество. СМИ почти каждый день сообщают о реальных или планируемых терактах, вызывая в памяти страшные картины из Нью-Йорка, Мадрида, Лондона. И даже здесь, в Германии, мы постоянно узнаем из СМИ о заявлениях представителей различных террори-

стических группировок, задержаниях подозреваемых в терроризме и потенциальной угрозе терактов. Страх перед террором разлит везде. Мы уже не в состоянии понять, где находится источник угрозы, кто террорист, каковы его мотивы. Порой мы не можем отличить запланированный теракт от свершившегося. Мы ощущаем постоянную опасность, и желание ее избежать в высшей степени понятно. Одновременно растет стремление органов государственной безопасности к превентивной борьбе с рисками. Наряду с традиционным предотвращением опасности на передний план выходит профилактика рисков. То есть происходит смена парадигмы — от экстремального случая предотвращения опасности к всеобъемлющему управлению рисками, которое противоречит Основному закону, поскольку ведет к утрате свободы.

Представление о необходимости профилактики и превентивных мер уже утвердилось во многих политических сферах. В качестве примера можно привести превентивную охрану окружающей среды. Мысль о защите естественных основ жизни абсолютно понятна, а необходимые ограничения, скажем, в сфере потребления не нарушают никаких конституционных принципов. Иное дело — сфера безопасности, где основные права и свободы граждан имеют особое значение. В деятельности органов безопасности нужно различать превентивные и репрессивные меры.

Превентивным бывает предотвращение опасности. Оно предполагает наличие отдельной, так называемой конкретной угрозы общественной безопасности и порядку. А репрессивные действия, то есть уголовное преследование, связаны с предъявлением «начального подозрения» в совершении преступления.

ГОСУДАРСТВО НЕ ДОВЕРЯЕТ ГРАЖДАНАМ

Сегодня предотвращение опасностей приобретает все большее значение. И одновременно мы можем наблюдать узаконенные

посягательства на наши права, вызванные принципиальным недоверием государства к своим гражданам. Государство неумолимо собирает информацию о совершенно невинных людях: то в виде отпечатков пальцев для биометрических паспортов, то в виде хранения наших телекоммуникационных контактов в течение шести месяцев. «Хранение» в данном случае означает, что персональные данные собирают, не зная точно, понадобятся ли они когда-нибудь, разве что для следствия по уголовному делу. Достаточным основанием является предположение, что они вдруг могут оказаться полезными и будут предоставлены органам государственной безопасности. Но государство позволяет себе вторгаться в основные права еще до этой возможной выдачи. Даже если эти данные никогда не будут использованы, поведение государства можно считать посягательством на основные права граждан. Собираются миллионы личных сведений. Применительно к отдельному человеку, например, можно узнать, кто с кем и когда общался. Что же касается мобильной связи, то она позволяет выяснить, где находится владелец телефона. Таким образом, все больше персональных данных ни в чем не повинных граждан попадает в государственные базы данных. Подозрение больше не является необходимым условием для докучливой расследовательской деятельности.

«Превентивное государство ненасытно» — так описывает Хериберт Прантль этот образ мышления. Особенно его занимают видеонаблюдение, биометрические паспорта, сбор обычных и оцифрованных отпечатков пальцев и многое другое. <...>

«Но если за человеком повсюду следят видеорекамеры, — пишет Прантль, — если с помощью систем видеонаблюдения можно установить, когда и по какой улице он шел, если фиксируются данные о его полетах, если просматриваются его компьютеры и банковские счета, если можно централизованно запросить его персональные данные, сведения о его болезнях и физических недугах, то в итоге получается опасное целое».

Эти предполагаемые сценарии показывают, что использование информационных техно-

логий — процесс динамичный. Судя по предыдущему опыту, технические возможности, единожды появившись, продолжают применяться и совершенствоваться. Что же касается хранения персональных данных, то я отважусь уже сейчас сделать прогноз. Однажды этот срок будет продлен с обоснованием: то, что допустимо на протяжении шести месяцев, допустимо и целый год. Следующей площадкой для экспертов по информационным технологиям в превентивном государстве станут таможенные данные, служащие для учета дальних грузовых перевозок. Если соответствующее оборудование установлено вдоль трасс и функционирует, технически ничто не мешает регистрировать не только грузовики, но и любые проезжающие машины и хранить эту информацию некоторое время. Пока ФКС удалось воспрепятствовать архивному хранению такого рода данных. Но можно предположить, что в особых случаях это будет разрешено. Сценарий тотального наблюдения можно легко домыслить: однажды съемки видеокamer на вокзалах будут совмещены с биометрическими данными, и можно будет легко проследить, кто, в какое время и в чьем сопровождении посещал вокзал.

«Превенция — это не ожидание события, которое возникает исключительно в связи с политикой безопасности и поэтому может рассматриваться и обсуждаться только в ее контексте, — говорит юрист и эксперт по защите данных профессор Спирос Симитис. — Разногласия, вроде конфликта вокруг хранения данных, предложения, вроде инициативы выявлять криминогенные факторы путем постоянного наблюдения за детьми (чуть ли не с эмбрионального состояния), или комбинирование данных, вроде ставшего уже почти само собой разумеющимся сведения информации из разных баз, дают основания считать превенцию особым (если не единственным) признаком того, что нынешняя политика безопасности рассчитана на долгий срок»<...> «То же самое относится и к сфере здравоохранения, — продолжает Симитис. — Уже сама дискуссия по поводу электронной медицинской карты

и связанной с ней концентрации данных, которые можно использовать разным образом, позволяют распознать явные превентивные устремления».

ГРАЖДАНЕ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

В превентивном государстве стираются границы между виновными и невинными, подозрительными и нет. Мы все становимся факторами риска. И генеральная линия ЕС на архивное хранение персональных данных, вне зависимости от подозрений, является выдающимся примером этой практики. Эта линия означает следующее: все телекоммуникационные данные граждан сохраняются без исключений и без указания конкретных причин. Таким образом, мы все считаемся потенциальными подозреваемыми. Подрывает наше конституционное право на то, чтобы нас не трогали, пока мы не даем следственным органам повода для беспокойства и вмешательства.

«Речь идет о том, чтобы создать систему раннего оповещения, — пишет Хериберт Прантль в одной из своих многочисленных статей, в которых он борется за сохранение правового государства. —

Возникает единая разветвленная система безопасности, в которой методы тайного (то есть вряд ли соответствующего государственно-правовым нормам) сыска становятся всеобщим стандартом. Применяются (такова цена системы раннего оповещения) средства и методы — тайное прослушивание и другие методы тайного контроля, которые в уголовном праве можно применять только против подозреваемых. Превентивное государство, такова его логика, должно забирать у гражданина все больше свободы, чтобы взамен давать ему безопасность, и так может продолжаться до беско-

нечности, потому что безопасности всегда мало».

Если додумать до конца, подобная философия безопасности ведет к предупредительному аресту «опасных лиц», то есть людей, которые даже не подозреваются в совершении преступления. Представленный «большой коалицией» (блок ХДС/ХСС и СДПГ в Бундестаге. — *Прим. пер.*) закон «Об уголовном преследовании за подготовку тяжких насильственных преступлений, угрожающих безопасности» касается наказуемости подготовительных действий. Эти действия отнесены так далеко от возможного преступления, что связь между ними почти невозможно обнаружить.

<...> Уголовно-правовые нормы, непригодные для вынесения приговора в правовом государстве, создаются для того, чтобы в борьбе с подобными преступлениями государство могло использовать серьезный инструментарий уголовного судопроизводства: телекоммуникационное наблюдение и запись, прослушивание, обыски у контактных лиц, видеонаблюдение на улицах и площадях, конфискацию имущества, арест и предварительное заключение в случае угрозы повторения преступного деяния. Это весьма рискованно, особенно ввиду применения самых жестких из возможных мер и посягательств на конституционные права граждан.

Нельзя позволять органам безопасности действовать наугад из одного лишь ужаса перед «самым страшным». Ведь «зауэрландские террористы» (четверо исламистов, осенью 2007 года планировавших атаку на ряд объектов ФРГ, таким образом протестуя против немецкого военного присутствия в Афганистане. — *Прим. пер.*) были арестованы в рамках существующих законов и розыскных мероприятий.

Ограничение основных прав может быть оправдано лишь в том случае, когда предполагаемая опасность подтверждена конкретными фактами, то есть существует достаточная степень вероятности, что в обозримом времени правовому благу будет причинен ущерб. При несоблюдении этих границ под подозрение могут попасть целые группы населения. В этом случае деятельность государства будет невозможно ограничить,

напротив, после каждого теракта, и вовсе не обязательно в Германии, а допустим — в каком-нибудь из соседних государств, оно будет заходить дальше и дальше. И безопасность станет государственной целью! Превентивным мерам нужно поставить границы, и не только с помощью ФКС.

Здесь нужна политика. Политика, которая ориентируется на пределы допустимого по конституции, означала бы банкротство свободной политической системы. Не все, что допустимо с точки зрения конституционных норм, должно быть воплощено на деле. Законодатель свободен действовать в этих рамках, исходя из собственных ценностных представлений. Но должна быть и возможность для разумного обсуждения баланса между свободой и безопасностью в рамках конституции, позволяющая не впадать в крайности. Иной подход приведет к перегрузке ФКС. После решения, вынесенного судом, законодателю регулярно приходится вновь браться за работу. Так не лучше ли обдумать заранее, какие последствия будут иметь его планы и каковы их границы — хочет ли он доводить дело до крайностей?

<...> Общей концепции безопасности, которая подверглась бы основательному обсуждению с учетом накопленного опыта, пока нет. Обсуждаются отдельные меры, хотя только из комплексного анализа можно понять, насколько нарушен баланс между безопасностью и свободой. Этот баланс между осознанными рисками свободы, с одной стороны, и безопасностью, купленной ценой ее урезания, — с другой, во времена международного терроризма удержать особенно трудно. Он постоянно грозит качнуться в направлении безопасности.

<...> Разумеется, после первого потрясения от теракта будет трудно достучаться до людей при помощи аргументов, которые я отстаиваю. Во время похищения Шлейера до семидесяти процентов опрошенных граждан выступали за смертную казнь для преступников из РАФ, хотя по конституции она однозначно запрещена. Шоковые реакции, психологические и эмоциональные стрессы приводят к «коротким замыканиям», как это случилось в США после 11 сентября 2001 года.

Но как бы это ни было тяжело, особенно перед лицом страшных сцен, которые возникают в воображении, мы должны держаться в рамках в таких ситуациях, которые приводят нас и нашу демократическую систему на грань допустимого и возможного. Даже в экстремальных условиях мы должны бороться за свои убеждения — за неограниченное действие Основного закона. Правила и обязательства проверяются на прочность именно в тяжелые времена.

И еще. Мой многолетний опыт говорит о том, что после каждого теракта ответственные за безопасность — во главе с министром, получают незаслуженные упреки. Начинаются дискуссии о неудачах в розыске, которые затевают люди, судящие о ситуации по информации после, а не до совершения преступления. И ответственным за безопасность нужно быть готовыми к такого рода обвинениям и упрекам.

«СИЛА ОРУЖИЯ» ИЛИ «СИЛА ИДЕЙ»: КАК БЫТЬ С ТЕРРОРОМ

Еще во времена РАФ мы рассуждали и действовали исходя из того, что не можем противостоят террористическим угрозам только при помощи полиции, юстиции и армии. Наряду с *hard power* («силой оружия»), как принято говорить сегодня, непременно нужна и *soft power* («сила идей»). Дискуссия с инакомыслящими, носителями иных политических взглядов, даже с политическими соперниками, всегда предполагает диалог, агитацию за свои политические убеждения и цели. Когда первые волны террора РАФ вызвали в Германии серьезное беспокойство, нам хотелось разобраться в причинах происходящего. Мы хотели узнать о причинах, породивших протестные настроения, понять, как дело могло дойти до преступных деяний, совершенных меньшинством. Прошло довольно много времени, пока нам стало ясно, что для победы над терроризмом недостаточно только полиции и юстиции. Нужны

были дискуссии о причинах насилия. Почему сопротивление, поддержанное многими, у небольшого числа людей вылилось в преступное насилие? Мы понимали, что находимся в конфронтации не только с активными боевиками, но и с людьми из их окружения, которые им симпатизировали и становились особо опасными, когда помогали террористам.

Уже в конце 1970-х годов известные ученые начали исследовать причины возникновения терроризма, его формы и последствия. Карл Кристиан фон Браунмюль, брат убитого дипломата Герольда фон Браунмюля, спустя годы дал следующий комментарий:

«Мое возмущение убийцами неизменно сопровождается вопросом: они что с неба упали, или все-таки выросли из глубин нашего общества?»

Чтобы это выяснить, мы предприняли попытку преодолеть заговор молчания общества в отношении протестных групп и наладить общение с теми, кто был нам доступен. Мы хотели показать им, что наше общество может быть реформировано в рамках парламентской системы. Такие аргументы я приводил в разговоре с бывшим террористом и адвокатом Хорстом Малером. Он откестился от своих деяний, но сегодня в политическом смысле его можно отнести к ультраправым. В прямом диалоге с ним я хотел понять, как он пришел к терроризму. Во время наших дискуссий я полностью осознавал, что (как в свое время сформулировал ФКС) «непрерывная интеллектуальная полемика и борьба мнений являются неотъемлемым элементом демократического государственного устройства». Круг сторонников РАФ со временем утратил жизненную силу и в конце концов исчез. Отчуждение между поколениями было преодолено. Я говорил тогда:

«Мы должны предложить молодым людям то, что сами искали за пределами этого общества — чувствительность, солидарность, общение и сосредоточенность на человеческих проблемах. Я убежден, что наше государство на это способно. В нем есть либеральность, толерантность и гу-

манизм, которые дают ему необходимые моральные силы. И самым сильным аргументом является его либеральный Основной закон».

У сегодняшнего терроризма иные мотивации и иной способ действий. Тогда мы имели дело с обозримым кругом активистов, на которых могли повлиять. Развешанные повсюду объявления о розыске свидетельствовали о том, что мы знаем имена террористов из РАФ и их лица. Исключение составляют так называемые террористы третьего поколения, которых мы не знаем до сих пор.

Сегодня мы имеем дело с несчетным количеством террористических группировок, действующих на международной арене, не различимых в лицо, за исключением отдельных лидеров. Это анонимные агрессоры из географически не локализованных групп с трудно определяемыми связями. В отличие от немецких террористов, некоторые из них вроде бы готовы жертвовать своими жизнями, то есть стать смертниками. Поэтому один из главных вопросов сегодня: можно ли как-то воздействовать на сознание потенциальных преступников, чтобы искоренить исламский терроризм? Это будет очень трудно, но я все же думаю, что мы не должны оставлять эту задачу. Одним из условий, позволяющих говорить хоть о каких-то видах на успех, была бы попытка узнать, что происходит в головах этих чрезвычайно агрессивных и самоотверженных террористов. Они остаются для нас абсолютно чуждыми — в психологическом, ментальном и религиозном смысле. Однако один вопрос просто напрашивается: что движет теми людьми, которые их поддерживают, которые выросли среди нас, в нашем обществе?

НИКАКОГО «СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Главной движущей силой сегодняшнего терроризма является конфликт между Израилем и палестинцами. К мотивирующим факторам мож-

но отнести вторжение Запада в Афганистан, международную поддержку Израиля и «предательство истинного ислама» в арабских странах. Большая часть терактов приходится на арабский мир. Все это мы знаем. Но терроризм не является неизбежным следствием ислама. Мы не стоим перед неизбежной войной цивилизаций, столкновением культур, которое является питательной почвой фундаментализма. Этот тезис защищал политолог Самюэль Хантингтон, умерший в 2008 году. Хантингтон не признавал, что конфликты вытекают из социальной или политической действительности и только в редких случаях бывают подлинно этническими или религиозными. Он противопоставлял «западной цивилизации» все другие цивилизации, в том числе исламскую, и таким образом давал аргументы тем, кто считал идею прав человека продуктом исключительно западным, а не элементом глобального жизнеустройства, основанного на международном праве.

Многие в Германии именно в усилении ислама усматривают угрозу нашему обществу или даже безопасности. Конечно, в исламе есть тенденции враждебности Западу. Многие кажется нам чуждым. Порою мусульмане чувствуют себя проигравшими в глобализации и не готовы признать, что причина кроется в их собственных установках. Регулярно публикуемые отчеты Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) о «положении в арабских государствах», составленные исключительно арабскими исследователями, раз за разом приходят к выводу, что причины экономического неблагополучия арабских государств кроются в бесхозяйственности, коррупции и остром дефиците демократии. Великий либерал Ральф Дарендорф, недавно умерший, справедливо утверждал:

«Осталось показать, что исламский фундаментализм может предложить альтернативный образ будущего, который даст обоим народам всего мира, в том числе западного, альтернативу либеральному порядку. Но пока этого не происходит, проект «Джихад» остается тягостным эпизодом, а не угрозой свободе. Речь ведь идет о терроризме, а не о войне. И не о тоталитаризме».

Борьба с исламским терроризмом с помощью «силы идей» будет долгой и трудной, но эта задача должна оставаться в повестке дня. Чтобы решить ее, нужна не дискуссия, пронизанная исламофобией, а непредвзятый разговор с исламом, у которого много граней. И вести его нужно, исходя из общечеловеческих ценностей, как они записаны во Всеобщей Декларации прав человека и во всех основных мировых религиях, в том числе и исламской.

Не существует никакой «ведущей культуры», немецкой или западной, которая не разделяла бы эти универсальные ценности. Начавшаяся было помпезная дискуссия о «ведущей немецкой культуре» заглохла, не дав никаких результатов. Разумеется, мы должны твердо стоять на том, что исламское право, в любой интерпретации, не имеет приоритета перед правами человека. Мусульмане, живущие в Германии, должны принять тот факт, что мы живем в мировоззренчески нейтральном государстве, которое придерживается принципа толерантности.

Первая статья Конституции, провозглашающая приоритет человеческого достоинства, распространяется на всех людей, живущих в нашей стране. Конечно, в первую очередь мы сами должны следовать этому принципу, что происходит далеко не всегда. Недавний опрос американского Института Гэллапа показывает, что мусульмане, живущие в Германии, ассоциируют себя с нашим государством и его институтами порой даже больше, чем сами немцы. Это говорит о том, что у исламских фундаменталистов нет будущего. И нет политического движения, которое бы серьезно угрожало Западу. Применительно к исламской угрозе речь идет о точечном воздействии — о «булавочных уколах», по меткому выражению Дарендорфа. Впрочем, популистски урезанные идеи Хантингтона о «столкновении цивилизаций» напоминают мне упрощенные (из тех же соображений) мысли Освальда Шпенглера о мнимом «закате Европы», которые были так популярны во времена моей юности. <...>

Неуютный мир без границ

Глобальный экономический кризис застал нас врасплох. Его последствия будут ужасны.

Абсолютно реальные превентивные меры против такого рода угроз так и не были приняты, и теперь рушатся целые отрасли и рынки. Безработица уже давно не является проблемой людей с низкой квалификацией, она может затронуть любого — и рабочего, и менеджера. Пострадала не только профессиональная сфера, под угрозой оказалась частная жизнь человека — семья, досуг, потребление товаров и культуры, привычный уровень жизни. В грозящих нам серьезных ограничениях обнаруживаются темные стороны глобальных экономических процессов. Если целью личного благоустройства человека было стирание границ через самореализацию и самоопределение в личных отношениях, досуге, профессиональной жизни, а для некоторых — и в создании собственной идентичности, то теперь и оно воспринимается как угроза. В глобализирующемся мире вместе с национальными границами исчезли и социальные системы, и структуры, позволявшие ориентироваться, — причем исчезли навсегда.

Родина везде и нигде, и тот, кто привык говорить по-английски all over the world, рано или поздно утратит язык, обеспечивающий идентификацию (например, диалект, на котором говорили родители или бабушка с дедушкой). Национальные и культурные особенности, дававшие чувство защищенности, пропали. Мир без границ, безграничная свобода — это одновременно и утра та почвы под ногами, особенно там, где основой повседневной жизни была именно она. Стирание границ порождает не менее сильную потребность в точке опоры, в возможности рассчитать и исчислить, что абсолютно закономерно для области социальных отношений.

Можно ли застраховать все риски?

«В общественном сознании очевидно, произошел решающий поворот, вследствие которого не свобода, а безопасность стала считаться наивысшим благом и безусловной ценностью».

— говорит психолог Райнер Функ, председатель Общества Эриха Фромма. Этот поворот наблюдается во всех общественных сферах, но особенно явно в законодательстве по «обеспечению безопасности государства и его граждан». Он хорошо виден и в стремлении общества застраховать всех и каждого. По информации Союза страхователей, организации, занимающейся защитой прав потребителей, среднестатистический житель Германии тратит на различные страховки более двух тыс. евро в год. Страхование багажа, страхование пассажиров от несчастного случая, страхование мобильных телефонов — неужели все это действительно нужно? На самом же деле страхование не способно предотвратить «наихудшего». Это просто бизнес. Но тем не менее застрахованные граждане покупают иллюзию, будто это возможно. Договариваются: если случится (что весьма вероятно!) «самое страшное», последуют выплаты.

Террористическая угроза — лишь один из индикаторов, свидетельствующих о наступлении «неспокойных времен», лишь одна из опасностей, вызывающих повышенную потребность в безопасности и делающих ее столь значимой.

В книге «Общество риска», вышедшей в 1986 году, социолог Ульрих Бек описал понятие риска в современном мире. И почти одновременно реальность предложила свою поправку в дефиницию: в апреле 1986 года на атомной станции в Чернобыле взорвался реактор. Последствия радиоактивного заражения ощущались за тысячи километров, а в Германии еще долгие годы призывали не употреблять продукты с пострадавших полей и лесов. Таким образом, книга Бека и его мысль о том, что в современных обществах риски возникают прежде всего «вследствие собственно технико-экономического развития», получили реальное подтверждение. Предостережение стало описанием повседневности. <...>

«Мне нечего скрывать». Информация и безопасность

Мы живем в усложняющемся мире, в котором набор потенциальных угроз, как очевидных, так и незримых, не уменьшается, а растет. Климатические изменения, биржевые крахи, аварии

на атомных подлодках и космических спутниках уже давно из кошмарных видений превратились в предсказанные и частично случившиеся события. И за ними последуют новые, будь то природные катастрофы или рукотворные. А вот как они будут восприняты, напрямую зависит от средств массовой информации. <...>

В размывании грани между вымыслом и действительностью с помощью масс-медиа наблюдается большой прогресс. Перед камерами международных телеканалов ведутся целые войны (в Ираке, например); именно через СМИ террористы официально объявляют о все новых злодеяниях, а спецслужбы предупреждают о возможных терактах. <...>Преступления хорошо продаются. Когда риски и угрозы становятся повсеместными, наступает черед фатализма.<...>. В итоге у людей наступает безразличие. При этом заклятый «немецкий страх» (german angst), эта маниакальная раздумчивость и нерешительность — клише, которое во всем мире так охотно навешивают на немцев как некую смиренную рубашку, получает новую пищу.

Многие немцы полагают, что жизнь все же становится опасней. <...>Этот страх имеет и политическое измерение. В сочетании с возможной террористической угрозой он легитимирует принятие государством все новых законов о безопасности — в ущерб основным правам. «*Страх угнездили в сердцах и головах людей*», — говорит психолог Райнер Функ. И поясняет:

«Когда множество людей, осознанно или нет, стремятся ко все большей безопасности, смиряясь с тем, что их права и свободы грубо нарушаются, эта базовая потребность закрепляется в характере».

Люди начинают идентифицировать себя с этим стремлением, воспринимают его как социально одобренное и нормальное. Возможно, здесь кроется ключ к пониманию распространенного легкомысленного утверждения «мне нечего скрывать».

Множество исследований Эриха Фромма посвящено установкам и ориентации социальных характеров, особенно «авторитарному», который хочет установить господство над другими, чтобы сделать их податливыми, послушными и благодар-

ными. Обратная сторона этого желания — быть покорным, готовым к страданиям и жертвам, то есть отказаться от личной свободы и подчиниться воле авторитета. Эта модель проясняет появление тоталитарных структур и систем.

В книге «Бегство от свободы» (1941) Фромм задавался вопросом, что заставляет людей слепо подчиняться вождю. Мне близка озабоченность Фромма тем, что безграничное стремление к безопасности делает нас безразличными к базовым ценностям свободного мира и представляет опасность как для полноценной жизни отдельного человека, так и для будущего демократии. <...> Неуверенность и готовность рисковать составляют сущность свободного человека.

«Свободный человек неизбежно лишен безопасности, мыслящий человек неизбежно лишен уверенности»,

— говорил Фромм в 1955 году. Вера в жизнь и созидательные силы, которые живут в каждом человеке, сопровождают его на пути к осознанному «я есмь я». Из этой ключевой мысли Фромма исходит и его ученик Райнер Функ, когда описывает сегодняшнюю очевидную потребность в безопасности:

«все больше людей хотят, чтобы их контролировали, оценивали, оберегали и присматривали за ними. Они хотят действовать наверняка, поэтому не оказывают сопротив-

ления государству-надзирателю и готовы поступиться своими правами и свободами».

Итак, по крайней мере, найден один ответ на вопрос: могут ли люди своими личными установками содействовать государству в обеспечении внутренней безопасности? Остается вопрос об их безразличии к связанному с безопасностью урезанию прав и свобод. <...>

Безопасность — удобная альтернатива жизни, чреватой непредсказуемостью. Но тот, кто поступает своими главными правами, рискует прогадать. Ведь непредсказуемость — это не только опасность, это и новые шансы и возможности. В этом смысле свобода действовать по собственному усмотрению обусловлена тем, что никто не знает наверняка, каковы будут последствия этого усмотрения. Как говорил Эрих Кестнер, «жизнь — смертельно опасная штука».

Перевод с немецкого М. Голубовской

Главы из книги Герхарта Баума «Спасти права Граждан». Свобода или безопасность. Poleмические заметки» публикуются с любезного согласия фонда Фридриха Науманна и благодаря директору его российского отделения Юлиусу фон Лотарингену, оказавшему «Вестнику Европы» содействие в организации интервью с проф. Герхартом Бауманном в день его московской лекции.



© Текст: Герхарт Баум

Карл-Хайнц ПАКЕ

ЦЕНА ВОПРОСА. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Фрагменты из книги «Баланс» *

Текст книги Карл-Хайнц ПАКЕ «БАЛАНС. Экономический анализ проекта «Немецкое единство» в переводе с немецкого Игоря Шматова для публикации в «Вестнике Европы» любезно предоставлен фондом Фридриха Науманна.

Несмотря на то, что книга К.Х. Паке издана в Германии в 2009 г., экономико-политический анализ процесса объединения Германии по-прежнему представляет для нас огромный интерес. Прежде всего потому, что гораздо более трудные процессы создания рыночной экономики в России, проходившие в те же годы под руководством Е.Т. Гайдара и его команды реформаторов, не сопровождались хоть сколько-нибудь сравнимой долей экономической поддержки извне и консенсусом общества внутри страны. Российский читатель этой книги всегда будет иметь перед мысленным взором наш собственный исторический контекст.

В.Ярошенко, Редактор журнала «Вестник Европы»

*Отбор фрагментов для публикации сделан редакцией журнала.
Сокращения в тексте обозначены<...>*

* ПАКЕ, КАРЛ-ХАЙНЦ. Баланс: экономический анализ проекта «Немецкое единство» / К.-Х. Паке; пер. с нем. И. П. Шматова. — Москва: Мысль, 2017. — 319 с.
KARL-HEINZ PAQUE ` DIE BILANZ Eine wirtschaftliche Analyse der Deutschen Einheit HANSER.

ВЕЛИКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

9 ноября 1989 года рухнула Берлинская стена — событие, ознаменовавшее наступление быстрого конца раздела немецкой нации. Он просуществовал еще всего лишь несколько месяцев: экономически до учреждения экономического и валютного союза 1 июля 1990 года, политически — до немецкого объединения 3 октября того же года. Раздел продолжался четыре десятилетия, почти три из которых — после возведения Берлинской стены в 1961 году — в условиях почти полной изоляции экономики ГДР от ориентированной на рынок Западной Германии.

Объединение страны вызвало к жизни горячие споры о том, какова же была производительность восточногерманской экономики по сравнению с западногерманской. Наука предоставила в этих целях свои подготовленные самым добросовестным образом оценочные данные, причем сопроводив их назидательными инструкциями по использованию. Эти последние, как обычно бывает, были проигнорированы. В результате вскоре повсеместно в качестве показателя уровня экономического развития стали использовать сравнительные данные производительности труда на Востоке и Западе страны. Согласно большинству этих данных соотношение производительности труда составляло от одного к трем до одного к двум. То есть это означало, что один восточногерманский рабочий производит в час примерно одну треть экономической стоимости, созданной его западногерманским коллегой. Или половину. Примерно так звучал диагноз в год объединения. Это был наиважнейший разрыв между Востоком и Западом, который следовало преодолеть в первую очередь.

Представленные цифры в то время широко обсуждались в политических и общественных кругах, однако, без их более основательного анализа. Они оказывали какое-то удивительное психологическое воздействие, порождая, как часто бывает, когда речь идет о простых для понимания цифрах, своего рода иллюзию скорой реализуемости поставленных задач. Само слово «разрыв» сразу же ассоциировалось с неким точно измеряемым отставанием Востока от Запада, преодоление



© Фото: В. Ярошенко

которого зависело только от того, насколько решительными будут принимаемые в этих целях меры. Вот все, что только и нужно для «немецкого единства». Говорили: да, отставание велико и стоящая задача, тем самым, весьма сложна, ведь, как бы там ни было, предстоит утроить или удвоить восточногерманскую производительность труда. Однако с помощью новейшей техники, на основе улучшенной профессиональной подготовки, добросовестного труда и высокой мотивации, которая есть у всех, ее как-нибудь удастся решить. Во всяком случае, в течение нескольких лет.

Так думали люди. И это было великое заблуждение, которое стало причиной горьких иллюзий. Вопрос о том, можно ли было их избежать, остается открытым. Вероятно, что нет. В наши дни политики и общественность жадно требуют показать



им цифры. И если бы наука отказалась это сделать, такие цифры они получили бы из других рук, что имело бы еще худшие последствия. Хотя в случае с «немецким единством» эти последствия были и без того хуже некуда: миллионы восточногерманских рабочих и служащих спустя всего лишь несколько лет после объединения были вынуждены констатировать, что мир живет по совершенно другим законам, чем это казалось в 1990 году. Иллюзия быстрой реализуемости проекта скоро развеялась, посеяв настроения безысходности, которые и сегодня чувствуются среди части населения Востока страны. Вернемся, однако, к исходной ситуации<...> каково же в действительности было отставание производительности экономики Востока от экономики Запада в 1990 году? Честный ответ звучит так: мы этого не знаем. Более того:

мы даже не можем этого знать. Почему? Потому что четыре десятилетия существования Германии как разделенной нации привели к таким изменениям, результаты которых нельзя представить в виде измеряемых статистических величин. Чтобы понять это по прошествии времени, следует взять в руки своего рода экономическую подзорную трубу и понаблюдать с помощью замедленной покадровой киносъемки за развитием Западной и Восточной Германии задолго до и после раздела страны на две части. При этом сначала нам придется отправиться в достаточно отдаленное прошлое, во вторую половину 20-х годов прошлого столетия, в так называемые «золотые двадцатые» Веймарской республики, когда у руля ее внешней политики стоял Густав Штресеман. Это был тот последний отрезок истории рейха, когда его Запад, будущая

Федеративная республика, и его Восток, под которым мы здесь понимаем будущую ГДР, еще существовали в системе нормальных рыночных экономических отношений как две части одного единого национального экономического пространства.

Что мы видим через нашу подзорную трубу? Мы видим на Западе и на Востоке две части экономики, которые теснейшим образом связаны между собой. Это две части страны, сходные по своему экономическому потенциалу и по уровню жизни населения. На территории обеих из них находятся сильно развитые индустриальные районы, промышленные центры которых успешно участвуют в международной конкурентной борьбе, такие как, например, Рейнско-Рурский и Рейнско-Майнский регионы на Западе и саксонско-среднегерманское экономическое пространство на Востоке. В обеих частях имеются также сельскохозяйственные районы с гораздо более скромными экономическими достижениями, в частности, Восточная Фрисландия, Айфель и южная Бавария на Западе и Альтмарк, Мекленбург и Лаузиц на Востоке. В среднем Запад слегка опережает Восток, точнее сказать, Северо-Запад, то есть, прежде всего, это территория современного Северного Рейн-Вестфалия, поскольку экономика значительной части Юго-Запада и Баварии имеет преимущественно аграрную направленность. Однако в целом разница экономических потенциалов и в уровне жизни невелика. Важно также то, что эта разница является результатом исторического развития экономических структур в условиях рыночного хозяйства. Она имеет такой же характер, как и сегодняшние различия между Германией и Австрией. Или между Гессеном и Рейнланд-Пфальцем. Это совершенно нормальная ситуация, которая не вызывает никакого беспокойства. Она, если хотите, имеет «естественный» характер. <...> Мировой экономический кризис с его драматическим обвалом производства, годы нацизма с его командными методами управления экономикой и курсом на милитаризацию, Вторая мировая война с ее колоссальными разрушениями, все эти события хотя и меняли немецкую экономику, однако в целом сохраняли исторически сложившиеся различия между Западом и Востоком страны. К началу раздела Германии на исходе 1940-х годов Запад и Восток все еще находятся

в сходном положении. И там, и тут оно отчаянное, прежде всего, вследствие послевоенной разрухи и огромных человеческих потерь. Затем, однако, их пути расходятся, причем самым радикальным образом. Запад страны возвращается в капиталистический мир рыночной экономики, каковой она была в последний раз в Германии в 1920-е годы. Его экономика ориентируется на сигналы рынка, в первую очередь, на стандарты качества и цены, существующие на национальных, европейских и мировых рынках. Так она развивается с этапа восстановления в ранние 1950-е годы вплоть до воссоединения в 1990 году, то есть в течение чуть больше четырех десятилетий. В историческом сравнении этот временной интервал во всем мире был периодом особенно значительных перемен за счет быстрого экономического роста, который сопровождался стремительным техническим прогрессом и широкой либерализацией и глобализацией рынков. Столь глубокой структурной перестройки не было много десятилетий.

<...> Практически каждое предприятие, подгоняемое рыночной конкуренцией и техническим прогрессом, пытается сделать свою продукцию хотя бы немного лучше, чем у конкурентов. Так происходит ускорение процесса появления на свет технических инноваций и создания «товарных марок», которые открывают новые рынки или, по крайней мере, рыночные ниши, одновременно расширяя старые. Возникает широчайший спектр товаров и услуг различного качества и различных по ценам. И как бы походя, на предприятиях и в компаниях одновременно зарождается нечто совершенно иного рода, а именно: новое знание. Объемы этого нового знания огромны, его не преподают ни в одной школе или институте. Это знание рынка в самом широком смысле слова. Речь идет о технических, логистических, торговых и юридических производственных секретах, сведениях о путях распространения и каналах сбыта, то есть обо всем том, что позволяет каждому предприятию успешно удерживать свои рыночные позиции от их захвата конкурентами. Конкуренция приходит из самой Западной Германии или из (западного) зарубежья, что в принципе не имеет значения. Разумеется, конкуренты также учатся друг у друга. В рыночной экономике только очень немногие спе-

циальные знания возможно утаить на долгое время. <...>Таким был экономический мир западных немцев на протяжении четырех десятилетий существования разделенной Германии.

В те же годы в Восточной Германии он выглядит совершенно иначе. В нем господствует плановое хозяйство. Цены устанавливаются не на рынке, а в ходе бюрократических процедур — почти без учета спроса и предложения. Значительная часть экономики принадлежит государству, прежде всего, промышленные предприятия. Конкуренция между предприятиями практически отсутствует. Внешняя торговля в более или менее значимых объемах поддерживается только с восточноевропейскими плановыми экономиками. Она строго регламентирована, и ее структура определяется политическими соображениями. О каких-либо тенденциях к либерализации и глобализации не может быть и речи.

Сегодня никто всерьез не оспаривает тот факт, что это социалистическое плановое хозяйство было абсолютно неэффективным. Без конкуренции между частными компаниями и без рыночного ценообразования оно не имело ориентиров для того, чтобы экономически правильно использовать капитал и рабочую силу. В экономике одновременно господствовали дефицит и расточительство. Ненужные товары в ненужных количествах производились там, где их не следовало производить. Это блуждание государственной бюрократии в колоссальном удалении от правильного курса было горькой и жестокой реальностью для граждан страны на протяжении целых 40 лет. В ретроспективе оно производит скорее впечатление гротеска, являясь сегодня источником анекдотов из прошлого, которые люди в Восточной Германии охотно рассказывают друг друга на летних посиделках у домашнего гриля.

Прекратить эти блуждания в 1990 году не составило большого труда. Для этого потребовалось только отпустить цены и ввести стабильную, пользующуюся доверием валюту. Что и случилось 1 июля 1990 года с созданием экономического и валютного союза, по своим непосредственным последствиям очень похожим на экономическую и валютную реформу в Западной Германии в июне 1948 года. В результате о дефиците и расточитель-

стве почти уже больше не вспоминали. Тем самым был дан стартовый сигнал к началу так называемой трансформации восточногерманской экономики. Что же должно было произойти дальше? Экономисты и политики в то время были едины если и не в деталях, то в главном. Было необходимо создать все те элементы, из которых складывается нормально работающая рыночная экономика в высокоразвитой промышленной стране.

То есть, в первую очередь, это частная собственность на предприятия и компании, современная правовая система и надежное государственное управление, хорошо развитая сеть наземного, водного и воздушного транспорта, всеохватывающая система телекоммуникационных связей, финансовые услуги, предоставляемые сберегательными кассами, банками и страховыми обществами в любом уголке страны. И, наконец, повсеместно капитально отремонтированные города и общины, в которых должны быть созданы комфортные условия проживания для населения и вся необходимая инфраструктура для развития производства. Помимо этого требовалось осуществить все те мероприятия и учредить все те институты, которые призваны обеспечить передачу знаний и профессиональных навыков, необходимых для решения задач в рамках рыночной экономики, то есть школы, специализированные центры профессиональной подготовки и университеты.

Полагали, что эти основы рыночной экономики позволят ликвидировать отставание Востока от Запада страны. Представлялось вполне логичным, что высококвалифицированные люди восточной Германии могли бы работать прилежно и мотивированно и в частных компаниях, на сверхсовременном оборудовании и со сверхсовременными средствами телекоммуникации. При этом произведенные товары и услуги они могли бы, пользуясь самыми современными видами транспорта, поставлять в любые страны мира. Чем бы в этом случае Восток отличался от Запада? Отставание от Запада в уровне экономического развития было бы быстро сведено до минимума, до того небольшого естественного отставания, которое существовало еще в кайзеровское время и в период между обеими мировыми войнами.

Примерно таким был диагноз. Из него исходил тогдашний канцлер Гельмут Коль, когда говорил о процветающих землях — выражение, которое впоследствии многократно цитировали. Не называя точных временных параметров, он и многие другие верили, что возрождение Востока займет не более нескольких лет. Почему бы и нет? Ведь речь шла о всеобъемлющей программе модернизации, реализовать которую было необходимо и возможно одним мощным рывком. В том же духе трактовали сложившуюся ситуацию в своем большинстве и те, кто был настроен более скептически, чем канцлер. Хотя они и полагали, что решение проблемы потребует более длительного времени и обойдется дороже, чем утверждал канцлер «немецкого единства» в политически мотивированной эйфории своих выступлений. Но и они рассматривали возрождение Востока, прежде всего, как комплексную модернизацию машинного оборудования, людей и страны в целом. И это было глубокое заблуждение. Хотя и вполне понятное. Ведь в Германии двадцатого столетия уже были проведены две валютные реформы, при этом обе оказались успешными. Автором первой из них в 1923 году был рейхсканцлер Густав Штресман; вторая реформа прошла в 1948 году в оккупированной Западной Германии под руководством союзнических властей и Людвига Эрхарда, будущего федерального министра экономики, которому удалось провести в жизнь программу всесторонней либерализации цен. Эта вторая экономическая и валютная реформа 1948 года послужила прообразом реформы 1990 года. При этом многие недооценивали коренное различие между Западной Германией 1948 года и Восточной Германией 1990 года.

В чем же состояло это различие? Прежде всего, в том, что к 1948 году за плечами западногерманской экономики были уже 15 лет существования в условиях нацистского господства, как в мирное, так и в военное время, в течение которых проводилась национал-социалистическая политика автаркии и принудительной милитаризации. При этом, однако, только в 1936 году был введен контроль над ценами, а огосударствление средств производства никогда за весь этот период не носило сколь-либо значимого характера.

То есть, как бы жесток и антигуманен не был тоталитарный нацистский режим, он почти не нанес ущерба существовавшей системе капитализма и рыночного хозяйства. К этому следует добавить, что и ущерб от изоляции от мировой экономики так же не был особенно велик, поскольку 15 лет с 1933 по 1948 год и в остальных промышленно развитых странах мира никак нельзя назвать периодом либерализации и быстрого экономического роста. Отгораживание от мирового рынка, навязанное национал-социализмом, не имело поэтому столь тяжелых последствий по сравнению со всеобъемлющей изоляцией в результате утверждения системы плановой экономики социализма.

Короче говоря, несмотря на разрушения военных лет в 1948 году можно было относительно просто восстановить преемственность западногерманской экономики с ее предшественницей со всеми ее сильными сторонами. В Восточной Германии образца 1990 года после 40 лет планового хозяйства ситуация была совершенно иной. Наряду с отставанием в вопросах модернизации имела одна значительно более принципиальная проблема — отсутствие продукции, которая могла бы выдержать международную конкуренцию. Возможно, именно это и было наиболее роковое последствие изоляции от мировых рынков. <...> Восточная Германия, как и вся Центральная и Восточная Европа, начиная с 1990 года, действительно столкнулась с исторически совершенно новой проблемой. Социалистическое экономическое пространство состояло из более или менее промышленно развитых стран, по крайней мере, в его частях, расположенных ближе к западной Европе, лидерами которых были ГДР и тогдашняя Чехословакия. Соответствующим был и уровень технических знаний. Он был высоким, позволяя в послевоенное время экономике развиваться даже в условиях изоляции. В рамках директивного планового хозяйства это развитие, хотя и было катастрофически неэффективным, тем не менее, сопровождалось на основе новых знаний определенным техническим прогрессом, активно поддерживаемым и управляемым государством, результаты которого реализовывались в новых продуктах. И на Востоке страны создавались новые автомобили, новая химическая продукция, новое производственное

оборудование, новые электротехнические приборы, и даже компьютеры и изделия микроэлектроники. Все эти изделия и здесь были разными по цене и качеству, хотя эти различия и не были столь заметны, как на Западе. То есть возник удивительный параллельный мир продуктов.

Западный немец, оказавшись в ГДР, мог увидеть его невооруженным глазом, хотя бы сравнив обстановку частных квартир. Она была в целом значительно скромнее, чем у граждан на Западе, тем не менее, в основном состояла из всех тех типичных предметов, которые можно было в то время ожидаемо увидеть в любой промышленно развитой стране: автомашина, телевизор, холодильник и так далее.

Однако, чем дольше продолжалась изоляция от мирового рынка, тем более удивительные особенности обнаруживались при такого рода сравнениях.

<...>Уже в 1980-е годы на Востоке и Западе существовали два полностью отделенные друг от друга мира продукта — один, изолированный от открытого мирового рынка, и другой, как одна из его составных частей. При этом между обоими мирами отсутствовали сколь-либо пригодные рыночные критерии сравнимости производимых в них стоимостей — слишком сильно к тому времени они удалились друг от друга. История не знает другого примера столь очевидных различий между двумя большими соседними экономическими пространствами, между двумя, вне всякого сомнения, «промышленными странами», принадлежащими к одной и той же западно-европейской цивилизации, товары и услуги которых служили одним и тем же целям. Причем только потому, что на протяжении чуть более четырех десятилетий они существовали обособленно друг от друга.

Вот в чем причина того, почему на вопрос о сравнимости экономических потенциалов Востока и Запада в 1990 году было столь сложно дать определенный ответ. При этом оценка этого соотношения как один к трем (или один к двум), которая предлагалась наукой, полностью вводила в заблуждения. Поскольку тот, кто рассуждает об экономическом потенциале и о производительности, обязан знать, что представляют собой произведенные товары и услуги по стоимости, ориен-

тируясь при этом на свободный рынок, а случае сомнения, на мировой рынок.

По этой причине нельзя разумно объяснить, почему производительность труда рабочего на заводе в Цвиккау, где собирают автомобиль «Трабант», составляет одну треть (или половину) от производительности труда его коллеги на заводе Фольксваген в Вольфсбурге. Поскольку для такого сравнения нет никаких общих критериев, в частности, такого, как цена на «Трабант» на мировом рынке. Это же относится и к сравнимости производительности труда рабочего на заводе искусственных пластмасс и синтетического каучука в Шкопау с производительностью труда его коллеги на заводе БАСФ в Людвигсхафене. В ГДР, да и в других социалистических странах Центральной и Восточной Европы накануне перехода к рыночной экономике в 1990 году, почти не было отраслей промышленности, которые составляли бы исключение из этого правила.

То есть вопрос о соотношении экономической производительности Востока и Запада страны в 1990 году не имел ответа. Собственно говоря, такой ответ и не требовался. Поскольку существовало практически общее мнение о том, что восточногерманский ассортимент промышленных изделий в рамках новой системы рыночных отношений и без того подлежал радикальному пересмотру. Поэтому было не столь важно, какова была реальная «рыночная стоимость» этих продуктов в тот момент времени. Все предполагали, что она чрезвычайно мала для того, чтобы обеспечивать необходимую себестоимость производства. В этих условиях вопрос об исчислении отставания производительности труда рабочей силы на Востоке от Запада носил скорее чисто академический характер. Речь шла о том, чтобы дать ответы на следующие практические вопросы: каким образом следует начать радикальное обновление производственного ассортимента? Как обеспечить успешное выполнение этой задачи? Сколько времени на это потребуется? Кто может решить эту проблему? Какие меры политической поддержки следует в этой связи предпринять?

Эти правильные вопросы, если бы они были поставлены своевременно, могли бы наглядно показать: исходное положение экстремально слож-

ное, почти отчаянное. Почему? Потому что дело идет о разработке и изготовлении на восточногерманских предприятиях новых продуктов, которые могли бы пользоваться длительным и стабильным или даже растущим спросом на немецком, европейском и мировом рынках. И решать эту задачу нужно было в мире, экономическое единство которого за четыре десятилетия под воздействием либерализации и глобализации резко возросло, однако без участия в этих процессах Восточной Германии.<...>В этом мире предприятиям в Восточной Германии предстояло отыскать свое место под солнцем — причем в условиях уже давно идущего процесса глобализации, когда лучшие места на рынке уже распределены, а новые места пока еще не просматриваются. Поистине геркулесова задача.

К сожалению, все эти вопросы тогда были поставлены не совсем так, как мы их только что сформулировали. Поэтому в общественной дискуссии *возрождение Востока страны отождествлялось с всеобъемлющей модернизацией технологического оборудования, человеческого потенциала и всей восточной части страны.*

Необходимость искать идеи новых продуктов и знания для их продвижения на мировом рынке в политических дебатах оставалась на заднем плане. И это при том, что в ряде промышленных отраслей эту проблема уже больше нельзя было не замечать.

Например, в автомобилестроительной промышленности. Все знали, что на заводах ГДР, производящих автомашины марки «Вартбург» в Айзенахе и «Трабант» в Цвикау, есть хорошо подготовленные кадры специалистов. За счет повышения их квалификации и переподготовки они могли бы быстро приобрести недостающие им новейшие технические знания. Также там можно было бы установить новое технологическое оборудование и построить новые производственные цеха. При этом открытым все еще оставался главный вопрос: что следует там производить? Модернизированные версии старых моделей, разработка которых, по всей вероятности, потребовала бы многие годы? Новый «Вартбург» или новый «Трабант»? Существовал ли вообще сколь-либо серьезный спрос на них на мировой рынке, уже достаточно

насыщенном разнообразными моделями? И кто должен был провести и профинансировать рискованные исследования и разработки в связи с созданием таких новых моделей? Или, возможно, было бы лучше оставить старые стандарты на будущее для производства совершенно других моделей и сделать ставку на инвестиции на Востоке западногерманских и зарубежных автомобильных концернов? Мы знаем: в конкретных случаях был выбран именно этот путь. Опель и Фольксваген создали в Айзенахе и Цвикау новые современные производственные мощности для своих уже существующих модельных рядов. Это были в высшей степени впечатляющие по своим объемам инвестиции при участии государства, которые спасли важные автомобилестроительные производства и часть рабочих мест, хотя и с огромными издержками для налогоплательщиков. В общественных кругах такие меры справедливо получили высокую оценку как очень успешные.

При этом, однако, обращает на себя внимание, что почти никто не говорил об альтернативах. Специалисты, очевидно, с самого начала, придерживались мнения, что продолжение производства старых моделей из ГДР в модернизированной версии не заслуживает обсуждения. Однако, именно этот пример наглядно показывает, насколько трудно было найти место под солнцем мирового рынка для собственных восточногерманских изделий.

Удивительно, что немцам на Востоке и на Западе понадобились годы, чтобы осознать этот факт. Почему-то все верили в *немецкий особый путь.*

Верили в то, что с помощью западного мира Восток страны как-нибудь завоюет свое место в мировой экономике, причем минуя длительные периоды развития. При этом первые примеры крупных инвестиций Опеля и Фольксвагена, казалось, только подтверждают это мнение, хотя они, скорее, свидетельствовали об обратном. Ведь в этих случаях речь шла о разовом импорте рыночных знаний, которые на Западе накапливались в течение десятилетий. Полностью открытым оставался вопрос о том, насколько этот импорт был возможен применительно ко всей восточной части Германии. А там, где он был невозможен, перспективы на первых парах были не радужными.

Вера в *особый немецкий путь* была также одной из причин недостаточного внимания, которое немецкая политика 1990-х годов уделяла экономическому развитию в Центральной и Восточной Европе. Распространенным было убеждение в том, что в Германии все пойдет совершенно по-другому, то есть благодаря невероятно быстрым темпам модернизации более решительно и энергично. При этом игнорировалась большая схожесть наших главных вызовов с вызовами в соседних странах Центральной и Восточной Европы. Ведь и там, (как, например, в соседней Чехии, промышленного региона с богатыми традициями) речь шла о поисках своей будущей ниши в мировой глобальной экономике на основе новых технологий и продуктов. И там речь шла о месте под солнцем после четырех десятилетий изоляции.

<...> Кто же несет ответственность за сложившееся исходное положение. Эта была огромная ответственность, и не справились с ней, прежде всего и главным образом, система планового хозяйства и ее руководители, то есть социалистический менеджмент в широком политическом и экономическом значении этого слова. Именно этот менеджмент препятствовал доверившимся ему людям использовать свои таланты и способности, свои знания и квалификацию для того, чтобы разрабатывать и производить промышленные продукты, которые на открытом мировом рынке они могли бы продавать по ценам, сравнимым с ценами на западные изделия <...>

С экономической точки зрения стоимость всей номенклатуры продукции в ГДР носила искусственный характер и могла существовать только под вакуумным колпаком социалистического разделения труда. В тот самый момент, когда этот колпак был снят, выявился истинный масштаб обесценивания производимых изделий.

Удивительно то, что со всей прямотой об этой ответственности социалистического менеджмента за последние два десятилетия говорилось чрезвычайно редко. Даже в ходе воссоединения в 1989-1990 годах. Ведь было совершенно несложно просто поставить вопрос о том, какова цена всех тех изделий, составляющих социалистический мир продуктов, на свободном мировом рынке, а затем на этой основе рассчитать единицу стоимости, про-

изводимый рабочим и служащим за одни час своего рабочего времени на соответствующем предприятии. Результаты были бы самые удручающие. Но они сразу же позволили бы увидеть суть экономической проблемы.

При существовавшей номенклатуре продукции и располагаемом капитале для ее производства размер заработной платы мог быть только таким, каким он и был реально в Центральной и Восточной Европе (но не в Восточной Германии) на протяжении многих лет, составляя, возможно, одну десятую от заработной платы на Западе, в лучшем случае — одну четвертую. Вот основная причина экономической бесхозяйственности, ответственность за которую должен нести реально существовавший социализм.

В 1989-1990 годы об ответственности за неудовлетворительное состояние экономики, на самом деле, говорилось не мало. Однако, как ни странно, в политических дискуссиях на первом плане оказались, главным образом, вопросы неплатежеспособности государства и экономики, а не состояния номенклатуры продукции с точки зрения мирового рынка. В памяти до сих пор живы воспоминания о том, с каким замешательством депутаты Народной палаты ГДР восприняли заявление о практическом банкротстве их государства. Потрясение было столь велико, что у некоторых из них на глаза навернулись слезы. Все они винили в этом социалистический режим. С возмущением восприняла это сообщение общественность на Западе и на Востоке. И для этого у нее были все основания.

Тем не менее, ответственность за банкротство государства несоизмерима со значительно большей виной, которую можно сформулировать так. Это социалистическое государство вынуждало людей производить товары, которые на мировом рынке никто не хотел покупать — кроме как по ценам, которые не позволяли обеспечить уровень жизни, достойный граждан промышленно развитой страны. Разумеется, в конечном счете, и государственное банкротство явилось косвенным следствием экономической слабости, а эта слабость, в свою очередь, была следствием того, что производимые товары на рынке пользовались очень ограниченным спросом. Однако почти никто не осознавал этих взаимосвязей.

В результате очень быстро возникли и получили широкое распространение мифы и теории заговоров, которые давали свой ответ на вопрос о виновных в разразившемся кризисе экономики.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА ЗАПАДА

Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года явилось великолепной победой свободы. Она имела далеко идущие последствия — и политические и гуманитарные, но, прежде всего, экономические. Внезапно для восточных немцев открылась возможность не только свободно посещать западную часть страны, но и работать там и получать за это деньги. Почти все граждане ГДР стали немецкими гражданами в соответствии с федеральным немецким Основным законом и обрели, тем самым, такое основное право, как право на свободу передвижения по территории Германии. С самого начала существовала единая точка зрения, что это основное право не может быть ограничено. Создание новой стены — в любой форме в целях ограничения права на свободу передвижения — было неприемлемо с политической и гуманитарной точек зрения. И это было справедливо.

Именно здесь мы находим ту глубинную причину, по которой возрождение Востока страны неизбежно должно было пойти иным путем, чем экономическое развитие в Центральной и Восточной Европе. Очевидно, что между Восточной и Западной Германией не существовало и не существует естественных труднопреодолимых препятствий, которые мешали бы людям свободно перемещаться из одной части страны в другую. Языковые барьеры отсутствуют: все говорят по-немецки, хотя и на различных диалектах. Географические расстояния невелики: на территории бывшей ГДР немного мест, которые были бы удалены от Западной Германии или от тогдашнего Западного Берлина более чем на 200 километров. <...>Почти каждый восточный немец, если это позволяли ему личные обстоятельства, теперь сравнивал свои перспективы на рынке труда на Западе и на Востоке, прежде всего, имея в виду шансы на получение постоянной работы, а также возмож-

ности хорошего заработка. Эта ситуация имеет столь много аспектов, что ее даже трудно описать конкретно.

Представим себе, например, молодого человека, родившегося в промежутке между 1950 и 1970 годами в Дрездене, Эрфурте или Магдебурге, там выросшего, получившего профессию и проработавшего там же до 1990 года. Этот молодой человек строит планы на будущее. За прошедшие годы он кое-чему научился, и он охотно остался бы в родном городе и продолжил там свою трудовую деятельность, тем более, что в этом городе у него жена или возлюбленная, которая, заметим, также думает о своей дальнейшей судьбе. Чтобы остаться в родном городе он даже готов согласиться на более низкооплачиваемую работу, чем на Западе страны, а на короткое время даже на очень низкооплачиваемую. В среднесрочной и долгосрочной перспективе эта разница, однако, должна быть не слишком большой, иначе он просто соберет свои вещи и уедет из города.

Что же конкретно подразумевается под выражением «должна быть не слишком большой»? Какова может быть максимально приемлемая разница между уровнями заработной платы на Востоке и на Западе, при которой наш молодой человек останется дома и не уедет на Запад страны? Этого мы не знаем, и спекулировать на эту тему можно до бесконечности. Поскольку каждый работник, разумеется, имеет собственное представление о том, когда и при каких конкретных условиях для него будет смысл упаковать чемодан и переехать на Запад.

Тем не менее, опыт показывает, что едва ли возможно будет удержать нашего молодого человека (его подругу) от такого решения, если он в течение длительного времени будет получать на Востоке заработную плату, составляющую одну десятую или одну пятую или даже одну треть от зарплаты на Западе. Но сохранение именно такого разрыва в уровнях заработной платы между Западом и Востоком, причем в течение длительного времени, было бы запрограммировано, если бы Восточная Германия пошла по пути Центральной и Восточной Европы. Там до сих пор размер заработной платы, получаемой за сравнимую работу, почти нигде не превышает одной трети немецкого уров-

ня. И это \спустя два десятилетия после падения железного занавеса!

Не вызывает сомнения, что такая заработная плата быстро привела бы к массовому оттоку населения из Восточной Германии. Такая перспектива побудила бы почти всю квалифицированную рабочую силу переехать из восточной части страны в западную, при том, что благодаря свободе передвижения влияние факторов, сдерживающих мобильность населения, было сведено до минимума. *Именно по этой причине с самого начала было ясно, что сохранить существующие и создать новые рабочие места в Восточной Германии будет в принципе возможно только в том случае, если там и на более или менее длительную перспективу удастся обеспечить определенный минимальный уровень заработной платы.* Причем совершенно независимо от того, будут или не будут настаивать на этом представители трудовых коллективов и профсоюзы.

Каким должен быть этот минимальный уровень заработной платы, разумеется, никто изначально не знал. Обращает на себя внимание, что и до настоящего времени в экономике между Западом и Востоком страны продолжает сохраняться значительная разница в уровнях заработной платы. За сравнимую работу и сегодня на Востоке платят не более 70 процентов от того, что принято платить на Западе. Таким образом, разрыв в уровнях заработной платы между Западом и Востоком значительно больше, чем между другими регионами внутри Германии (например, между Севером и Югом), но он значительно меньше, чем между Германией (не имеет значения, идет ли речь о Западе или Востоке страны!) и странами Центральной и Восточной Европы.

В принципе это совершенно нормально. В экономической истории до настоящего времени не было прецедентов, когда в промышленно развитой стране с такими же незначительными препятствиями для мобильности населения, как в воссоединившейся Германии, разрыв в уровнях заработной платы мог составлять один к десяти или один к трем.

Это относится даже к классическим рыночным экономикам, таким, как, например, Соединенные Штаты. Там на протяжении десятилетий

существовала серьезная диспропорция в экономическом развитии между урбанизированным Северо-востоком и старым аграрным Югом. До сих пор между этими крупными территориальными единицами имеет место достаточно стабильная разница в уровнях оплаты труда. Примечательно, что, случайно или нет, эта разница меняется примерно в том же соотношении, что и настоящая разница в уровнях заработной платы между немецким Западом и Востоком. Но при этом никогда, несмотря на все структурные проблемы, оплата труда на старом Юге Соединенных Штатов ни скатывался до существенно более низкого уровня Мексики или стран Карибского бассейна.

Очевидно, свобода передвижения при низких барьерах мобильности сама заботится об определенном выравнивании уровней оплаты труда между регионами, неравномерно развитыми в промышленном отношении. В США, начиная с Гражданской войны в 19 столетии, такое выравнивание обеспечивала притягательная сила Севера, в Германии после 1990 года — притягательная сила Западной страны. Удивительно, что влияние мобильности и ее последствия для воссоединившейся Германии вплоть до сегодняшнего дня не осознаны в их полном объеме. Хотя с точки зрения здравого смысла они вполне понятны. Кто всерьез думает, что квалифицированная рабочая сила настолько мало мобильна, что она в течение длительного времени будет согласна на заработную плату, скажем, на две трети меньшую той, которую она может получить на расстоянии в 200 километров в том же самом языковом и культурном пространстве? Очевидно, что никто. Но если это так, то тогда после 1990 года у нас ни разу не было реального шанса встать на восточноевропейский путь развития. Раньше или позже он привел бы к колоссальному экономическому обескровливанию.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Таким образом, политическая цель с самого начала была четко определена как национальная задача под названием «возрождение Востока». На Востоке при соблюдении условий рыночной экономики в кратчайшие сроки имелось в виду



*Едельтрауд Вернер 70 лет, Берлин (Edeltraud Werner, Berlin)
«Моё мнение таково – в ГДР было намного лучше жить и работать!
У всех была работа, мы могли планировать на несколько лет
вперёд. Сегодня я не знаю, что ожидает меня завтра. Медицина
была бесплатная, сегодня каждый поход к врачу заканчивается
дополнительными счетами. За лекарство при хроническом
заболевании я вынуждена заплатить из собственного кармана».*

создать максимально возможное количество рабочих мест, что открыло бы людям перспективы получения стабильной и хорошо оплачиваемой работы. Только так можно было предотвратить угрозу массового оттока населения с Востока.

Эта цель в целом была поддержана политическим истеблишментом и широкой общественностью. То есть эта цель имела абсолютный приоритет. Без учета этого обстоятельства многое из того, что произошло в последующие годы, будет невозможно понять и объяснить. По этой причине с самого начала очень важно осознать, что эта цель по своей сути была на самом деле не экономической, а политической. С чисто экономической точки зрения всегда существовала альтернатива, которую можно сформулировать как «расширение Запада» вместо «возрождения Востока». Осуществление альтернативного варианта предполагало бы массовую миграцию с Востока на Запад. При этом вполне вероятно, что такая массовая миграция в общеэкономическом отношении была бы более дешевым решением. Простой ход мыслей показывает, почему.

<...> Но разве с чисто экономической точки зрения не было бы вполне разумно подумать о том, чтобы просто допустить миграцию с Востока на Запад и даже, возможно, оказать ей содействие? Разве в этом случае восточные немцы не смогли бы просто включиться в систему разделения труда, уже существующую на Западе, с ее современными машинами, современными технологиями и современными продуктами? Зачем нужно было на Востоке непременно заново и при больших затратах создавать современную экономику? Разве нельзя было получить желаемые результаты по более низкой цене на Западе?

Тем более, что в Германии даже имелся исторический пример совершенно бесконфликтной интеграции немцев, насильственно перемещенных в страну из Центральной и Восточной Европы в 1950-е годы. Тогда речь шла о десяти миллионах немцев при общем населении Западной Германии примерно в 50 миллионов человек, то есть о его увеличении на 20 процентов. После 1990 года это были бы, возможно, 15 миллионов восточных немцев при населении Западной Германии в 64 миллиона человек, что означает его прирост не более

чем на 25 процентов. То есть в процентном отношении население страны увеличилось бы не намного больше, чем сразу же после окончания Второй мировой войны.

При этом новая миграция была бы более продолжительной по времени, чем массовый приезд беженцев с Востока тогда, а новые переселенцы оказались бы в обществе, несравнимо более обеспеченном, чем оно было на полвека раньше. Правда, на это можно возразить, что в 1950-е годы случилось западногерманское экономическое чудо, которое решающим образом облегчило интеграцию насильственно перемещенных граждан. С другой стороны, в этой же связи возникает вопрос о том, не были ли именно переселенцы той квалифицированной и мобильной рабочей силой, благодаря которой западногерманское экономическое чудо только и стало возможным. И разве нельзя было исключить повторения западногерманского экономического чуда после 1990 года именно благодаря миграции квалифицированной и мобильной рабочей силы с Востока?

Это вопросы, спорить по которым можно до бесконечности. С чисто экономической точки зрения все они имеют смысл. Они отнюдь не праздны. Поскольку нельзя забывать о том, что вместе с этими людьми на Запад страны были бы перенесены их профессиональные навыки и спрос на товары, как это было при миграции послевоенных лет. Да, одновременно уровень заработной платы на Западе стал бы ниже, и увеличились бы цены, по крайней мере, временно. Но, тем самым, возникли бы сильные стимулы для расширения производственных мощностей в Западной Германии: следствием этих процессов был бы бум в строительстве, в сфере инноваций и в деле общей модернизации экономики. Вместо «возрождения Востока» мы имели бы «расширение Запада», то есть точно также как и в 1950-е годы, но только на значительно более высоком уровне благосостояния и технологического развития. Промышленные центры Западной страны в одночасье превратились бы в территорию миграционного притока, как это было после образования Федеративной республики, а также на определенном этапе существования кайзеровской империи.

Так это могло бы выглядеть. Как уже было сказано, в экономическом отношении такой вариант развития событий был бы вполне допустим. В экономической науке у него даже есть свое название — пассивная санация. Однако, как ни странно, он имеет мало общего с реальной жизнью. В свое время он практически даже не обсуждался. Зададимся вопросом: по какой же причине? Не потому, что экономически он не имел смысла, а потому, что ни с политической, ни с исторической точки зрения он не вписывался в систему сложившихся в то время представлений. Как откровенно циничная была бы воспринята идея отказа (в экономическом смысле) от почти одной трети территории воссоединившейся Германии с отведением ей роли своего рода постсоциалистического природного заповедника. Региона с полностью забытым славным промышленным прошлым и при его сохранении в качестве туристического биотопа, зеленого рая для пенсионеров и более или менее плодородного края для сельскохозяйственных нужд. Практически никому из участников дискуссий того времени мысль о пассивной санации восточной части страны просто не могла прийти в голову. Хотя и допускалось определенное перераспределение населения на востоке Германии, в частности, его перемещение из сельскохозяйственных областей в городские агломерации или из умирающих старых промышленных районов в новые производственные центры. Так же считалось приемлемой остаточная миграция с Востока на Запад, но не как массовое обезлюдивание в результате оттока большей части квалифицированного и мобильного населения.

Короче говоря, национальный проект однозначно был определен как «возрождение Востока», а не как «расширение Запада». При этом причины такого решения носили, в первую очередь, исторический и политический, а не экономической характер.

Еще живы были воспоминания о том, что до Второй мировой войны Восток страны на самом деле являлся промышленно развитым регионом. Эксперты помнили, что еще в 1936 году экономический продукт, произведенный на душу населения на территории, ставшей впоследствии советской оккупационной зоной, а затем ГДР, на 20 про-

центов превосходил аналогичный показатель в французской или американской оккупационной зоне в Южной и Юго-Западной Германии и был всего лишь на 10 процентов меньше этого показателя в британской оккупационной зоне с такими мощными в то время индустриальными центрами в Рейнско-Рурской области. Широкой общественности хотя и не были известны точные цифры, но общее представление на этот счет она, тем не менее, имела.

<...>Именно этот факт оказал решающее влияние на исход политической дискуссии и на содержание принятых в ее результате мер, вплоть до установления западногерманскими землями шефства над, в основном, соседними восточногерманскими.

«Во входе волен я, а выходить обязан там, где вошел», говорит Мефистофель в «Фаусте» Гете. Эти слова как никакие другие подходят для описания «возрождения Востока» как национальной задачи. После принятия решения в пользу «возрождения Востока» многие из последующих наиболее значимых политических мер уже были продиктованы неумолимой логикой, Нам предстоит увидеть, как и почему это происходило.

ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ

В начале был валютный союз. Уже 1 июля 1990 года, то есть за три месяца до государственного воссоединения, в еще существующей ГДР была введена немецкая марка. Для многих скептиков в вопросе объединения Германии валютный союз является своего рода первородным грехом, от которого средне-и восточногерманская экономика в последующее время так и не смогла избавиться.

В политическом отношении идея валютного союза возникла под давлением сложившихся обстоятельств. События развивались стремительно, во всяком случае, по сравнению с привычной скоростью принятия политических решений. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года и решение федерального правительства от 7 февраля 1990 года предложить правительству ГДР валютный союз, разделяют всего лишь три месяца,

наполненных интенсивными общественными дискуссиями о том, что следует предпринять, чтобы эффективно противодействовать полному коллапсу экономики ГДР. А этот коллапс уже стучался в дверь: ежедневно ГДР покидало до 3 000 человек, дисциплина и производительность труда на предприятиях упали до минимума, Ханс Модров, занимавший в то время должность председателя правительства, даже заговорил о драматическом разрушении государственности. Все всякого сомнения, о целенаправленном, упорядоченном производстве больше не могло быть и речи. Господствовал хаос, и этого уже никто не отрицал.

После первых свободных выборов в Палату народных депутатов 18 марта 1990 года в течение двух месяцев между обоими немецкими правительствами — Гельмута Коля и Лотара де Мезьера — шли переговоры о валютном союзе. 18 мая 1990 года состоялось подписание государственного договора о создании с 1 июля 1990 года «совместного экономического, валютного и социального союза». В середине года он, действительно, был создан.

Немецкий федеральный банк вывел восточную марку из обращения, заменив ее на немецкую марку как в наличном, так и безналичном обороте. Банк в высшей степени профессионально выполнил эту огромную организационную задачу, спланировав всю работу с военной точностью, практически без ошибок и сбоев. За что он с полным на то основанием снискал похвалу самой широкой общественности. Кратко обозначим основные параметры обмена: заработная плата рабочих и служащих, пенсии, другие социальные пособия, а также арендная плата за жилье были переведены на немецкую марку в соотношении один к одному; долговые обязательства и денежные сбережения — в различном соотношении от одного к одному, от двух к одному или трех к одному. Перед принятием политического решения состоялось всестороннее обсуждение всех «за» и «против» валютного союза. <...> Сторонники видели настоятельную необходимость дать гражданам ГДР ясную перспективу в сфере денежных отношений как основу для принятия всех последующих экономических решений. С их точки зрения, это можно было сделать только в том случае, если Федеративная Республика Германии примет на себя обязан-

ность предоставить гражданам на Востоке страны гарантию денежного обеспечения, однозначно сформулированную политически и не допускающую пересмотра на практике. Только тогда вообще появлялся шанс на то, чтобы на основе последующих мер предотвратить массовый исход большей части граждан из ГДР. Так как, говоря простым языком, хотя стабильные деньги — это еще не все, однако без стабильных денег все остальное не имеет смысла. Только со стабильными деньгами можно было создать такие рамочные условия, которые позволили бы принимать разумные последующие основополагающие решения в сфере экономической политики. Речь шла о внушающем доверие акте политического самоограничения, совершаемом с помощью высокоавторитетного центрального банка, в благонадежности и серьезности которого — после четырех десятилетий беспримерной стабильности немецкой марки — не было никаких сомнений. С передачей этой национальной задачи в руки Немецкого федерального банка законодатель мог и был обязан использовать свою самую сильную политическую козырную карту и, тем самым, создать предпосылки для всех последующих действий. Такова в общих чертах была аргументация.<...> Ее можно назвать политически окрашенной, тем более, что почти вся она, если додумать ее до конца, указывала на необходимость полного, то есть государственного воссоединения. Ведь естественно вряд можно было представить, что все закончится простой передачей ответственности центральному банку, если повсюду в Восточной Германии в обращении окажется немецкая марка. <...>Для правильной оценки валютного союза необходимо еще раз тщательно рассмотреть эту аргументацию. Это тем более важно, что такой взгляд на вещи широко распространен и сегодня, причем в совершенно различных политических кругах — от экономистов-рыночников до далеких от экономики интеллектуалов и деятелей культуры.

О чем же на самом деле шла речь? У кого есть собственная валюта, тот в принципе имеет свободу выбора между тремя возможностями. Он может ограничить конвертируемость валюты с помощью государственного контроля над хождением валюты. Или отпустить курс своей валюты «в свободное плавание» («free floating»), поставив его

в зависимость от свободной игры рыночных сил на международных рынках капитала и товаров. Или, наконец, привязать конвертируемую валюту к другой якорной валюте, оставив при этом для себя открытой опцию время от времени проводить девальвацию или ревальвацию своей валюты по отношению ко всем другим мировым валютам в зависимости от общеэкономической потребности.

Именно от этих трех возможностей — и только от них — отказались при создании валютного союза. Поэтому возникает большой вопрос: какую ценность на самом деле имели эти три возможности?

<...>Существование центрального банка ГДР «на содержании» было бы совершенно невысказано и с политической точки зрения. Немецкий федеральный банк должен был бы — как и в ходе валютной реформы — взять на себя колоссальную ответственность, не получив одновременно полного контроля над системой денежного обеспечения в ГДР. Тем самым была бы открыта дверь для нерешаемого конфликта в теперь уже общем доме. То есть или со всей серьезностью вести дело к денежной стабильности и в этом случае при необходимости пойти на девальвацию восточной марки или последовательно защищать курс восточногерманской марки, эквивалентный курсу марки ФРГ, что поставило бы под удар денежную стабильность в Западной и Восточной Германии. Такой конфликт также превратил бы Федеративную республику в арену будущих ожесточенных политических сражений. Короче говоря: это был бы рецепт, пригодный только для того, чтобы подорвать надежность банка. Но именно этого и удалось избежать, предложив прозрачное решение вопроса в рамках валютного союза.

<...>Как бы там ни было, в 1990 году ГДР, избавившись от вакуумного колпака социализма, оказалась перед необходимостью тотальной переоценки своей промышленной продукции на мировом рынке. При этом эта переоценка могла быть сделана только в сторону уменьшения ее стоимости. А это, в свою очередь, означало бы значительное снижение уровня заработной платы, пересчитанной на немецкую марку. Поскольку мобильность рабочей силы препятствовала ее адаптации к более низкой оплате труда, то производство соответствующих товаров просто бы прекратилось. По этой

причине чистой иллюзией было бы внешнеэкономическое равновесие при обменном курсе и уровне заработной платы, которые могли бы удерживать людей на Востоке страны. Здесь мы вновь сталкиваемся с основной экономической проблемой, возникшей вследствие падения Берлинской стены. С открытием границы восточногерманская рабочая сила обрела мобильность. При этом как бы походя, она также разрушила возможность для обеспечения конкурентоспособности — благодаря более низкой внешней стоимости собственной валюты — тех продуктов, которые, которые они сами изготавливали в ГДР. Граждане ГДР теперь пересчитывали свою заработную плату, номинированную в восточногерманских марках, на немецкую марку, тем более, что значительную часть товаров, которые они хотели потреблять сами, производилась на Западе страны и должна была быть оплачена в немецких марках. Реакцией на слишком сильное уменьшение выраженного в немецкой марке стоимостного содержания заработной платы, номинированной в восточногерманских марках, была бы в результате девальвации валюты миграция рабочей силы на Запад.

То есть девальвация как инструмент восстановления конкурентоспособности оказался бы совершенно непригодным — в силу такого фактора, как обретенная свобода передвижения. Поэтому цена полного отказа от такой меры была бы не слишком высока. <...>

Ко многим примечательным особенностям бурных месяцев после падения стены относится та, что даже наиболее хорошо подготовленные наблюдатели не увидели или не захотели увидеть эти взаимосвязи.

Так 9 февраля 1990 года экспертный совет направил в адрес федерального канцлера письмо с настоятельным предостережением от заключения валютного союза. Среди прочих аргументов был и такой: единство валюты сразу же выявит серьезную разницу в уровнях жизни на Востоке и на Западе. Ставшая явной, эта разница породит ожидания на их выравнивание, которые, в противном случае, очевидно, не возникли бы и которые далеко выйдут за рамки возможного, учитывая существующую производительность труда на Востоке. Такая точка зрения, которая дожила до наших дней, сме-

шивает причину и следствие. Так как понимание этой разницы, которое, по мнению экспертного совета, является следствием валютного союза, существовало еще задолго до падения Берлинской стены. Ведь каждый восточный немец мог без труда подсчитать в уме, что означает его заработная плата в восточных марках в пересчете на западную марку. И именно на основе этого понимания он мог принимать свои решения — искать работу на Западе страны, требовать более высокую заработную плату на Востоке и т.д. Введение немецкой марки в этом отношении почти ничего не изменило. Одним словом, эта проблема уже существовала, и речь шла только о том, как интерпретировать ее политически. <...>

ДУХОВНОЙ ЭЛИТЕ НЕ ПОНРАВИЛСЯ ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ

«**Б**елендорф, 29.6.90. Заголовок для еще не написанной полемической статьи «Выгодная покупка под названием ГДР», при этом следует признать, что северогерманское выражение «выгодная покупка» как ни одно другое характеризует современную безыдейную ментальность капиталистического рвачества». Это цитата из книги «По пути из Германии в Германию. Дневник 1990» Гюнтера Грасса, опубликованной в январе 2009 года. Из приведенного отрывка становится понятным, как большой писатель и лауреат Нобелевской премии оценивает валютный союз ко времени начала обмена денег: как неокOLONIALИСТСКИЙ захват западногерманским капитализмом ГДР. Здесь Гюнтер Грасс выразил то, о чем тогда думали и все еще продолжают думать многие интеллектуалы. Этот радикальный приговор, если сопоставить его с фактами, собственно говоря, несостоятелен, как экономически, так и политически. Его место — среди мифов. Но как этот миф возник? И почему он остается столь живым до настоящего времени? Ответ не имеет никакого отношения к экономике, но исключительно к германскому духу и его идеалистической склонности быть оторванным от реальности. С падением Берлинской стены

целый класс немецких интеллектуалов оказался перед лицом фактов, которые противоречили их собственной картине мира. Неожиданно появились многие тысячи людей, которые были готовы отвернуться от своей родины, чтобы заново обустроить собственную судьбу и судьбу своих семей, причем сделать это на Западе. Как и переселенцы, которые в 19 веке собрали свои пожитки и отправились в Америку — не из любви к Америке, а потому, что не имели никаких жизненных перспектив у себя дома. Это была самая элементарная форма использовать свободу, ту самую свободу, которая и теперь прокладывает себе дорогу, высвобождая огромную энергию.

Эта была совершенно новая для немцев ситуация. В течение немногих недель в небытие канули все тщательно прорисованные соображения по поводу различного рода стратегий осторожной, поэтапной адаптации. Пространство для политического маневра было сужено до предела. Более того, в новой ситуации все идеалистические умозаключения утратили свое обоснование. Это был травмирующий опыт для духовной элиты, привыкшей в качестве моральной инстанции к повсеместному самому серьезному отношению к себе со стороны общественности. Так было и на Востоке и на Западе, поскольку и там и тут чистая идея в одночасье обесценилась. Реальность отбросила ее на обочину. Это обстоятельство объясняет раздраженную тональность «Дневника» Гюнтера Грасса каждый раз, когда он говорит о немецком единстве. При чтении чувствуется досада наставника нации ввиду неизбежности надвигающихся событий. И его нескрываемое раздражение в связи с тем, что даже Вилли Брандт, его старый друг и политический соратник, по всем существенным пунктам согласен с канцлером Гельмутом Коелем и министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером.

От этого шока от столкновения с реальностью только один маленький шаг до упрека в неокOLONIALИЗМЕ. Ведь как иначе можно с этой точки зрения охарактеризовать введение немецкой марки, если не как подготовку внезапного захвата слабого Востока сильным Западом? Только как соблазнение людей, чтобы помешать им идти своим собственным путем в рамках собственной экономической системы, путем между капитализмом

и социализмом. Лишь немногие интеллектуалы, в первую очередь, Моника Марон и Хельга Шуберт, решительно выступили против этой точки зрения. Они справедливо указали на то, что валютный союз был создан только потому, что люди в Восточной Германии отказывались в очередной раз быть объектом для экспериментов с неочевидным исходом. Люди использовали свою свободу. Они хотели получить то, что уже имеют другие, и ничего сверх того. И политики не могли не отреагировать на эти настроения.

С учетом реальностей жизни это было, очевидно, умное решение. Поскольку политики, приняв ответственность за валютный союз, на самом деле вызвали на себя огонь всех тех недовольных, которые желали получить более выгодный экономический результат, хотя при этом были не в состоянии сами показать, каким образом этот результат можно было достичь на практике. Вина политиков была действительно очень велика. Знаменитые слова Гельмута Коля, сказанные им по поводу создания валютного союза, о том, что на Востоке возникнут «цветущие ландшафты», возможно, принесли ему много голосов избирателей на предстоящих тогда первых общегерманских выборах в бундестаг. Они также вызвали сильный всплеск энергии и эйфории, поскольку вселили в людей веру в то, что в их работе есть цель, контуры которой уже обозначились на горизонте. Однако в долгосрочной перспективе эти настроения обернулись бумерангом, так как уже спустя немного лет стало очевидно: начатый процесс экономических преобразований носит во много раз более глубокий и сложный характер, чем представление о нем как о процессе расцветающих ландшафтов. Многие разочарования людей в более позднее время, несомненно, коренились в этих несбывшихся ожиданиях.

Однако вернемся к хронологии событий. С избранием новой Народной палаты ГДР 18 марта 1990 года были созданы политические рамки для валютного союза. <...> Особое внимание в ходе политических дебатов было уделено переходному курсу между восточногерманской и западногерманской маркой.

При этом, что естественно, на передний план выдвинулась проблема распределения денеж-

ной массы. Главным образом это касалось вопроса о том, будут ли и каким образом на основе переходного курса сохранены накопления граждан ГДР как часть результатов их трудовой деятельности за прошедшие годы. Почти не удивляет, что именно по этому вопросу произошло резкое политическое размежевание среди тех, чьи интересы он затрагивал в наибольшей мере.

Правительство ГДР как адвокат своих граждан высказывалось в пользу переходного курса в соотношении один к одному, федеральное министерство финансов и федеральный банк за более низкую оценку стоимости восточногерманской марки. Результатом явился политический компромисс: все текущие выплаты и платежи, как-то: заработная плата рабочих и служащих, пенсии, аренда жилья и т.д., если речь шла о действующих договорах, были номинированы в немецкой марке по курсу один к одному; все денежные накопления и долговые обязательства — в зависимости от их размера, вида и времени возникновения — по курсу от одного к одному, двух к одному или трех к одному. В целом же средний рассчитанный переходный курс составил 1,8 к одному.

Можно ли назвать этот компромисс хорошим? В политическом смысле ответ будет «да», поскольку дискуссия на Западе и Востоке о возможном влиянии компромисса по вопросу о распределении быстро повсеместно сошла на нет и в последующее время больше почти не возникала — верный признак того, что ни одна из сторон не считала, что осталась в накладе. В экономическом смысле вопрос, естественно, носил существенно более сложный характер. В первую очередь, речь шла о том, не приведет ли выросшая денежная масса в немецких марках к ценовой инфляции и каким образом экономика на Востоке страны сумеет адаптироваться к новой среде.

Что касается инфляционных тенденций, то очень скоро опасения на этот счет рассеялись. Новая денежная масса в немецких марках, хотя и оказалась несколько больше ожидаемой, поскольку размер накопления в восточногерманских марках был недооценен, однако федеральному банку, не прилагая больших усилий, удалось в последующее время смягчить остроту проблемы с помощью инструментов денежной политики.

То есть в этом отношении обменный курс 1,8 к одному никак нельзя назвать великодушным жестом, о чем многие говорили. Он явился в значительной мере также признанием стремления восточногерманского населения на протяжении многих лет откладывать деньги, что и отразили их накопления в восточногерманской марке. Их стоимость по меркам мирового рынка была бы существенно ниже, поскольку восточногерманская валюта при введении конвертируемости, несомненно, была бы оценена по значительно более низкому курсу. Однако в пересчете на реальные потребительские товары, которые сберегатели хотели бы приобрести, создавая свои денежные накопления, стоимость этих накоплений внушала уважение.

<...> И тем не менее, валютный союз вообще не был воспринят широкими слоями населения как успех. Это, однако, объясняется совершенно иными обстоятельствами. Восточногерманская экономика быстрыми темпами двигалась в направлении кризиса. С первого по второе полугодие 1990 года объем промышленного производства сократился вдвое, резко выросла безработица, увеличилось количество работников, переведенных на неполную рабочую неделю. Прыжок в ледяную воду конкурентной борьбы одним махом обнажил практически все проблемы промышленности. Все эти процессы развивались с такой скоростью, которой в истории промышленно развитых наций не было и, возможно, больше никогда не будет. <...>

Опыт непосредственного знакомства восточногерманского населения с новой для них рыночной экономикой оказался весьма болезненным. Он был полностью противоположен опыту старшего поколения западных немцев во второй половине 1948 года после начала в июне того же года валютной и экономической реформы. В 1948 году западные немцы стали свидетелями мощного подъема, своего рода чуда после череды лет военных и послевоенных лишений. В то время как восточные немцы испытали тотальный распад привычного для них индустриального мира. Разумеется, им было ясно, что продолжать жить по-старому нельзя, однако, практически никто из них не представлял себе столь свободного падения вниз. При этом глав-

ное испытание — собственно санация их предприятий — еще было впереди. В середине 1991 года Карл Отто Пель досрочно завершил свою деятельность на посту президента Немецкого федерального банка. 19 марта 1991 года, выступая перед членами экономического и валютного комитета Европейского парламента, он назвал последствия валютного союза «катастрофой».

<...> В 1948 году целое поколение западных немцев одновременно превратилось в эмоциональных друзей рыночной экономики, независимо от того, что подсказывал им собственный разум. От либеральных приверженцев принципа личной ответственности, которые видели в происходящем подтверждение своего собственного оптимизма и оптимизма Людвиг Эрхарда, до социалистоскептиков, внезапно обнаруживших бурную деятельность на предприятиях и в магазинах. Совсем иную картину явил 1990 год в Восточной Германии: развал промышленности стал причиной глубокого эмоционального неприятия рыночной экономики многими восточными немцами, опять-таки независимо от того, что подсказывал им собственный разум. И в данном случае эти чувства были характерны не только для записных социалистов, но и для либерально и консервативно настроенных граждан. Об этих настроениях хорошо свидетельствуют опросы общественного мнения, в том числе, последнего времени.

Был ли крах неминуем? Никто не может знать этого, но представляется весьма трудным делом придумать альтернативы, которые привели бы к иному результату. Даже сегодня можно часто слышать утверждение, что выбор обменного курса один к одному при пересчете заработной платы (и цен) является-де определяющей причиной столь сильного падения восточногерманской экономики.

В частности, бывший федеральный канцлер Гельмут Шмидт, подводя итоги процесса немецкого объединения, заявил по смыслу следующее: «да» валютному союзу, но при более низкой оценке стоимости восточногерманской марки по отношению к марке ФРГ с тем, чтобы сохранить на Востоке низкие производственные издержки.

Однако такая мера привела бы к тому, что после создания экономического и валютного союза заработная плата на Востоке была бы существенно

ниже чем на одну треть уровня западногерманской, который при переходе на единую валюту по курсу один к одному был принят как исходный. Другими словами, возможно, тогда это была бы одна шестая (при соотношении два к одному) часть заработной платы на Западе, или даже еще меньше. Но в этом случае, очевидно, произошло бы следующее: внутри воссоединившейся Германии возникла бы та самая волна миграции на Запад, которая поднялась бы и без валютного союза при низкой оценке стоимости восточногерманской марки. Или заработная плата быстро установилась бы на том же уровне, на каком она оказалась при обменном курсе один к одному. <...>То есть реалистической альтернативы, которая могла бы предотвратить экономический коллапс, не существовало и к выбранному обменному курсу. Разумеется, за исключением ограничений на свободу передвижения, что означало бы отказ от экономического и валютного союза и, в конечном итоге, от немецкого единства.

<...>В Восточной Германии вся ситуация подталкивала к быстрому принятию мер, причем в условиях, которые никак не могли быть результатом свободного выбора. Несмотря на весь ужас промышленного коллапса, все-таки сохранялись ожидания того, что, возможно, в скором времени произойдут какие-то фундаментальные перемены. И поэтому стоило, вероятно, остаться дома и включиться в начавшуюся работу по возрождению Востока.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ ПРИВАТИЗАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Следующим шагом после создания валютного союза стала так называемая *трансформация восточногерманской экономики*. В общем — неудачное выражение, поскольку имеет сильное техническое звучание. Оно слишком напоминает «конверсию», то есть перевод военных заводов на изготовление гражданской продукции. На самом деле, речь шла об исключительно экономической проблеме. Предстояло превратить плановую экономику в рыночное хозяйство. Самая первая и простая задача заключалась при этом

в приватизации государственной собственности, и в воссоединившейся Германии она была возложена на Попечительский приватизационный совет.

Совет был создан еще в начале 1990 года как наделенное правами юридического лица объединение народных предприятий ГДР, своего рода холдинговая компания. Но только 17 июня 1990 года, когда был принят закон о приватизации и реорганизации государственного имущества (закон о доверительном управлении), перед советом была поставлена конкретная задача, а именно: «в кратчайшие сроки и в максимально широких масштабах на основе приватизации прекратить предпринимательскую деятельность государства». Таким было политическое поручение. Оно в принципе касалось всех бывших народных предприятий, представлявших в полном смысле слово самый широкий спектр производственных направлений: от крупных промышленных заводов до аптек, организаций розничной торговли и торговых центров, гостиниц и предприятий общественного питания.

И этим список отнюдь не исчерпывался. При этом существовало полное совпадение мнений по поводу предприятий сферы обслуживания — все они подлежали приватизации в кратчайшие сроки, поскольку, как правило, речь в этом случае шла об объектах недвижимости и земельных участках, которые можно было достаточно быстро продать или, по крайней мере, сдать в аренду. Эта часть работы Совета была, на самом деле, в основном выполнена уже в 1992 году. Как и ожидалось, в ходе приватизации этих предприятий почти не было сокращения рабочих мест. Частные предприятия сферы услуг были во времена ГДР, что общеизвестно, пасынками социалистического планирования. То есть можно было рассчитывать на то, что их число не только не уменьшится, но даже возрастет. Так и случилось.

Совершенно иной была ситуация в промышленности. Именно эта часть приватизации в рамках деятельности Совета с самого начала вызывала самые бурные дискуссии. Особенно активно обсуждались альтернативы «приватизации до санации» и «санация до приватизации». Сторонники первоочередности приватизации аргументировали свою позицию тем, что санация является задачей будущего частного владельца, поскольку только

он (не Попечительский приватизационный совет!) будет в состоянии разработать устойчивые модели предпринимательской деятельности. Именно они предшествуют принятию решения о покупке и о возможной цене приобретения, при этом планы санации в обязательном порядке являются составной частью содержания таких моделей и концепций. Совет же, как государственный холдинг, совершенно непригоден для этих целей, а слишком длительный процесс санации под государственным надзором таит в себе опасность чрезмерного затягивания приватизации и усиления политического давления со стороны представителей региональных интересов, которые хотели бы как можно долго сохранять нерентабельные рабочие места за счет налогоплательщиков. Противники первоочередности приватизации возражали на это, что без санации под эгидой Совета предприятия трудно будет продать, по крайней мере, по разумной цене. Риск затягивания процедуры приватизации, напротив, не столь велик. Так опыт приватизации в Великобритании в 1980е годы показал, насколько важно подготовить к продаже объекты капиталовложения. То есть, образно говоря, невеста должны быть красивой и нарядной, прежде чем идти под венец. Дискуссия приняла затяжной характер. Борьба развернулась, по существу, между экономистами и буржуазно-либеральными политиками, выступавшими за быструю приватизацию, с одной стороны, и сторонниками государственной санации в лице социал-демократов, социалистов и профсоюзных лидеров, с другой. При этом следует отметить, что высказываемые мнения отличались большим разнообразием нюансов. Особенно бросалось в глаза различие в мотивах, двигающих участниками дискуссии: от нескрываемых лоббистских интересов до чистого удовольствия от научного спора, поскольку сама его тема представляло собой «сочное пастбище» для «вскармливания» причудливых теоретических моделей экономистов, правоведов и политологов. И действительно: когда еще у науки имелась другая такая возможность в виду срочных запросов практики совершенно по-новому подойти к осмыслению наиболее важных мер создания новой экономической структуры? Направление практических действий Попечительского приватизационного совета было

определено совершенно ясно — на скорейшую приватизацию. Вплоть до роспуска Совета в конце 1994 года, то есть менее чем за пять лет работы, он продал почти все предприятия, которые были переданы в сферу его ответственности и которые он считал готовыми к приватизации. Это были 8 500 компаний, в которых на момент приватизации трудились четыре миллиона работников. В результате дробления количество предприятий затем возросло почти до 14 000, из них 3 700 (26 процентов) были впоследствии ликвидированы. Приватизация позволила привлечь инвестиции на сумму в 211 миллиардов немецких марок; было создано 1,5 миллиона рабочих мест, то есть затраты на одно рабочее место составили, примерно, 140 000 немецких марок. В конце 1994 года в ведении Совета находились чуть более 400 предприятий, которые в принципе могли быть приватизированы, но на тот момент все еще не были проданы. Работа Совета была продолжена организациями-преемниками, главным образом, федеральным ведомством по специальным вопросам воссоединения как ответственным за промышленность. В частности, в ведение этого ведомства были переданы 20 крупных предприятий, каждое с числом занятых в более 1000 работников. Приватизация некоторых из них оказалось чрезвычайно трудным делом, и принятие решения об их будущей судьбе превратилось в острый политический вопрос в соответствующих регионах. Но и они в своем большинстве были приватизированы в последующее время.<...> Так выглядит чистый «трудовой баланс» Попечительского приватизационного совета. Он впечатляет, по крайней мере, в том, что касается скорости и объема приватизации. Этот трудовой баланс особенно впечатляющ, если принять во внимание, что даже на пике своей деятельности в штате Совета было не более 3000 сотрудников. Вероятно, что сделанное Советом было самой масштабной и компактной приватизацией за всю предшествующую историю промышленного развития, аналогов которой, возможно, не будет и в будущем. Поэтому уже в середине 1990х годов, по крайней мере, одним из многих прежних опасений стало меньше: в Восточной Германии не возникло «черной дыры» в бюджете вследствие долгосрочных государственных субвенций на поддержание нерентабельных

производств, которые продолжали бы работать, так как этого требовала общественность.<...>

Здесь мы вновь сталкиваемся с проявлением основополагающей особенности феномена немецкого единства. С падением Берлинской стены, с созданием экономического и валютного союза, а также с политическим воссоединением, в том числе, и для предпринимателей стало совершенно очевидным, что разница в уровнях заработной платы между Востоком и Западом один к трем не сохранится надолго. Просто все этого ожидали, и с этими ожиданиями ничего нельзя было поделаться. При этом было совершенно безразлично, насколько в процентном отношении увеличится заработная плата на подлежащих приватизации предприятиях. Поскольку прирост даже до одной трети от заработной платы Запада все еще оставлял бы большой люфт для ее дальнейшего подтягивания к западногерманскому уровню. Ведь у инвесторов оставалась принципиальная возможность отказаться от членства в объединении работодателей и самостоятельно договориться о размере заработной платы и ее структуре на конкретном предприятии или в рамках отдельных трудовых договоров. Так это и произошло в последующее время, более того, возможно многие предприниматели с самого начала так и собирались поступить. В результате, в конечном счете, это привело к фактической ликвидации территориальных тарифных соглашений в Восточной Германии. Это обстоятельство частично объясняет тот факт, что и сегодня уровень заработной платы в восточногерманской промышленности почти на одну треть ниже ее уровня в Западной Германии.

Все вместе взятое, это, в частности, свидетельствует о том, что в длительной перспективе расчеты профсоюзов никак не оправдались. Им не удалось за счет быстрого увеличения заработной платы стать на долгое время влиятельной силой в Восточной Германии. Напротив, новые инвесторы своими действиями все больше усиливали на местах тягу «идти своим путем». А персонал предприятий волей-неволей поддерживал их, поскольку ситуация на рынке труда оставалась тяжелой. Наемные работники шли на все, чтобы сохранить свои рабочие места, в том числе, отказываясь

от чрезмерных требований повышения заработной платы после того, как реструктурированные предприятия вновь стали завоевывать позиции на рынке. Призывы профсоюзных организаций с Запада страны действовать более решительно на Востоке почти не получали отклика. <...>

Если же говорить об экономическом развитии Восточной Германии и Центральной и Восточной Европы в целом, то это скорее единичные случаи. Чаще речь идет о классических прямых инвестициях западных компаний, которые целенаправленно локализуют производство своих давно созданных экспортных товарных брендов на Востоке, чтобы использовать более низкие затраты на оплату труда и близость важных рынков сбыта. <...> Однако, прямые инвестиции ограничены, что хорошо видно особенно на примере Восточной Германии. Они могут дать значительный рост производительности, но не могут вывести ее на западногерманский уровень, поскольку сначала возникают «удаленные сборочные производства», а не новые промышленные центры с собственной инновационной динамикой и с наивысшей производительностью. Возможно, что в Центральной и Восточной Европе возможности прямого инвестирования и того меньше: до настоящего времени не было случая, чтобы западные компании переводили свои подразделения, реально выполняющие центральные управленческие или научно-исследовательские функции, в восточноевропейские страны. Эта ситуация не изменится и в будущем. То, что не работает в рамках единого немецкого культурного пространства (Запад и Восток), едва ли будет работать за его пределами.

БАЛАНС

Восточная Германия, и Центральная и Восточная Европа давно вступили на относительно легкий путь восстановления технологического уровня своей экономики, позволяющего участвовать в конкурентной борьбе на мировых рынках. И, видимо, больших результатов, чем те, которые уже достигнуты, на этом пути не будет. О том, насколько быстрый импорт знаний реально помог сократить их отставание по производительности, можно

судить по степени все еще остающегося разрыва в ее уровнях.

Во всяком случае, в отношении к Восточной Германии это очевидно. Но, как представляется, это также очевидно и в отношении Центральной и Восточной Европы: практически все постсоциалистические страны-члены ЕС, особенно, Чехия, Польша, Венгрия, Словакия и Словения, с начала 1990х годов в своей экономической политике целенаправленно ориентировались на привлечение прямых инвестиций. <...> Однако в будущем они не будут на длительную перспективу являться главным источником экономического прогресса, на который может рассчитывать постсоциалистический Восток, чтобы вновь обрести технологическую способность на равных конкурировать на рынке с Западом, которую он утратил за четыре десятилетия господства социалистического планового хозяйства. Таковым — нормальным — источником должно стать нечто иное. В большинстве отраслей промышленности этих стран их развитие должна определять собственная технически компетентная предпринимательская деятельность, ориентированная на мировой рынок.

Видимо, именно здесь находится самое узкое место, что, в конечном счете, также является отдаленным последствием социалистического планового хозяйства. На Востоке Германии этот вывод особенно очевиден. С конца 1940-х годов и по настоящее время население Восточной Германии за счет миграция уменьшилось примерно на пять миллионов человек — три миллиона человек покинули страну до строительства Берлинской стены, один миллион в смутное время с 1989 до 1991 год и еще один миллион в последующее время. Вне всякого сомнения, среди уехавших было немало талантливых и технически одаренных предпринимателей, в первую очередь, среди тех, кто составил первую волну эмиграции до сооружения стены. Было бы наивно полагать, что этот фактор не имел никаких последствий для инновационного потенциала региона. <...>

Одним словом: баланс собственного инновационного потенциала в Восточной Германии и в Центральной и Восточной Европе пока остается неудовлетворительным. Это, вероятно, тот наибольший долговременный глобальный ущерб,

который нанесла плановая экономика. Поскольку именно плановая экономика разрушила тандем коммерческого и технического в промышленном производстве и, тем самым, за четыре десятилетия катастрофические обеднила — по рыночным оценкам — ассортимент производимой продукции Востока страны. Нет никаких сомнений в том, что без раздела Германии среднегерманский промышленный треугольник Дрезден — Эрфурт — Магдебург с центром вокруг городов Галле и Лейпциг в рыночных условиях принял бы на равных условиях участие в промышленной конкуренции регионов. Если немного пофантазировать, то можно даже представить, что диверсифицированная промышленная структура Средней Германии обеспечила бы ему устойчивое место где-то посередине в рейтинге регионов — вероятно, после земли Баден-Вюртемберг, но перед землей Северный Рейн-Вестфалия.

Ущерб, нанесенный социализмом, таким образом, очень велик, что становится еще более очевидно на фоне глобализации, то есть в условиях обострившейся борьбы промышленных территорий за движимый капитал. Предприниматели гораздо больше, чем в прошлом, учитывают возможность регионального разделения производственных процессов и цепочек создания новой стоимости, руководствуясь строго экономическими соображениями. <...>Таковы общие соображения в контексте затронутой нами проблемы. Действительно, трудно усомниться в том, что интеграция Восточной Германии и Центральной и Восточной Европы в систему мирового разделения труда после 1990 года была бы существенно сложнее в мире, в котором национальные границы сдерживают подвижность капитала. Прямые международные инвестиции играли и продолжают играть важную роль — как на востоке Германии, так и на востоке Европы. Однако достаточно быстро выяснилось, все постсоциалистическое пространство Европы было отнюдь не единственным новым участником в мировой экономике. Другие регионы с несравнимо большим населением и существенно более низкими издержками по оплате труда, в первую очередь, Китай и Индия, примерно в то же время приступили к либерализации своих экономик, составив

серьезную конкуренцию за инвестиции. Поэтому баланс прямых инвестиций на Востоке страны, если сопоставить фактические цифры с ожиданиями, выглядит достаточно скромно, особенно на фоне инвестиционного бума в Китае, начавшегося в 1990е годы. <...> Помощь от глобализации, таким образом, носит ограниченный характер, когда дело идет об усилении инновационного потенциала региона. Его ослабление в то же время — это симптом того, что данная промышленная территория в конкуренции промышленных территорий утратила часть своей прежней привлекательности. Возможно, что здесь мы имеем дело с одной из наиболее трагических особенностей экономической истории Восточной Германии и Центральной и Восточной Европы. Нигде в свое время так много не говорили о техническом знании как о движущей силе общественного прогресса, как в странах социалистического Востока. Нигде различные учебные заведения — от технических университетов до, как их сегодня называют, высших технических школ и профессионально-технических училищ — не выпускали столько хорошо подготовленных инженерных кадров. Нигде в общеобразовательных школах не уделялось столь много внимания изучению основ математики и естественных наук, часто в сочетании с производственной практикой на промышленных предприятиях. Нигде в программах обучения не отводилось столь мало места дисциплинам, столь любимым далекой от экономики образованной интеллигенции (иностранные языки, литература, история античности) при одновременно подчеркивании важности преподавания якобы современных технических и естественнонаучных альтернатив, связанных с промышленным производством. И, несмотря на все это, в регионе ощущается недостаток инновационного потенциала. Регион, что очевидно, испытывает немалые проблемы, чтобы в конкурентной борьбе промышленных территорий стать новой фабрикой знания.

Вспоминая об этом, еще больше осознаешь, насколько мощный разрушительный заряд несли в себе раздел Германии и 40 лет плановой экономики. Каждый, кто хорошо знает Восточную Германию, постоянно совершенно конкретно чувствует трагизм, в том числе человеческий, сложившейся

ситуации. В первую очередь это касается ключевых промышленных регионов Средней Германии.

Именно потому, что социализм отстаивал абсолютный приоритет техники в экономике и в обществе в целом, там отношение к инженерному искусству до сих пор сохраняет очень глубокий эмоциональный характер, гораздо более сильный, чем в других частях Германии. Промышленная история Средней Германии как бы продолжает жить в головах и сердцах его жителей. Там очень высок уровень личной поддержки всех инициатив, касающихся сохранения промышленных памятников, которых на территории региона предостаточно. Обратной стороной этой эмоциональной привязанности к технике, очевидно, является сильное внутреннее нежелание трезво оценить произошедшее после 1990-го года как то, чем оно, в конечном счете, было в действительности: как неизбежное признание всех тех накопившихся ошибок, которые необходимо отнести на счет социалистического планового хозяйства. Гораздо удобнее искать более простые объяснения, тем более, если они к тому же указывают на легко узнаваемый образ врага. В его роли выступает, в основном, Попечительский приватизационный совет как отдельно взятый институт, а также, наряду с ним, рыночная экономика как система в целом.

К этому необходимо относиться с пониманием: ведь невероятно соблазнительно списать резкое падение цен и рыночного спроса на товары ГДР после 1990 года и коллапс промышленности вместе с ее научно-исследовательским потенциалом на происки таинственных капиталистических заговорщиков. То есть у вас сразу же появляются виновники, которые все еще находятся рядом с вами и с которых можно спросить. В то время как социалистическое плановое хозяйство уже принадлежит истории, а ругаться на то, что давно осталось в прошлом, успокаивает гораздо меньше, чем жаловаться на настоящее. При этом возникают ностальгические представления о прошлом, от которых все труднее избавиться, несмотря на ощутимый рост промышленности за последние годы.

С этими представлениями часто встречаешься, особенно, общаясь с представителями поколения старых инженеров, которые во времена ГДР отвечали за техническое состояние производства,

при этом, к слову сказать, абсолютно вне всякой зависимости от их тогдашних политических убеждений. В известном смысле проект «Немецкое единство» лишил их жизненной цели. Их чувства по-человечески можно понять, но это не значит, что не следует с научными аргументами на руках противостоять их ошибочным взглядам на новый окружающий мир. Поскольку эти взгляды могут возродить старую легенду об ударе ножом в спину, один из вариантов теории заговора, особенно тогда, когда она получает косвенную поддержку со стороны таких мастеров художественного слова, далеких от проблем экономики, как лауреат Нобелевской премии по литературе писатель Гюнтер Грасс.

Но факт остается фактом: именно политическое руководство ГДР, исповедовавшее идеи социалистического планового хозяйства, разорвало связь между предпринимательством и техникой. Тем самым оно разрушило источник инноваций, ориентированных на рынок. Оно совершило это сознательно и преднамеренно, хотя, возможно, не понимая катастрофических последствий содеянного. Однако история показала, что эти последствия, на самом деле, оказались катастрофическими. Без связи предпринимательства и техники даже у высоко цивилизованного общества с квалифицированными кадрами специалистов и всемирно признанной инженерной наукой не было ни одного шанса сохранить контакты с мировым рынком. Ни одно поколение людей, было, тем самым, лишено возможности таким образом использовать свои неповторимость, мотивацию и творческие способности, чтобы создать в соответствии с законами рынка, а не партийной бюрократии дополнительную стоимость, которая в течение длительного времени действительно была бы востребована мировой экономикой. Примерно также обстояло дело и в других социалистических странах, если они, как Чехия, имели высокоразвитую промышленность. В экономической истории это был уникальный акт разрушения, последствия которого обнаружились после 1990 года — в Восточной Германии очень быстро в ходе осуществления проекта «Немецкое единство», в других странах Центральной и Восточной Европы - где-то раньше, где-то позже.

Примечательно, что значение этого акта разрушения в Германии все еще не осознанно в полном масштабе. Возможно, причина в том, что сегодня просто пока еще нет желания вспомнить, как высока была цена, которую потребовала за это история. Ведь психологически очень тяжело признать отдаленные последствия собственных действий, совершенных ранее, если нет простых решений для устранения этих последствий. Но, продолжая игнорировать эту высокую цену, нельзя измерить, чего стоит проект «Немецкое единство», причем не только в политическом и гуманитарном отношении, но и в экономическом. Ведь только на фоне огромного исторического ущерба можно разумно оценить то, что было достигнуто за последние два десятилетия. В противном случае в экономическом балансе останется только статья издержек, а это действительно будет искаженная картина реальности.

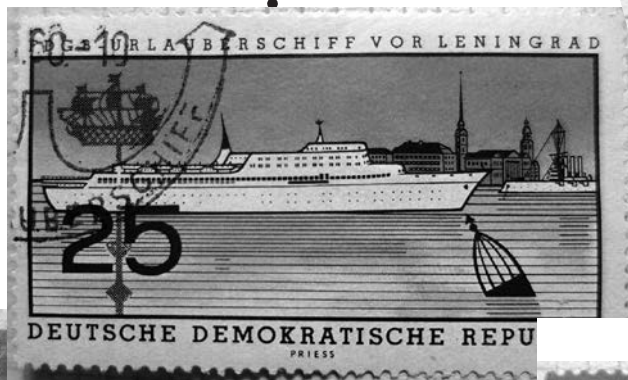
ЦЕНА ВОПРОСА

После всех этих многочисленных пространственных рассуждений вернемся к нашему исходному вопросу, который звучит: сколько стоит проект «Немецкое единство»? Мы уже увидели, насколько тяжелыми оказались отдаленные последствия социализма, гораздо более тяжелыми, чем многие предполагали с самого начала. Поскольку были уничтожены знания рынка, и их нельзя было восстановить просто за счет замены одной общественной системы на другую, как мы это сегодня видим. Глобализация, возможно, повысила шансы вернуться на рынок, но при этом скорее сохранила фабрики технических знаний на традиционных местах, чем способствовала их перемещению в другие регионы. Если учесть все это в нашем балансе, то отставание Востока от Запада по производительности труда в 20–30 процентов (в зависимости от методов измерения) после двух десятилетий реализации проекта «Немецкое единство» не покажется плохим результатом. Особенно в сравнении с Центральной Европой, где это отставание, также по понятным причинам, остается значительно больше. Возрождение Востока страны поэтому, по сути, является большим историческим

© Текст: Герхард Байм

достижением. Разумеется, вполне допустимо мечтать о лучшем и более прекрасном мире, в котором Восток Германии, экономика которого уже достигла инновационных вершин и процветания и как магнит отовсюду притягивает людей. Но мечта остается не более чем мечтой. Поскольку после 40 лет самоизоляции от мирового рынка было чрезвычайно сложно вообще вскочить на проезжающий скоростной поезд глобализации. А занять в нем место в вагоне первого класса было просто невозможно. То, чего удалось достичь, это место посередине — немного позади благополучного Запада страны, но значительно опережая товарищей по несчастью из социалистического прошлого в Центральной Европе. Хороший удаленный сборочный цех Запада. Пока не больше, но и не меньше этого.

Перевод с немецкого Игоря Шматова





‘НА МИРОВОМ УРОВНЕ’

НАИВЫСШИЕ
ДОСТИЖЕНИЯ ГДР
В ПРОИЗВОДСТВЕННО-
ТЕХНИЧЕСКОЙ
ОБЛАСТИ



Райнер КАРЛШ*

РАЙНЕР КАРЛШ (род. в 1957 г.), профессор, историк-экономист и публицист; с 2008 г. участник исследовательского проекта на кафедре экономической и социальной истории Технического университета в Хемнице. Автор книг по истории экономики и предпринимательства XIX–XX веков и по недолгой истории СОЗ/ГДР.

ПРЕДВАРЯЯ ТЕМУ



Среди студентов-экономистов в ГДР сатирический журнал «Ойленшпигель» (*Eulenspiegel*) пользовался особым спросом, поскольку они нередко узнавали из него больше о действительном положении на предприятиях и комбинах, нежели из других источников, не говоря уж о газетных репортажах, на тему выполнения производственного плана. Сегодня, бросая взгляд в прошлое, можно высоко оценить уровень немалого числа публикаций в «Ойле», как и бесчисленных анекдотов про «узкие места в системе снабжения».

Совсем иначе обстояло дело с пресловутым «мировым уровнем» в научно-технической и производственной областях. Исчезновением в октябре 1990-го ГДР в немалой степени была связана именно с провалом ее экономической политики. В общественном восприятии этот факт ассоциировался главным образом с «Трабантом», технически допотопным и одновременно притягательно-бесхитростным автомобилем, на десятилетия отставшим от технического уровня и объемов производства ведущих автопроизводителей. После 1990-го «Траби» в качестве знакового символа перекочевал в мир искусств и медиакоммуникаций, при том что этот автомобиль неизменно воспринимался как явление по преимуществу трогательно-курьезное. От десятилетий напряженных усилий автомобилестроителей из Цвиккау, похоже, не осталось ничего, кроме иронии¹.

В отличие от автомобилей, микрочипы никак не подходят на роль культовых объектов. И поскольку построить государство на автомобилях уже давно и никак не получалось, руководство СЕПГ в сентябре 1988 г. предприняло пропагандистскую попытку раскрутить факт создания прототипа компьютерного чипа емкостью в 1 мегабит, представив его как высшее достижение. Большинство граждан ГДР, годами стоявших в очереди на домашний телефон, такого рода сообщениям не верили. Одномегабитный чип оказался пустышкой в красивой обертке². Причина в том, что электронная промышленность ГДР к тому моменту достигла

пределов своих возможностей в «повторном изобретении» микрочипов, отставая от уровня развития мировой отрасли лет эдак на восемь.

Иногда ход событий, по иронии истории, принимает неожиданный оборот: спустя двадцать лет после исчезновения ГДР и ликвидации автозавода «Заксенринг» в Цвиккау и Дрезденского комбината по производству электронной техники «Роботрон» именно автомобилестроение и производство чипов по численности занятых и обороту превратились в две наиболее важные промышленные отрасли в Саксонии. Последнее было бы невозможным без квалифицированных кадров специалистов, подготовленных в ГДР. Поначалу зададимся вопросом о стартовых условиях экономического развития в восточной части Германии.

ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ



О «мировом уровне» в послевоенное время не могло быть и речи. Восстанавливать хозяйство приходилось с использованием оставшейся после войны техники. Такое положение не было специфической чертой Советской зоны оккупации (СОЗ)/ГДР, оно было типичным для восстановительной фазы практически во всех национальных экономиках Европы. Несмотря на военные потери, предпосылки для восстановления хозяйства были неплохими. Достаточно сказать, что Саксония, Тюрингия и провинция Саксония (с марта 1947 г. Саксония-Ангальт) относились к наиболее индустриализованным территориям Германии, в то время как провинции Бранденбург и Мекленбург-Передняя Померания были преимущественно аграрными. Промышленность Средней Германии (здесь в смысле экономического комплекса на территории будущей ГДР), в общем, отличалась высоким техническим и технологическим уровнем производства и готовой продукции. Станки из Хемница, самолеты из Дессау, объективы из Йены, фотоаппараты из Дрездена, фото- и киноплёнка из Вольфена, конторское оборудование из Зёммерда, текстиль из Плауэна — вот далеко не пол-

ный перечень изделий, до войны пользовавшихся повышенным спросом во всем мире. Характерным для экономической структуры Средней Германии было наличие большого числа малых и средних предприятий, глубоко интегрированных в систему внутригерманского разделения труда.

Часть этих преимуществ была утрачена как следствие экономической политики национал-социалистского режима и войны. В частности, проводимая нацистами политика автаркии привела к тому, что химическая промышленность Германии сошла с магистрального пути мирового технологического развития. Так, в больших масштабах производилось синтетическое моторное топливо из угля, хотя специалисты концерна «ИГ Фарбениндустри» еще в начале 1930-х годов пришли к выводу, что используемые в этом производстве технологии были неконкурентоспособны из-за их высокой стоимости. Некоторые из крупнейших гидрогенизационных заводов в городах Лойна-Мерзебург, Бёлен, Магдебург, Цайц, Шварцхайде находились на территории будущей С03³. Аналогичным результатом политики автаркии было и создание новых либо расширение существующих мощностей по производству ацетилена и хлора (химические заводы «Буна» в Шкопау, электрохимические заводы в Биттерфельде). То же относится и к производству вискозного штапельного волокна в городах Вольфен и Шварца⁴. Но даже с учетом этих фактов не следовало бы излишне активно ссылаться на чрезмерную затратность и экологическую вредность крупного химического производства, доставшегося в качестве проблемного наследства⁵. Подобные предприятия имелись и в Западной Германии, причем некоторые из них эксплуатировались вплоть до 1960-х годов (в этом, попутно заметим, важную роль сыграло продолжение практики господдержки, унаследованной от 1930-х годов). Тем не менее химической отрасли Западной Германии удалось заключить стратегические союзы с крупными нефтяными концернами и в течение нескольких лет полностью отказаться от угля, переориентировавшись на нефтегазовое сырье. В ГДР же переход на нефтехимию по причинам, которые рассмотрим далее, так и не был доведен до конца.

В аспекте долговременных экономических последствий нельзя недооценивать такое явление, как отток из восточных территорий в период с 1945 по 1961 г. более 2,7 млн человек и вывод бизнеса. За всю историю своего существования немецкая промышленность не сталкивалась с трансфером технологий столь крупных масштабов, как после Второй мировой войны. В западногерманской статистике предприятия, которые перенесли свое местонахождение из С03/ГДР в Федеративную республику, учитывались как «предприятия-иммигранты». Согласно этой статистике, в сентябре 1953 г. их насчитывалось 3436 (с численностью занятых около 190 тыс. человек)⁶. И это при том, что официальной статистикой фиксировалась лишь небольшая часть случаев.

«Ауди», «Вандерер», «Агфа», «Тееканне», «Велла» и немало других громких названий навсегда исчезли из экономической действительности Средней Германии. Вместе с ними ушел и самый ценный капитал — люди: инженеры, рабочие-специалисты, коммерсанты. Эту потерю невозможно оценить даже приблизительно. Усугублялось положение еще одним феноменом, известным по довоенным временам: большинство научно-исследовательских и конструкторских отделов крупных предприятий находились на западе Германии или в Берлине. Важным исключением был завод «Карл Цейс» в Йене, но именно он в 1945—1946 гг. понес двойной урон в результате демонтажа и вывоза оборудования американцами и русскими либо вывоза научных работников⁷.

Индустриализационный рывок в промежутке между 1934 и 1944 годами, обусловленный военно-экономическими соображениями, обернулся для территории будущей ГДР лишь кажущимся преимуществом. Вновь созданные мощности в авиа-, машино-, автомобилестроительной отраслях и в химической промышленности после окончания войны в большинстве были демонтированы⁸. Однако же неким «скрытым благословением» в смысле ликвидации избыточных мощностей и устаревшей техники — как в черной металлургии и химической промышленности Западной Германии — демонтаж в С03 так и не стал. Напротив, репарации лишь ослабляли на перспективу экономику С03/ГДР. На долю С03/ГДР пришлось самые

крупные в XX веке репарационные платежи, в совокупности превышавшие объем репарационных требований Советского Союза, которые СССР первоначально предъявлял ко всей Германии. Общая сумма выплаченных С03 репараций составляла всего лишь 4,3 млрд долл. США, фактическая же сумма репарационных выплат превосходила ее предположительно минимум в три раза⁹.

Резюмируем: технологический уровень в С03 серьезно уступал таковому в западных зонах, что было обусловлено особенностями структурного развития территории в довоенное время, уходом бизнеса, но прежде всего репарационной политикой Советского Союза. Однако даже в этих условиях формировавшаяся в течение многих десятилетий инновационная культура, высокий уровень квалификации работников, а также традиционно высокое качество продукции сделали возможным восстановить экономику ГДР темпами, в которые современники поначалу отказывались верить. И все же «чудо восстановления на Востоке» (оснований называть это явление именно так имеется более чем достаточно) не идет ни в какое сравнение с западногерманским «экономическим чудом». Следовательно, стоит задаться вопросом о причинах регрессивного развития экономики ГДР¹⁰.

ДЕФИЦИТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

К началу Второй мировой войны экономика среднегерманского региона была весьма эффективной, хотя и не столь современной, как западногерманская, что выражалось прежде всего в превалировании «старых» отраслей (в частности, текстильной промышленности). Эти структурные различия явились причиной ее более низкой, в сравнении с западногерманской экономикой, продуктивности: так, в 1936 г. отставание составило около 9–12%¹¹. В завершающий период существования ГДР продуктивность ее экономики составляла уже лишь около трети западногерманского уровня.

Большинство экономистов видят решающее препятствие для роста экономики ГДР в дефиците

инновационности плановой системы хозяйствования¹². Эксперты в области истории экономических учений, не подвергая сомнению это утверждение в целом, делают упор на конкретные исторические условия¹³. Однако аргументация в стилистике чисто государственного регулирования экономики перестает работать, лишь стоит обратиться к статистическому анализу показателей экономического роста на востоке и западе Германии¹⁴. В частности, сегодня существует широкий консенсус в отношении того, что в 1950 г. производительность в ГДР составляла в лучшем случае около двух третей западногерманского уровня. То есть в большей части это отставание сформировалось уже в период между 1936 и 1950 годами, точнее — с середины 1948 по 1950 год. Решающую роль в этом сыграли два фактора: сокращение основных фондов вследствие демонтажа оборудования и дезинтеграция среднегерманской экономики. Именно с потерей своих основных рынков на западе Германии и в Западной Европе она стала уступать по темпам роста западногерманским землям¹⁵. Традиционно более чем высокая внешнеторговая интенсивность экономики Саксонии и Тюрингии, выражавшаяся в экспорте готовых изделий, прежде всего товаров потребительского спроса и продукции машиностроения, а также в импорте сырья и полуфабрикатов, в изменившихся общих геополитических условиях превратилась в тормоз роста.

«РЕПАРАЦИОННЫЕ ОТРАСЛИ»

Структура промышленности С03/ГДР претерпела серьезные изменения, вызванные репарационными требованиями Советского Союза, и последствия этих изменений еще долго ощущались даже после 1953 года — последнего года выплаты репараций. Упомянем в этом контексте уранодобывающую промышленность, судостроение, тяжелое машино- и вагоностроение, т.е. отрасли промышленности с ярко выраженной репарационной направленностью¹⁶. На первом месте в этом ряду стоит акционерное общество «Висмут». Учреждаемое согласно первоначальным

замыслам лишь на короткий срок, АО «Висмут» (до 1953 г. являвшаяся собственностью Советского государства) выросло в комбинат с практически самодостаточными структурами и за несколько лет вышло на третье место среди мировых производителей урана, насчитывая в начале 1950-х годов более 200 тысяч человек, занятых в Висмуте»¹⁷.

Создание этого комбината, контролируемого советскими спецслужбами, было сопряжено с колоссальными социальными и экологическими издержками. Технологический уровень на начальном этапе разработки урановых руд был крайне низким¹⁸, отсутствие техники компенсировалось дополнительной нагрузкой на рабочих. Такое положение, однако, изменилось очень скоро. Техническое оснащение за счет поставок из всей ССЗ/ГДР и из СССР, а позднее и за счет единичных поставок по импорту было выведено на современный для Восточного блока уровень. И все же конкурировать с техническим уровнем крупных горнодобывающих предприятий Запада «Висмут», в 1954 г. преобразованный в Советско-Германское АО (СДАГ), ставший к тому моменту показательным предприятием с высокомотивированным коллективом, не мог даже в лучшие свои времена.

Вторая крупная ремонтная отрасль сформировалась на базе судостроительных верфей на балтийском побережье¹⁹. Если к началу Второй мировой войны в судостроении будущей ССЗ/ГДР насчитывалось всего 5 тысяч занятых, то в 1953 г. их было уже более 56 тысяч²⁰. На конец 1953 г. для «мировой державы без флота», т.е. для Советского Союза, было построено либо отремонтировано 1160 судов. В долговременной сравнительно-исторической перспективе расширение судостроительной отрасли следует оценить по преимуществу положительно. Приводимый порою аргумент затратности не учитывает того обстоятельства, что в то время в мире практически отсутствовали примеры успешного создания крупных судостроительных мощностей без солидной поддержки со стороны государства.

К «ремонтным отраслям» следует отнести и важнейшие предприятия вагоно- и тяжелого машиностроения. Крупносериное производство для «удобного» рынка с СССР в качестве главного

потребителя продукции создавало для вагоностроительной отрасли и тяжелого машиностроения, как и для многих других предприятий ГДР, идеальные условия в плане экономики и организации производства, но, с другой стороны, приводило к ослаблению их инновационной активности. В этом смысле уместно говорить о германо-советской «общности судеб».

С крушением Восточного блока рухнули и эти структуры: тяжелое машиностроение и вагоностроение исчезли практически полностью, судостроительные верфи — вопреки всем мерам господдержки — все еще доживают свой «закат в рассрочку», добыча урана в 1991-м была прекращена вовсе, а ее экологические последствия были ликвидированы с очень большими затратами.

В ТУПИКЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ»



1950-е годы оказались для классических отраслей «индустрии дымовых труб» еще одним периодом «великих свершений». Не случайно символом послевоенного восстановления был шахтер, причем не только в ГДР, где забойщик Адольф Хеннеке стал культовой фигурой Героя Соцтруда, но и во многих западно- и восточноевропейских странах. Уголь, чугун, сталь в первое десятилетие существования ГДР находились в фокусе ее экономической политики. При жизни Сталина, но прежде всего ускоренными темпами во время Корейской войны (1950—1953 гг.) все страны Восточного блока начали создавать собственную тяжелую промышленность. Реализуя «железную концепцию», иначе называемую «социалистической индустриализацией», все они без исключения руководствовались как теоретическими догмами (из Марксовой теории воспроизводства выводилась необходимость приоритетного развития производственной сферы и производства средств производства), так и в большей степени соображениями военного порядка. В то время как в Западной Европе центр тяже-

сти народнохозяйственных структур все больше смещался в направлении производства потребительских товаров и сектора услуг, государства Восточного блока делали ставку на модель индустриализации позднего XIX либо раннего XX столетия.

В дискуссии о просчетах планирования и государственного регулирования промышленной политики часто указывается на неоправданное копирование руководством СЕПГ в 1950-е годы советской модели индустриализации, что, в свою очередь, обусловило ошибочное приращение народнохозяйственных ресурсов²¹. Низкая отдача от капиталовложений в тяжелую промышленность — факт неоспоримый. Вопрос в другом: имела ли место историческая ситуация вынужденного (вос)создания тяжелой промышленности и существовала ли этому какая-либо альтернатива? На территорию ГДР приходилось лишь около 7% мощностей германской железодобывающей отрасли, около 3% общегерманской добычи каменного угля и порядка 5% добычи железной руды. Для характеристики такого положения использовалось понятие «диспропорция разделения»²². Соответственно, приоритетные направления двухлетнего плана (1949—1950 гг.) и первой пятилетки (1951—1955 гг.) закладывались исходя из внутренней логики. При этом экономисты первоначально отдавали предпочтение продолжению внутригерманских поставок стали либо ее импорту из других стран. Запрет на поставки чугуна и стали фирмами ФРГ, введенный распоряжением западных держав в начале 1950-х годов, усилил позиции тех лиц в хозяйственной администрации, которые требовали независимости от поставок из Западной Германии.

Необходимо также учитывать, что спустя всего несколько лет после окончания войны ГДР не была для других государств Восточного блока предпочтительным торговым партнером. Советский Союз и Польша, с их собственными потребностями и понятной неприязнью к немцам, не спешили поставлять сталь в Восточную Германию. Сложность создавшейся ситуации оттеснила на задний план вопрос о затратах. Вот почему важнейшим инвестиционным проектом первого пятилетнего плана стало строительство *металлургического комбината «Ост»* (МКО) в городе Айзенхюттенштадт. В контексте «холодной войны» «антиимпортное

производство» чугуна и стали на МКО могло вполне расцениваться как успех: в период с 1950 по 1955 г. ГДР уменьшила долю импортного чугуна с 42 до 15%²³. Не случайно МКО в глазах формирующейся восточногерманской экономической элиты стал символом «созидания стали собственными силами»²⁴. Конечный продукт из советской железной руды, добытой в Криворожье, и из польского каменного угля, добытого в Верхней Силезии, торжественно именовался «сталью мира», объединяющей народы. Сооружение МКО демонстрирует как возможности, так и пределы государственной промышленной политики. Благодаря реализации этого амбициозного проекта, сравнимого с металлургическим заводом того же поколения в *Фос-Сюр-Мер* (Франция)²⁵, обеспечивалась живучесть экономики ГДР. С другой стороны, множество ошибок на стадии проектирования привело к существенному удорожанию строительства.

Вплоть до конца существования ГДР объект оставался незавершенным. Замкнутый металлургический цикл, включая прокатное производство, так и не был реализован. Именно по этой причине себестоимость проката в ГДР существенно превышала его себестоимость на предприятиях Федеративной республики. К тому же однажды созданная технологическая схема — более 75% производимой в ГДР стали выплавлялось вплоть до середины 1970-х гг. в мартеновских печах, т.е. по технологии, разработанной еще в XIX веке, — отличалась невероятной инерционностью²⁶. ГДР вкупе с Канадой и Венгрией были единственными в мире промышленно развитыми странами, которые к описываемому моменту еще не перешли на кислородное дутье — новую технологию в производстве стали. <...> Речь идет прежде всего о внедрении новых технологий, расширении второго передела, сокращении избыточных мощностей при одновременном увеличении импорта стали. Наряду со сталью промышленность ГДР остро нуждалась в коксе. <...> Возможное решение виделось в переходе на высокотемпературный кокс из бурого угля (ВТБ-кокс). Профессоры Эрих Раммлер и Георг Билькенрот из *Фрайбергской горной академии* продолжили начатые еще во время войны исследования по получению высокотемпературного металлургического кокса из бурого угля. ВТБ-кокс стал одним из не-

многих инновационных достижений ГДР. Государственная плановая комиссия (Госплан) непривычно оперативно отреагировала на изобретение фрайбергских ученых. Испытания нового кокса еще не завершились, а уже было получено «добро» на его промышленное применение. В октябре 1951 г. Совет министров ГДР принял постановление о строительстве коксохимического комбината в Лаухаммере, а менее чем через год на нем были введены в эксплуатацию первые коксовые батареи. Построенный с нуля металлургический завод в Кальбе, оборудованный низкошахтными печами, работал исключительно на ВТБ-коксе из Лаухаммера.

Самым важным и бесспорно самым дорогим проектом в рамках энергетической политики приоритетного использования отечественного бурого угольного сырья стало строительство комбината «Шварце Пумпе» по переработке бурого угля с получением в качестве основной продукции ВТБ-кокса, электроэнергии, смол и сетевого газа. <...> На сооружение комбината выделялись 2,7 млрд марок, на вскрытие карьеров — 1,2 млрд марок, итого — 3,9 млрд марок²⁷. «Шварце Пумпе» был крупнейшим инвестиционным проектом второго пятилетнего плана (1956—1960 гг.). Эта «энергетическая брешь» образовалась, с одной стороны, в силу исторических причин и как результат разделения Германии, а с другой — как следствие советских репарационных изъятий, а также отсутствия стимулов к бережливому обращению с энергией²⁸.

«Шварце Пумпе» стал символом энергетической политики приоритетного использования бурого угля. На комбинате было установлено оборудование, разработанное в 1930-е годы, которое вследствие затянувшегося почти на 15 лет строительства на момент ввода в эксплуатацию уже не соответствовало последнему слову техники. <...>

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ УЛЬБРИХТА

•••••

Когда как послевоенное восстановление в основном было завершено (весомым исключением оставалось лишь железнодорож-

ное хозяйство), руководство СЕПГ сделало ставку на ускоренный технический прогресс, следуя тем самым замыслам нового партийно-государственного руководства Советского Союза во главе с Хрущевым. Главным лозунгом этого периода стала «научно-техническая революция».

Весной 1956 г. Ульбрихт обозначил отрасли, с которыми отныне СЕПГ в первостепенном порядке связывала свои ожидания: техника полупроводников, авиастроение, ядерная энергетика, машиностроение. Через два года к ним добавилась и химическая промышленность. Такая расстановка приоритетов покоилась на убеждении в том, что плановая экономика открывает более широкие возможности для ускорения темпов научно-технического прогресса и реализации крупных проектов («big science»), чем это может позволить себе рыночная экономика. Министр внешней и внутригерманской торговли Генрих Рау говорил о необходимости «в техническом плане догнать и перегнать капиталистические страны»²⁹. Дополнительный обнадеживающий импульс эти ожидания получили в октябре 1957 г., после того как в Советском Союзе был запущен первый искусственный спутник Земли, который рассматривался как символ технического превосходства социалистической системы. Хрущев провозгласил начало экономического соревнования с США, и все страны Восточного блока одобрили перспективу построения социализма и достижения благосостояния. В качестве «главной экономической задачи» ГДР поставила перед собой к концу 1961 г. достичь по всем важным производственным и потребительским товарам западногерманского уровня душевого потребления (1957 г.).

АВИАСТРОЕНИЕ

•••••

Особые надежды руководство СЕПГ связывало с возобновлением производства авиационной техники. Первые соображения на этот счет датируются 1952-м годом. Причем на начальном этапе мотивы носили исключитель-

но военный характер. Однако с идеей организации производства истребителей и бомбардировщиков плановикам (под впечатлением июньского кризиса 1953 г.) пришлось распрощаться; было отныне предпочтение идее производства гражданских самолетов по советским лицензиям, а также разработке собственных моделей. Важную роль в этих планах сыграл факт возвращения авиационных инженеров и техников из Советского Союза³⁰, куда они были вывезены на работу в рамках «интеллектуальных репараций» (1945—1946 гг.) Группа специалистов во главе с главным конструктором Брунольфом Бааде, возвратившаяся в 1953—1954 гг., привезла в ГДР разработанный еще в СССР эскизный проект реактивного пассажирского самолета типа «152». Самолет представлял собой модификацию бомбардировщика средней дальности «150», спроектированную конструкторами фирмы «Юнкерс» в Советском Союзе. Иными словами, применительно к первому пассажирскому самолету ГДР речь шла о «побочном продукте» бывших военных разработок.

Экономически этот проект оправдывал себя, учитывая хорошие перспективы экспорта продукции — прежде всего в Советский Союз и Китай. На создание авиационной промышленности в период с 1955 по 1960 г. было выделено около 1,6 млрд марок, и за какие-нибудь два года в ГДР возникла полноценная самолетостроительная отрасль с числом занятых в ней 25 тысяч человек³¹.

На пути реализации проекта стояли колоссальные технологические вызовы. Лишь немногие государства в 1950-е годы могли позволить себе реактивное самолетостроение для гражданских нужд и регулярные пассажирские авиаперевозки реактивными самолетами: Великобритания (1952), Советский Союз (1956), США (1958) и Франция (1959). ГДР отнюдь не желала отставать от них.

Первый немецкий реактивный пассажирский самолет типа «152» взлетел в небо 4 декабря 1958 года. А на чертежных досках уже прорабатывалась его последующая модификация — «153 А», должна стать конкурентоспособной на международном рынке. Кардинальной технической проблемой оказались постоянные обращения к кон-

цепции бомбардировщика «152» и отсутствие либо запоздалый ввод в эксплуатацию испытательных стендов. Во время второго испытательного полета 4 марта 1959 г. самолет «152» потерпел катастрофу. Однако подлинные причины прекращения работы над проектом в феврале 1961 г. крылись в резко ухудшившихся перспективах сбыта продукции и слишком высоких затратах³².

В 1959 году Советский Союз начал реорганизацию своего авиастроения, расширяя производство гражданских самолетов. Без советского же рынка восточногерманский проект был обречен на провал.

В создании и ликвидации самолетостроительной отрасли проявилась двойственная суть ГДР: чувство восхищения техникой и сознание причастности к давним промышленным традициям побуждали к тому, чтобы померяться силами с ведущими мировыми производителями, в том числе в сфере самых что ни на есть высоких технологий. Тем не менее инженерно-технические достижения ГДР, тем более при ограниченности ресурсов этой небольшой страны, заслуживают всяческого признания. С другой стороны, сотрясаемая политическим и экономическим кризисом 1960—1961 гг., в попытке реализовать проект ракетного самолетостроения просто перенапрягла свои силы.

«ХИМИЯ — ЭТО ХЛЕБ, БЛАГОСОСТОЯНИЕ, КРАСОТА».



В ноябре 1958 г. была принята Программа развития химической промышленности («Химия — это хлеб, благосостояние, красота»). Цель программы — удвоение объемов химического производства до 1965 г., при опережающих темпах роста производства пластмасс и синтетического волокна, и переход на нефтехимические технологии. Были определены важнейшие проекты: строительство нефтепровода «Дружба» и *нефтеперерабатывающего завода в Шведте-на-Одере, разработка собственной технологии более глубокого крекинга нефти, стро-*

ительство современного нефтехимического производственного комплекса («Лойна-II»), строительство комбината химического волокна в Губене. <...>

Но более или менее значимые поставки сырой нефти стали возможными лишь с середины 1960-х годов — после завершения строительства нефтепровода «Дружба». Чрезвычайно дорогостоящие геологоразведочные работы по выявлению собственных нефтяных залежей не увенчались успехом, так же как и усилия ГДР заключить договоры на поставку сырой нефти с арабскими государствами³³. Единственным крупным поставщиком нефти в конечном итоге оставался Советский Союз. Соответственно именно возможность доступа к нефтегазовым ресурсам устанавливала пределы структурным преобразованиям в химической промышленности ГДР.

<...>Однако уже в марте 1961 г. отдел тяжелой промышленности ЦК СЕПГ был вынужден констатировать: «Программа развития химической промышленности при нынешнем планировании более не существует. <...> Наше отставание от Западной Германии будет больше, чем к началу реализации программы»³⁴.

<...>На сокращение поставок советской нефти в ГДР после второго нефтяного кризиса 1979—1980 гг. хозяйственная бюрократия ГДР отреагировала принятием программы, предусматривавшей отказ от использования нефти в качестве жидкого топлива и увеличение доли угля в топливном балансе³⁵. Лозунг «выбор в пользу нефти» эпохи Ульбрихта превратился в лозунг «назад к углю» эпохи Хонеккера. Сохранение углехимии в конечном счете потеплело в фиаско всей энергетической и экологической политики.

АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ



От строительства атомных электростанций в 1960-е годы восточные немцы были вынуждены отказаться в поль-

зу традиционных источников получения электроэнергии на базе бурого угля. Причины отказа носили как экономический, так и политический характер. Планы Ульбрихта по созданию атомных электростанций вплоть до независимого топливного цикла (важнейшим аргументом в пользу такого выбора являлись крупные инвестиции в развитие добычи урановой руды на комбинате «Висмут») были отвергнуты ответственными товарищами в Советском Союзе: *восточные немцы ни в коем случае не должны были получить автономию в области изготовления ядерных установок*³⁶.

Программа создания полупроводниковой промышленности (завод элементной базы для техники связи в Тельтове, производство полупроводников во Франкфурте-на-Одере, центр молекулярных технологий в Дрездене) хотя и не была отменена, однако ее реализация была сдвинута на годы вперед. При этом у ГДР, которая довольно рано начала разработки в этой новой области, были хорошие шансы стать одним из важнейших производителей полупроводниковой продукции, (сравнимым, например, с Южной Кореей). Руководство Академии наук и Совета по научным исследованиям, однако, не рассматривало создание полупроводников, а позднее микроэлектронных компонентов в качестве приоритетного направления³⁷. Все еще свежи были грустные впечатления после провала программы создания гражданского авиастроения; никто не хотел вновь слышать в свой адрес критику по поводу ненадлежащего использования ресурсов.

Причины неудачи большинства крупных технологических проектов в эпоху правления Ульбрихта были многоплановы. Назовем пять главных из них: неэффективность плановой экономики, западное эмбарго на экспорт технологий, советские возражения по поводу идеи, выдвинутой СЕПГ, о развитии ГДР как страны высоких технологий, недооценка возможностей ГДР, а также непоследовательность ответственных функционеров в поддержке технологических проектов. Напротив, значительные успехи отмечались в промышленных отраслях, на которые экономическая политика руководства СЕПГ обращала не столь пристальное внимание.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Примерно с середины 1950-х годов, с внедрением программного управления, началась технологическая революция в станкостроении. Была поставлена задача сохранять все необходимые команды по обработке какой-либо детали таким образом, чтобы стало возможным любое количество их повторов. В результате упрощалась переналадка оборудования и сокращались издержки производства³⁸.

В целях объединения имеющихся исследовательских ресурсов в 1956 г. был создан Институт станкостроения (ИС) в городе Карл-Маркшадте, хотя на тот момент экономика ГДР не испытывала потребности в станках с числовым управлением; интерес к ним был не слишком велик и в других странах — членах СЭВ³⁹.

<...>Ввиду недостатка валюты ИС не мог приобрести лицензии за рубежом и поэтому был вынужден рассчитывать только на полупроводниковую промышленность ГДР, что сдерживало дальнейший ход работы. <...>

Ситуация изменилась к лучшему в начале 1970-х годов. Теперь ГДР располагала более мощными интегральными схемами памяти, а также микропроцессорами емкостью 8 и 16 бит. Командные системы «Призма 2» и «Рота FZ-200» — гибкие производственные системы — по своей производительности соответствовали высоким международным параметрам. Производители станков с числовым управлением из ГДР не уступали изготовителям аналогичных изделий из Федеративной республики. С конца 1990-х гг. они уже смогли существенно увеличить экспорт своей продукции в Западную Европу.

• • •

Производство фото- и киносъемочного оборудования также не входило в число отраслей промышленности, особенно заботливо курируемых руководством СЕПГ. Его стабилизация стала возможной только в середине 1960-х гг.

на основе мер, предпринятых в целях преодоления затянувшегося на годы кризиса. В результате впервые в Европе народному предприятию *VEB Pentacon* в Дрездене удалось наладить конвейерное производство камеры с беспараллаксным визирным устройством *Praktica Nova*⁴⁰. В период с 1964 по 1989 г. в страны западного зарубежья было продано почти 63% произведенных изделий, т.е. более чем 4,9 млн фотоаппаратов. 19% продукции было продано на внутреннем рынке, и около 18% — в страны Восточного блока. Такие высокие показатели уровня продаж в «несоциалистическую валютную зону» (НВЗ) могли продемонстрировать лишь очень немногие комбинаты ГДР. В целом же с 1964 по 1989 г. за счет экспорта камер было заработано более 830 млн немецких марок.

<...>В исторической ретроспективе конец 1960-х и 1970-е годы можно назвать наиболее успешными для промышленного производства кинокамер. Например, производство зеркалок было доведено со 100 тыс. в 1968 г. до максимального показателя почти в 450 тыс. в 1984 г. В лучшие годы 10% мирового производства такого рода аппаратов приходилось на комбинат в Дрездене⁴¹. Однако с началом «революции в микроэлектронике» технологические основы изготовления традиционной аппаратуры утратили прежнюю устойчивость. <...>

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

• • • • •

1963 год был ознаменован началом серии экономических реформ, которые должны были быть завершены к 1971 году. Реформаторов возглавил сам Ульбрихт. <...>Реформа, сначала получившая название «Новая Экономическая Система планирования и управления народным хозяйством» (НЭС), преследовала цель модернизации экономики⁴². Планирование оставалось главным инструментом хозяйственного управления. Новация состояла лишь в том, чтобы дополнить его «системой экономических рычагов» (цены, премии, проценты, кредиты и т.д.).

Наиболее важным показателем стала прибыль. Экономическая реформа ознаменовалась определенными успехами. <...>. Слабыми же оставались стимулы инновационной деятельности. Сворачивание реформ произошло постепенно. На всех уровнях хозяйственной иерархии возобладало настроения усталости от реформ. В конечном счете их крах наступил вследствие несовершенства изначального плана действий⁴³. После перехода власти от Ульбрихта к Хонеккеру, начиная с 1971 г., большие перспективы были забыты. Новая линия была еще более консервативна по отношению к существующим хозяйственным структурам, но обещала быстрый рост благосостояния и поэтому сначала снискала известную популярность.

«ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ»: СОЗДАНИЕ МИКРОЭЛЕКТРОНИКИ

В середине 1970-х годов, в связи с возникшими трудностями в сбыте изделий станкостроительной промышленности, стало очевидно, что нельзя далее сдерживать развитие производства электронных элементов управления.<...>. Кооперация в рамках СЭВ также не решала вопроса, поскольку военно-промышленный комплекс Советского Союза отказывался от сотрудничества в области микроэлектроники. Таким образом, у ГДР не оставалось другого выбора, кроме как сделать то, на что не решился ни один западноевропейский концерн и ни одно западноевропейское государство, — создать собственную микроэлектронику, отказавшись от лицензий.

Согласно различным оценкам, с 1981 по 1988 год в микроэлектронику было инвестировано 20 млрд марок ГДР и 4 млрд валютных марок⁴⁴. Этот объем средств сопоставим со всеми инвестициями, например, во все отрасли легкой промышленности вместе взятые. Три комбината микроэлектроники — «Роботрон» в Дрездене, «Карл-Цейс» в Йене и «Микроэлектроника» в Эрфурте — по числу занятых входили в пятерку самых крупных предприятий ГДР. Этот факт также подчеркивает, какие огромные ресурсы были направлены на то, чтобы

практически с нуля создать новую отрасль промышленности⁴⁵.

Развитие микроэлектроники в ГДР в значительной степени происходило за счет нелегального трансфера технологий, организованного Министерством государственной безопасности (МГБ) и управлением коммерческой координации (структурное подразделение в Министерстве внешней и внутригерманской торговли. — *Перев.*)⁴⁶.

Только благодаря импорту сотен 16- и 32-битовых счетных машин была создана база для развития компьютерного производства на комбинате «Роботрон». Как бы ни был успешен «промышленный шпионаж», он одновременно высвечивал зависимость ГДР от трансфера технологий с Запада. С помощью «шпионажа» удалось смягчить негативные последствия эмбарго, но не удалось создать условия, равноценные тем, которые существуют при нормальном трансфере технологий. Развивая микроэлектронику, ГДР просто переоценила свои возможности⁴⁷. Эта задача для маленькой страны была неподъемной. <...>Главной причиной неудачи ГДР при создании компьютерной промышленности, с самого начала интернациональной по своему характеру, в конечном счете была глобализация. Самостоятельное развитие таких технологий в одной отдельно взятой стране невозможно. Ни одна экономика мира, за исключением США, не в состоянии мобилизовать ресурсы, необходимые для создания самостоятельной и конкурентоспособной микроэлектроники.

МИКРОПРОЦЕССОРЫ ДЛЯ СТАНКостРОЕНИЯ

1960 —1970-е годы были для станкостроения ГДР «золотым временем». Под товарной маркой *WMW* более 70% изготовленных в объединении народных предприятий станкостроительной и инструментальной промышленности уходило на экспорт. Спрос был так велик, что за счет собственного производства не представлялось возможным удовлетворить внутренние потребности.

Позиции этой ориентированной на экспорт отрасли оказались под угрозой с конца 1970-х годов, когда на смену станков с числовым управлением стало приходить оборудование с компьютерным цифровым управлением (*Computerized Numerical Control*).

<...>Технический переворот, вызванный внедрением новой системы управления CNC, привел к изменению ситуации на мировом рынке⁴⁸. На национальном уровне конфликт, связанный с необходимостью принять решение в пользу либо преимущественного развития станкостроения, либо микроэлектроники, разрешить было невозможно. <...>Без современных микропроцессоров станки почти больше не пользовались спросом. Поскольку собственное производство микропроцессоров было не в состоянии обеспечить их поставку станкостроению в необходимых количествах, более 80% всех станков приходилось оснащать западными системами управления. Валютные потери вследствие их закупок составляли от 30 до 40% общей выручки от продажи каждого станка. <...>

К отраслям, изделия которых долгие годы оставались на уровне международных стандартов, принадлежало производство оргтехники и полиграфического оборудования⁴⁹. Высокое качество полиграфических машин во многом объяснялось сильно выраженным чувством ответственности производителей за качество своей продукции. Благодаря прочным позициям на международных рынках они находились в известном смысле на особом положении. <...>В частности, народное предприятие *VEB Planeta Radebeul* сумело освоить важнейшую инновационную технологию в полиграфическом производстве и наладить производство офсетных печатных машин.

Однако с конца 1970-х годов технологическое отставание затронуло и производство печатных машин. Низкий технический уровень электроники и микроэлектроники в ГДР все больше сказывался на их качестве. Еще одной причиной технического отставания производителей ГДР были сравнительно невысокие требования к их продукции со стороны потребителей в странах — членах СЭВ. Они не создавали стимулов для разработки новых инновационных продуктов.

ТОРМОЖЕНИЕ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ



В начале 1960-х годов в городе Цвиккау стали разрабатывать новую малолитражку с кузовом из дюропласта. Разработчики создали «Трабант 603» — автомобиль с угловатыми линиями и с наклонной задней частью. В чем-то он был похож на более поздний прототип «Гольфа» («Фольксвагена»-VW). Запуск модели в производство был запланирован на 1967 год. Однако в 1966-м решением Политбюро работа над автомобилем была приостановлена. Это был удар, от которого автомобилестроение страны так и не смогло оправиться до самого распада ГДР. Эта отрасль так и осталась на техническом уровне второй половины 1950-х годов⁵⁰.

Повторная попытка модернизировать автомобильное производство была предпринята в середине 1980-х гг., в сотрудничестве с VW. Речь шла об эксплуатации оборудования по производству четырехтактных двигателей, которое должен был поставить западногерманский концерн. Мощность производственной линии составляла 430 тыс. бензиновых и дизельных двигателей в год. Стоимость линии, включая лицензионные сборы, оценивалась в 345 млн немецких марок. Предполагалось, что ГДР оплатит оборудование ежегодными поставками VW 100 тыс. двигателей⁵¹. <...>В ходе реализации проекта автомобилестроительная промышленность ГДР сделала большой шаг вперед. Технологическое отставание в моторостроении, возникшее на протяжении многих лет, было ликвидировано. Тем не менее ресурсов для создания автомобиля, который целиком отвечал бы международным стандартам, оказалось недостаточно. Модернизация производственного аппарата носила точечный характер. Износ оборудования, предназначенного для изготовления автомобиля «Трабант», увеличился с 40% в 1970 г. до почти 50% в 1989 году.

КРИЗИС КАК ФИНАЛ

Руководство СЕПГ исходило из того, что потребительские цены должны оставаться стабильными, поскольку в случае повышения цен «Политбюро, а также правительство должны были бы немедленно уйти в отставку»⁵². В первое десятилетие эпохи правления Эриха Хонеккера (1971—1980 гг.) стоимость израсходованного социального продукта на 210,5 млрд марок превысила стоимость, произведенную собственной экономикой. То есть социальная политика Хонеккера с самого начала никак не соотносилась с экономическим потенциалом ГДР.

Экономическая и социальная политика 1970-х и 1980-х годов привела к стремительному росту внешней задолженности ГДР. В начале 1970-х годов она составляла всего лишь 2 млрд валютных марок, а в 1982-му достигла уже своего максимума, превысив 25 млрд валютных марок. Парадоксальность ситуации была в том, что в этот же период международный авторитет ГДР был высок, как никогда⁵³. Насколько к тому времени она уже исчерпала свои экономические ресурсы, в полной мере стало ясно только к концу 80-х — началу 90-х годов. Усилия по снижению внешней задолженности все больше диктовали действия руководства в экономике. На экспорт шло все, что могло быстро принести валюту: мясо, произведения искусств, оружие, даже камни старых мостовых, которые продавали за твердую валюту.

В последние десять лет существования ГДР произведенный национальный доход превышал потребленный на 88,1 млрд марок. Благодаря этому неимоверному напряжению сил страна смогла получить передышку, но коренного поворота в ситуации с задолженностью не произошло. С начала 1980-х годов чистые инвестиции в производящие отрасли сокращались; уменьшилась создаваемая стоимость-брутто и производительность⁵⁴. Цену за эту политику пришлось платить непрофильным для руководства страны отраслям экономики и потребителям: в строительной промышленности, на транспорте и в сфере почтово-телеграфной связи износ оборудования превысил 50%. Почти

половина скоростных автотрасс требовала значительного ремонта; участков пути «с ограниченной скоростью движения» на железной дороге было уже не счесть, а качество связи не поддавалось описанию.

Не все на промышленных предприятиях было «металлоломом», некоторые производственные подразделения были оснащены современное оборудование. Однако эти островки прогресса являлись именно островками в расширяющемся море экономически несостоятельных предприятий⁵⁵.

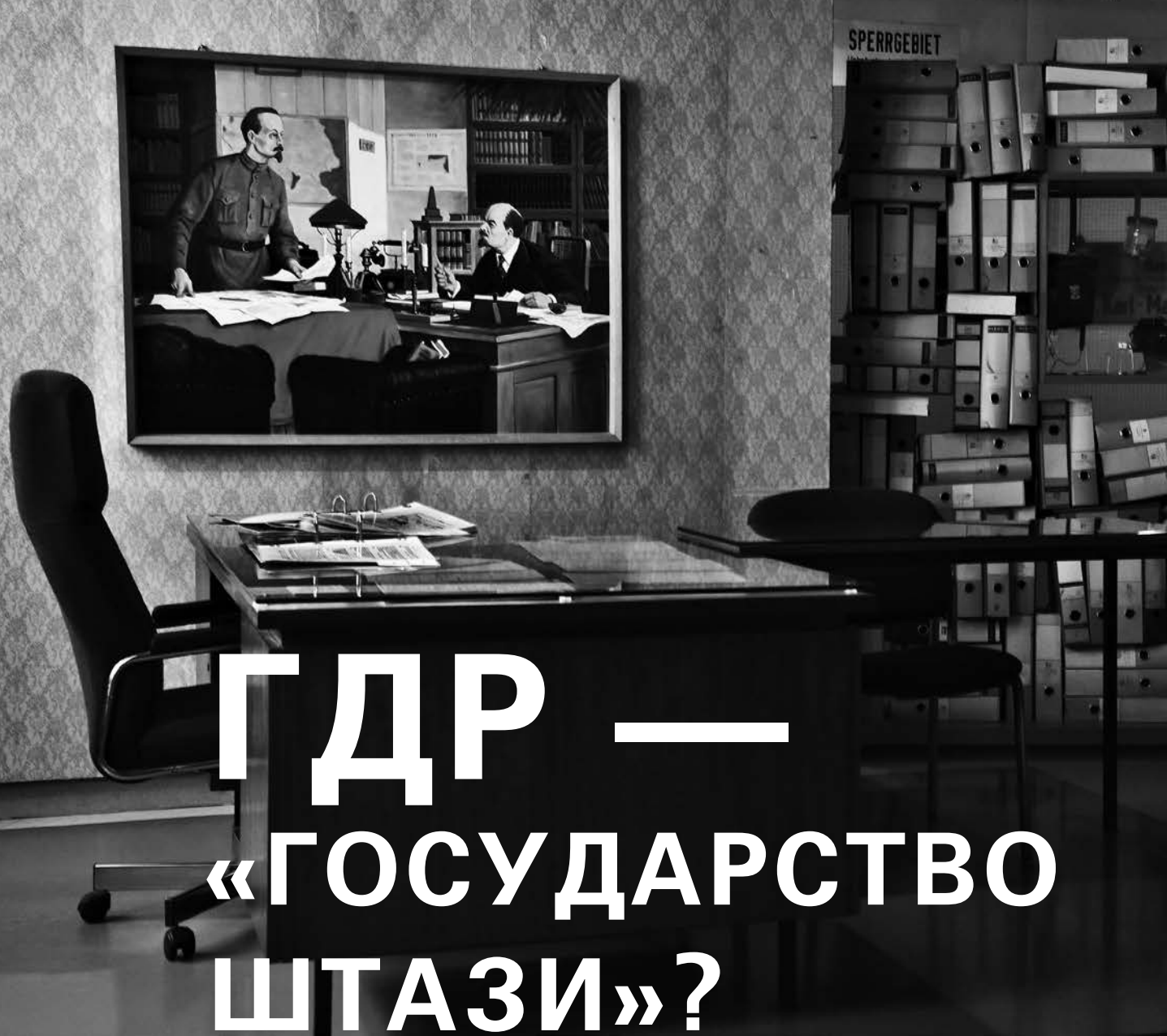
Тем не менее ГДР не была государством-банкротом. В 1989 г. ее платежный баланс имел дефицит в 20 млрд валютных марок. Однако, чтобы обслуживать долг и одновременно поддерживать прежний уровень жизни, требовалась более эффективная экономика. Меры по сокращению государственных дотаций и повышению потребительских цен, квартирной платы и т.д., вновь и вновь предлагаемые экономистами, привели бы к очевидному снижению жизненных стандартов, чего руководство СЕПГ явно не желало. Его неспособность удовлетворить растущие потребительские запросы населения была не единственной, хотя и довольно важной причиной общественно-политического кризиса осенью 1989-го, который завершился объединением ГДР и ФРГ в 1990 году.

Примечания

- ¹ Vgl. *Sönke Friedreich*: Autos bauen im Sozialismus. Arbeit und Organisationsstruktur in der Zwickauer Automobilindustrie nach 1945, Leipzig 2008, S. 530ff.
- ² Vgl. *Sönke Friedreich*: Autos bauen im Sozialismus. Arbeit und Organisationsstruktur in der Zwickauer Automobilindustrie nach 1945, Leipzig 2008, S. 530ff.
- ³ Vgl. *Rainer Karlsch*; Raymond G. Stokes: Faktor Öl. Geschichte der Mineralölwirtschaft in Deutschland 1859—1974, München 2003, S. 171ff.
- ⁴ Vgl. *Edgar Fischer*: Tradition und High-Chem. Eine chlorreiche Geschichte im Raum Bitterfeld-Wolfen, Leipzig 2005.
- ⁵ Vgl. *Raymond G. Stokes*: Von Trabbis und Acetylen — die Technikentwicklung, in: Andre Steiner (Hg.): Überholen ohne einzuholen. Die DDR-Wirtschaft als Fußnote in der deutschen Geschichte?, Berlin 2006, S. 107.
- ⁶ Vgl. *Johannes Bähr*: Die Firmenabwanderung aus der SBZ/ DDRund aus Berlin-Ost (1945—1953), in: Wolf-

- ram Fischer; Uwe Müller; Frank Zschaler (Hg.): Wirtschaft im Umbruch, St. Katharinen 1997, S. 229—249; Peter Hefele: Die Verlagerung von Industrie- und Dienstleistungsunternehmen aus der SBZ/ DDR nach Westdeutschland unter besonderer Berücksichtigung Bayerns (1945—1961), Beiträge zur Unternehmensgeschichte Bd. 4, Stuttgart 1998.
- ⁷ Vgl. *Wolfgang Mühlfriedel; Edith Hellmuth*: Carl Zeiss in Jena 1945—1990, Köln u. a. 2004.
- ⁸ Vgl. *Rainer Karlsch*; Jochen Laufer (Hg.): Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen, Berlin 2002.
- ⁹ Vgl. *Rainer Karlsch*: Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/ DDR 1945—53, Berlin 1993, S. 232ff.
- ¹⁰ Vgl. insbesondere *Albrecht Ritschl*: Aufstieg und Niedergang der Wirtschaft der DDR: Ein Zahlenbild 1945—1989, in: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* 1995, Heft 2, S. 11—46; *Hans-Jürgen Wagener*: Zur Innovationschwäche der DDR-Wirtschaft, in: *Johannes Bähr; Dietmar Petzina* (Hg.): Innovationsverhalten und Entscheidungsstrukturen. Vergleichende Studien zur wirtschaftlichen Entwicklung im geteilten Deutschland 1945—1990, Berlin 1996. S. 21—48 (im Folgenden *Bähr / Petzina*: Innovationsverhalten); *Oskar Schwarzer*: Sozialistische Zentralplanwirtschaft in der SBZ/ DDR. Ergebnisse eines ordnungspolitischen Experiments (1945—1989), Stuttgart 1999; *Jeffrey Kopstein*: The Politics of Economic Decline in East Germany, Chapel Hill, London 1997; *Andre Steiner*: Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR, München 2004 (im Folgenden *Steiner*: Von Plan zu Plan).
- ¹¹ Vgl. *Jaap Sleifer*: Planning Ahead and Falling Behind. The East German Economy in Comparison with West Germany 1936—2002. *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, Beiheft 8, Akademie Verlag, Berlin 2006, S. 69ff.
- ¹² Vgl. *Christoph Buchheim*: Die Wirtschaftsordnung als Barriere des gesamtwirtschaftlichen Wachstums in der DDR, in: *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 82, 1995, S. 194—210; ders.: Kriege folgen und Wirtschaftswachstum in der SBZ/ DDR, in: *Geschichte und Gesellschaft* 25, 1999, S. 515—529; *Hans-Jürgen Wagener*: Zur Innovationschwäche der DDR-Wirtschaft, in: *Bähr / Petzina*: Innovationsverhalten, S. 21—48; *Harry Nick*: Zu den Ursachen für das Scheitern des sowjetischen Wirtschaftsmodells, in: *Camilla Warnke; Gerhard Huber* (Hg.): Kritik der deutsch-deutschen Ökonomie. Konzeptionen, Positionen und Methoden wirtschaftswissenschaftlicher Forschung in Ost und West, Berlin 1995.
- ¹³ Vgl. *Jörg Roesler*: Alles nur systembedingt? Die Wirtschaftshistoriker auf der Suche nach den Ursachen der Wirtschaftsschwäche der DDR, in: *Heiner Timmermann* (Hg.): Die DDR—Politik und Ideologie als Instrument, Berlin 1999, S. 213—232.
- ¹⁴ Vgl. *Wilma Merkel*; *Stefanie Wahl*: Das geplünderte Deutschland. Die wirtschaftliche Entwicklung im östlichen Teil Deutschlands von 1949 bis 1989, Bonn 1991; *Bart van Ark*: The Manufacturing Sector in East Germany. A Reassessment of Comparative Productivity Performance 1950—1988, in: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* 1995, Teil 2, S. 75—100; *Jaap Sleifer*: Planning Ahead and Falling Behind.
- ¹⁵ Vgl. *Gerd R. Hackenberg*: Wirtschaftlicher Wiederaufbau in Sachsen 1945—1949/ 50, Köln, Weimar, Wien 2000.
- ¹⁶ Vgl. *Rainer Karlsch*: Umfang und Struktur der Reparationslieferungen aus der SBZ/ DDR 1945—1953. Stand und Probleme der Forschung, in: *Christoph Buchheim* (Hg.): Wirtschaftliche Folgelasten des Zweiten Weltkrieges in der SBZ/ DDR, Baden-Baden 1995.
- ¹⁷ Vgl. *Rainer Karlsch; Harm Schröter* (Hg.): «Strahlende Vergangenheit». Studien zur Geschichte der Wismut, St. Katharinen 1996; *Rainer Karlsch*: Uran für Moskau. Die Wismut — eine populäre Geschichte, Berlin 2007.
- ¹⁸ Die Technikgeschichte der Wismut AG bzw. SDAG Wismut ist umfänglich in der Chronik der Wismut (1999, siehe Homepage der Wismut GmbH) nachzulesen.
- ¹⁹ Vgl. *Kathrin Möller*: Wunder an der Warnow. Zum Aufbau der Warnowwerft und ihrer Belegschaft in Rostock-Warnemünde (1945 bis 1961), Bremen 1998.
- ²⁰ Vgl. *Dietrich Strobel; Günter Dame*: Schiffbau zwischen Elbe und Oder, Herford 1993, S. 111.
- ²¹ Vgl. *Helga Schultz*: Die sozialistische Industrialisierung — toter Hund oder Erkenntnismittel? [Diskussion], in: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* (JWG) 1999/ 2, S. 105—113; *Hans-Ulrich Wehler*: Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1949—1990, München 2008, S. 92.
- ²² Vgl. *Horst Barthel*: Die wirtschaftlichen Ausgangsbedingungen der DDR, Berlin 1978.
- ²³ Vgl. *Jörg Roesler*: «Eisen für den Frieden». Das Eisenhüttenkombinat Ost in der Wirtschaft der DDR, in: *Aufbau West — Aufbau Ost. Die Planstädte Wolfsburg und Eisenhüttenstadt in der Nachkriegszeit*, Berlin 1997 (im Folgenden *Roesler*: «Eisen für den Frieden»).
- ²⁴ Vgl. *Jochen Czerny*: Der Aufbau des Eisenhüttenkombinats Ost 1950/ 51, Dissertation A, Universität Jena 1970; *Helmut Wiener*: Die Stahlindustrie in der DDR, Berlin 1992; *Helmut Kinne*: Beitrag zur Geschichte der Eisen- und Stahlindustrie der DDR. Bandstahlkombinat Eisenhüttenstadt, im Auftrag des Verbandes Deutscher Eisenhüttenleute (Düsseldorf), Berlin 1995; *Roesler*: «Eisen für den Frieden»; *Stefan Unger*: Eisen und Stahl

- für den Sozialismus. Modernisierungs und Innovationsstrategien der Schwarzmetallurgie in der DDR von 1949 bis 1971, Berlin 2000.
- ²⁵ Vgl. *Dorothee Kohler*: Der Stahlstandort Eisenhüttenstadt: ein «sozialistisches» Fos-sur-Mer?, in: *Comparativ*, Heft 3/ 1999.
- ²⁶ Vgl. *Stefan Unger*: Innovationsprobleme in der Schwarzmetallurgie der DDR: Die Einführung des Stranggießens, in: *Lothar Baar; Dietmar Petzina* (Hg.): *Deutsch-Deutsche Wirtschaft 1945 bis 1990. Strukturveränderungen, Innovationen und regionaler Wandel. Ein Vergleich*, St. Katharinen, 1999, S. 224f. (im Folgenden *Baar / Petzina: Deutsch-Deutsche Wirtschaft*).
- ²⁷ Vgl. *ESPA*. Geschichte eines Unternehmens. Vom Gaskombinat zur Aktiengesellschaft, Bautzen 1993.
- ²⁸ Vgl. *Steiner*: *Von Plan zu Plan*, S. 88.
- ²⁹ Vgl. Protokoll der 3. Parteikonferenz der SED 1956, Berlin 1956, S. 281.
- ³⁰ Vgl. *Burghard Ciesla*: Die Transferfalle: Zum DDR-Flugzeugbau in den fünfziger Jahren, in: *Dieter Hoffmann; Kristie Macrakis* (Hg.): *Naturwissenschaft und Technik in der DDR*, Berlin 1997, S. 194f. (im Folgenden *Hoffmann / Macrakis: Naturwissenschaft*).
- ³¹ Vgl. *Hans-Liudger Dienel*: «Das wahre Wirtschaftswunder» — Flugzeugproduktion, Fluggesellschaften und innerdeutscher Flugverkehr im West-Ost-Vergleich 1955—1980, in: *Bähr / Petzina: Innovationsverhalten*, S. 341—370.
- ³² Vgl. *Gerhard Barkleit; Heinz Hartlepp*: Zur Geschichte der Luftfahrtindustrie der DDR 1952—1961, Dresden 1995; *Hans-Liudger Dienel*: Der Neuaufbau der zivilen Luftfahrt im deutsch-deutschen Vergleich, in: *Technikgeschichte* 63(1996), S. 285—301.
- ³³ Vgl. *Rainer Karlsch*: Der Traum vom Öl — zu den Hintergründen der Erdölsuche in der DDR. Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 80(1993), S. 63—87.
- ³⁴ BArch, Berlin-Lichterfelde, SAPMO, IV 2/ 603/ 74.
- ³⁵ Vgl. *Harm Schröter*: Ölkrisen und Reaktionen in der chemischen Industrie beider deutscher Staaten, Freiburger Arbeitspapiere Nr. 12, Freiberg 1995, S. 8.
- ³⁶ Vgl. *Dolores L. Augustine*: *Red Prometheus. Engineering and Dictatorship in East Germany 1945—1990*, Cambridge / London 2007, S. 115ff. (im Folgenden *Augustine: Red Prometheus*); *Mike Reichert*: Kernenergiewirtschaft in der DDR. Entwicklungsbedingungen, konzeptioneller Anspruch und Realisierungsgrad (1955—1990), St. Katharinen 1999.
- ³⁷ Vgl. *Augustine: Red Prometheus*, S. 125ff.
- ³⁸ Vgl. *Günter Spur*: *Vom Wandel der industriellen Welt durch Werkzeugmaschinen*, München, Wien 1991, S. 511.
- ³⁹ Vgl. *Jörg Roesler*: Im Wettlauf mit Siemens. Die Entwicklung von numerischen Steuerungen für den DDR-Maschinenbau im deutsch-deutschen Vergleich, in: *Baar / Petzina: Deutsch-Deutsche Wirtschaft*, S. 349—389.
- ⁴⁰ Vgl. *Gerhard Jehmlich*: *Geschichte des VEBPentacon* Dresden, Manuskript 2008.
- ⁴¹ Vgl. ebd.
- ⁴² Vgl. *Steiner: Von Plan zu Plan*, S. 129ff.
- ⁴³ Vgl. *André Steiner*: *Die DDR-Wirtschaftsreform der sechziger Jahre. Konflikt zwischen Effizienz- und Machtkalkül*, Berlin 1999, S. 555.
- ⁴⁴ *Hans-Hermann Hertle*: Diskussion der ökonomischen Krisen in der Führungsspitze der SED, in: *Theo Pirker* (Hg.): *Der Plan als Befehl und Fiktion. Wirtschaftsführung in der DDR. Gespräche und Analysen*, Opladen 1995, S. 335f. (im Folgenden *Pirker: Der Plan*).
- ⁴⁵ Vgl. *Olaf Klenke*: Ist die DDR an der Globalisierung gescheitert? Frankfurt a. M., 2001, S. 84.
- ⁴⁶ Vgl. *Jörg Roesler*: *Industrieinnovation und Industriespionage in der DDR*, in: *Deutschland Archiv*, Jg. 27(1994), Heft 10.
- ⁴⁷ Vgl. *Friedrich Naumann*: Vom Tastenfeld zum Mikrochip — Computerindustrie und Informatik im «Schrittmaß» des Sozialismus, in: *Hoffmann / Macrakis: Naturwissenschaft*, S. 261—281.
- ⁴⁸ Vgl. *Roesler*: *Im Wettlauf mit Siemens*, in: a. a. O., S. 367.
- ⁴⁹ Vgl. *Susanne Franke; Rainer Klump*: «Die stolzesten Grafen sind die Polygrafen». Über Eigenbild und Fremdeinschätzung des ost- und westdeutschen Druckmaschinenbaus, in: *Baar / Petzina: Deutsch-Deutsche Wirtschaft*, S. 390—421.
- ⁵⁰ Vgl. *Reinhold Bauer*: *PKW-Bau in der DDR. Zur Innovationschwäche von Zentralverwaltungswirtschaften*, Frankfurt a. M., 1999; *Peter Kirchberg*: *Plaste, Blech und Planwirtschaft. Die Geschichte des Automobilbaus in der DDR*, Berlin 2000 (im Folgenden *Kirchberg: Plaste*).
- ⁵¹ Нет текста сноски
- ⁵² Zit. nach *Hans-Hermann Hertle*: *Die Diskussion der ökonomischen Krisen in der Führungsspitze der SED*, in: *Pirker: Der Plan*, S. 318.
- ⁵³ Vgl. *Steiner: Von Plan zu Plan*, S. 197.
- ⁵⁴ Vgl. *Gernot Gutmann; Hannsjörg F. Buck*: *Die Zentralplanwirtschaft der DDR — Funktionsweise, Funktionschwächen und Konkursbilanz*, in: *Eberhard Kurth* (Hg.): *Die wirtschaftliche und ökologische Situation der DDR in den 80er Jahren*, Opladen 1996, S. 6ff.
- ⁵⁵ Vgl. *Günter Kusch; Rolf Montag; Günter Specht; Konrad Wetzker*: *Schlussbilanz — DDR. Fazit einer verfehlten Wirtschafts- und Sozialpolitik*, Berlin 1991.



ГДР — «ГОСУДАРСТВО ШТАЗИ»?

**МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАК ОБЪЕКТ ВОСПОМИНАНИЙ
В ВОССОЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ
И СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ДИКТАТУРЫ СЕПГ**



На фото: экспонаты выставки «Разделение и единство, диктатура и сопротивление» в Лейпциге. Эта экспозиция рассказывает об истории диктатуры и сопротивления в ГДР. О том, каких прав и свобод были лишены «осси», о событиях характеризующих отношения между государственной властью и населением. В частности, здесь можно узнать, как сотрудники «Штази» боролись с инакомыслием.

© Фото: Елена Хованская

Томас ГРОСБЁЛЬТИНГ*

«Государство Штази»¹ — наверное, ни одно другое название ГДР за прошедшие двадцать лет не вызывало столько эмоций. Оно по-прежнему является предметом споров, причем не только в академических кругах, но и — как вновь показали недавние публичные дискуссии — далеко за их рамками в среде медийной общественности и на политическом уровне². «Государство Штази» — это одно из тех словосочетаний, которое вновь напоминает об образе «стены в головах» и о том, что различия между Востоком и Западом в Германии все еще существуют. В то время как в течение двадцати лет в структурах и формах повседневных жизненных связей между Восточной и Западной Германией многое уже выровнялось, однако чувства единства у них так и не возникло.

* «Вестник Европы» публикует (сокращениями, обозначенными <...>) любезно предоставленные нам фондом Фридриха Науманна несколько статей из сборника под редакцией профессора Томаса Гроссбёльдинга о разных аспектах жизни ГДР.

*ТОМАС ГРОСБЁЛЬТИНГ, родился в 1969 г., изучал новейшую историю, католическую теологию и германистику в университетах Кёльна, Бонна, Мюнстера и Рима; в 2005—2007 гг. руководитель отдела образования и исследований в аппарате федерального уполномоченного по изучению архивов Штази.

<...>Между Востоком и Западом все еще существует глубокий раскол из-за различий в пережитом в 1989–1990 годах. Если на Западе жизнь, в общем и целом, продолжалась, как и до этого, то многие граждане ГДР, напротив, испытали глубокий шок, который помимо множества перемен к лучшему означал и разрыв с прежней жизнью, и появление чувства неуверенности. К этому добавился частью негативный опыт жизни в воссоединенной Германии, который побуждал кое-кого из граждан бывшей ГДР идеализировать прошлое реального социализма и видеть его в позитивном свете.

У такого хода событий есть, разумеется, целый набор причин. Тем не менее публичная дискуссия и германо-германский спор удивительным образом концентрируются вокруг одного комплекса тем: несмотря на то что налоговая надбавка в поддержку солидарности, разница в оплате труда государственных служащих и многое другое создали большое количество поводов для трений, на первый план в германо-германских дебатах об эмоциональном настрое населения выдвинулись отнюдь не конфликты вокруг интересов и распределения. Вместо этого часто возникали разногласия из-за различий в интерпретации прошлого самими немцами, у которых в течение 1990-х годов в конечном счете ослабело ощущавшееся вначале чувство единения³. В центре сложного процесса дискуссий оказались картины истории, связанная с ними оценка жизни в ГДР и множества отдельных судеб. С этим наблюдением солидарны даже те авторы, которые считают слияние Востока и Запада в принципе удавшимся⁴. Это обстоятельство представляется важным и потому, что такие различия в воспоминаниях не только разделяют поколения «обученных» граждан ГДР и ФРГ, но и могут сохраняться у их детей, а затем перейти даже к внукам.

С историей разделенной Германии, увы, мы еще не совладали. В этой дискуссии о воспоминаниях проблема Штази занимает особое место. Когда после воссоединения выяснилось, каковы были масштабы аппарата МГБ и как сильно он влиял на большинство сфер общественной жизни ГДР, Штази, в особенности в средствах массовой информации, очень быстро превратилась для ГДР в *pars pro toto* — ту часть, которая заменяет собой

целое⁵. МГБ стало одним из главных элементов картины ГДР, представлявшей ее в первую очередь в соответствии с теорией тоталитаризма. Огромный аппарат служил в качестве инструмента репрессий внутри страны, целью которых было добиться от населения полного послушания и сломить возможное сопротивление. Особенно коварными выглядят в этой картине неофициальные сотрудники — люди, которые доносили государственной власти на своих друзей, членов семьи или коллег и таким образом поддерживали существование диктатуры.

В противовес этому инспирированному понятием тоталитаризма и (в большинстве случаев абстрактному) сравнению с диктатурой, а также представлению ГДР исключительно в черном цвете возникли встречные проекты, которые опирались на данные из самых разных источников, развивались на разных уровнях и проявляли — то в большей, то в меньшей степени — политическую вирулентность: от привязанной к определенным привычным продуктам и товарам «ностальгии» до ссылок на удачно сложившуюся в ГДР собственную биографию. Большинство из этих высказываний и их идейных контекстов не годятся для того, чтобы создать устойчивую и хотя бы приблизительно коллективно оформленную восточную идентичность.

Слишком разрозненным оказалось наследие ГДР, слишком различны позиции немцев, бывших социализированными в ГДР, слишком различен их опыт жизни при диктатуре. Если это вообще происходит, то эти фрагменты восточной идентичности складываются в единое целое исключительно под давлением извне и в результате совместного разоблачения неверной картины ГДР⁶. Исключением здесь является лишь апологетическая историческая стряпня бывших сотрудников Штази. Из их среды систематически и целенаправленно предпринимаются попытки стилизовать Министерство государственной безопасности под обычную — иногда даже «лучшую в мире» — секретную службу и представить аппарат власти ГДР в позитивном свете.

Следующие далее размышления опираются на описанную чересполосицу несовместимых, а порою даже противоречивых воспомина-

ний, представлений и интерпретаций. Исходят они из того, что мы не изучили Штази как основной элемент спорной картины жизни в ГДР научно обоснованным образом и до сих пор не можем объективно описать ее в различных общественных сферах публицистики, политики или образования. Будучи мотивированными на это многочисленными исследованиями о политике в области историографии в воссоединенной Германии, принадлежащими ученым из других стран⁷, мы в качестве первого шага в общих чертах определим, насколько и с какими импликациями воссоединившаяся Германия на материале воспоминаний на тему Штази смогла понять, что же представляла собою ГДР⁸. <...>

«Игра в политику с историей» — так называлось исследование, в котором Эндрю Х. Бетти проанализировал методы работы, результаты и общественное восприятие деятельности комиссии Бундестага по проработке истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии. Методы и результаты работы комиссии отмечены стремлением не к историзации, а к политизации — так звучит суровый вывод австралийского исследователя, который (это надо сказать сразу) в некотором отношении может быть перенесен и на наш подход к данному вопросу⁹.

По этой причине Йенс Гизеке, ссылаясь на неоспоримые аргументы, говорил о необходимости появления «второго дыхания» в изучении Штази, с тем чтобы в большей мере, нежели до сих пор, перенести его в контекст общественной истории ГДР и тем самым (я продолжу эту мысль) вызволить его из ловушки политизированной инструментализации¹⁰. В качестве второго шага мы представим и обсудим некоторые общепринятые исторические представления о Штази, чтобы таким образом отточить наше восприятие феномена этой организации.

ИСТОРИЯ ШТАЗИ КАК «ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ»

История Штази всегда была «публичной», т.е. такой историографией, которая в положительном смысле инспирируется общественной заинтересованностью, а в негативном —

детерминируется этой заинтересованностью. Там, где, с одной стороны, широкий интерес может окрылить историографию, он, однако, проявляет себя «как балласт в той мере, в которой приоритет принадлежит не любопытству, а стремлению к подтверждению стереотипов»¹¹.

Широкое распространение название «государство Штази», или «диктатура МГБ»¹², получило во время и после падения режима СЕПГ. Как и многие другие, широко распространенные представления, этот взгляд оформился вместе с ликвидацией диктатуры СЕПГ. То, чего тогда не могли знать современники, в ретроспективе можно распознать как постепенную утрату власти правящей партии, которая завершилась крахом ГДР. МГБ находилось в центре этого процесса. Самое позднее с 1985 года Штази, являвшаяся важнейшей опорой власти, вынуждена была перейти к обороне. С началом политики реформ, проводимой Михаилом Горбачевым, объем задач: проверка носителей государственных тайн и лиц, выезжающих за границу, на предмет соблюдения требований госбезопасности, сопротивление растущему у граждан желанию выехать за рубеж, — все это росло, увеличивалось, но теперь правящая партия перестала применять жесткие меры¹³. В 1987 г. вышедшая далеко за пределы узкого круга оппозиции «битва за Сион» как попытка Штази криминализовать Экологическую библиотеку в берлинской Ционскирхе явилась кульминационным моментом, повлекшим целую серию ошибок и неудач Министерства государственной безопасности. Движение за выезд из страны, все больше вырывающееся наружу, и его драматическое обострение в западногерманских посольствах Восточной Европы, открыто формирующаяся реформаторская оппозиция, выражением которой были лейпцигские понедельничные демонстрации и митинг на Александерплац 4 ноября 1987-го — эти и многие другие события являлись отражением приобретающего все большую динамику. Из-за этого мощного оппозиционного движения и демонстраций, из-за которых МГБ был вынужден порой просто «прижимать» спиной к стене.

<...>Вначале правительство ГДР, чтобы ослабить требования масштабных реформ, начало расследовать бесчинства полиции 7 и 8 октября и по-

бещало наказать «высших товарищей» из СЕПГ за превышение полномочий и коррупцию. Однако вскоре стало ясно, что попытки свести дебаты к отдельным лицам или группам были обречены на провал¹⁴. <...>Под «массивным давлением демонстраций Штази «не нашла способа вновь перейти в наступление, — выдвигаемые требования во все большей степени прямо касались и этой организации»¹⁵. С точки зрения оппозиционеров и участников демонстраций, не одни только издевательства и деморализация в период до 1989 г. делали репрессивный аппарат главным врагом. Прежде всего Штази была тем фактором власти, который единственный, скорее всего, мог оказаться в состоянии сохранить в стране стабильную ситуацию в соответствии с требованиями СЕПГ, но в крайнем случае — даже насильно подавить все, что грозило привести к развалу ГДР. «Штази — на производство», «Резиновые уши», «Ленивый сброд» — эти главные лозунги демонстрантов были обращены против МГБ и его сотрудников, а колонны протестующих демонстрантов все чаще выбирали в качестве своей цели здания Штази¹⁶.

В сумятице и борьбе за власть 1989—1990 гг. главными темами дебатов за «круглым столом» между правительством и силами оппозиции явились два момента: роспуск службы государственной безопасности и обращение с ее наследием¹⁷. Из-за концентрации на этих аспектах многие другие составляющие государственного аппарата, так же как и государственной партии и ее массовых организаций, выпали из поля зрения.

Начало тому, что СЕПГ смогла уйти под воду, прикрывшись «своей Штази», было положено именно тогда¹⁸. То, что, как утверждал шеф дрезденской СЕПГ Вольфганг Бергхофер (Wolfgang Berghofer), на встрече 3 декабря 1989 г. на самом деле был согласован «генеральный план», в котором пять ведущих товарищей из СЕПГ договорились выставить Штази в качестве козла отпущения и таким способом спасти партию, выглядит более чем сомнительным¹⁹. Тем не менее в конечном результате мы наблюдаем именно это: концентрация расследований и борьбы за власть новых и старых элит на министерстве государственной безопасности помогла большей части старой элиты ГДР, не будучи допрошенной и опрошенной,

интегрироваться в новую систему. Вместе с этим ограничением рамок дебатов утвердилась историко-политическая константа и на последующий период: концентрация на Штази осталась основным фактором восприятия ГДР и является таковой, возможно, и по сей день. <...>с точки зрения гражданского и оппозиционного движения можно было помешать наиболее эффективным образом, разоблачая деятельность МГБ и одновременно лишить Штази возможности уничтожить свои документы и тем самым доказательства²⁰.

Общественность была шокирована, когда был вскрыт весь масштаб деятельности Штази, а также размер аппарата этого монстра: по данным на 31 октября 1989 г., в МГБ в качестве штатных сотрудников трудились 91 000 человек, 173 000 человек к моменту краха ГДР состояли на учете в качестве неофициальных сотрудников. За время его существования Штази более 600 000 человек успели потрудиться в интересах этого репрессивного аппарата в роли неофициальных сотрудников²¹.

Масштаб этих цифр становится понятным прежде всего в сравнении, ведь ГДР по плотности слежки среди диктатур восточного блока находилась на первом месте: если в Советском Союзе один сотрудник секретных служб следил за 595 гражданами, а в Польше — на одного штатного сотрудника приходилось 1547 человек, то в ГДР один штатный сотрудник отвечал за 180 граждан²².

Эти цифры легко объясняют тот ужас и ту сенсационность, когда правда всплыла наружу. На этом этапе первых разоблачений возникли и по сей день распространенные в наибольшей степени стереотипы: когда в первой половине 1990-х в Берлине вышла книга Кристины Вилкенинг «Государство в государстве. Что говорят бывшие сотрудники Штази» (Christina Wilkening «Staat im Staate. Auskünfte ehemaliger Stasi-Mitarbeiter»), она стала небольшой сенсацией. Будучи сама не последним человеком в истеблишменте ГДР, она проинтервьюировала двенадцать бывших сотрудников МГБ, работавших на различных иерархических уровнях аппарата.

«Райнер», 47 лет, сообщил читателям, что под наблюдением находились «всё и вся». Благодаря этому и иным примерам приобрела популярность идея о «поголовной слежке». Западногерманские иллю-

стрированные журналы подхватили тему Штази, публикации шли нарасхват. Бестселлер о Штази Штефана Волле и Армина Миттера (двух влиятельных основателей Независимого союза историков ГДР) был озаглавлен цитатой из последней речи Эриха Мильке перед Народной палатой: «Я ведь люблю вас всех». Эта книга содержала «ситуационные отчеты МГБ за январь—ноябрь 1989 г.» и продавалась с кузова грузовика тысячам ожидающих граждан.

Сегодня «невозможно себе представить», что в первые пять лет после воссоединения «тема Штази была доминирующей во всем» — так Клаус-Дитмар Хенке подводит итог своей деятельности в качестве руководителя отдела образования и исследований при Уполномоченном по документам Штази²³. Общественный интерес, как и потребность в информации, был огромным. Вскоре и тогдашние исполнители стали пытаться использовать свои знания, чтобы сформировать и приукрасить имидж Штази: Маркус Вольф, в течение многих лет шеф Главного управления разведки МГБ, уже в период переломных событий попытался представить себя в качестве политика-реформатора и быстро превратился в телегеничное лицо Штази. Часть прессы обращалась с ним мягко, почти уважительно, даже окрестила его замаскированным «восточным аристократом», называя «бесспорно лучшим шефом шпионской службы в мире»²⁴. Вольф старался не только придать руководимому им Главному управлению разведки имидж элиты, но представить его в качестве обычной секретной службы. При этом он мог опираться на дискуссию вокруг документов Главного управления разведки, поскольку, со ссылкой на принципиальную легитимность секретных служб, они были уничтожены²⁵.

Результаты исследований однозначно противоречат таким утверждениям: Главное управление разведки было полностью интегрировано в МГБ и, несмотря на иначе определенные главные задачи, участвовало в преследованиях внутри страны²⁶. К этой попытке приукрашивания истории присоединяются другие «бывшие», прежде всего из иерархии тогдашнего МГБ. Они даже создали так называемый «Инсайдерский комитет содействия критическому изучению истории МГБ» и — правда,

без большого резонанса, пытались популяризировать «свой взгляд» на ГДР²⁷.

Для общественности же наследие Штази в первую очередь существует в виде длинного списка разоблачений неофициальных сотрудников. Но главными оказались не структуры, не влияние МГБ на обе части немецкого общества или другие насущные вопросы, а личности и то, в чем они были замешаны. Политическая карьера соучредителя «Альянса за Германию» Вольфганга Шнура неожиданно оборвалась, когда стало известно о том, что он с 1965 г. поддерживал интенсивные контакты с МГБ²⁸. Ибрагим Бёме, Манфред Штольпе, Герхард Линднер, Грегор Гизи и многие другие имена политических деятелей из почти всех партий связывались (и до сих пор связываются) со Штази. По причине такого хода событий общественное восприятие во второй раз сузилось и сконцентрировалось на образе неофициального сотрудника, хотя и значительном, но тем не менее явно переоцененном элементе структуры МГБ²⁹. Особенно выделялся, с моральной точки зрения, «в роли стукача» образ соседа, друга, даже супруга.

При этом из поля зрения выпадало то, что неофициальные сотрудники хотя и поставляли важные сведения, но в иерархии и в системе принятия решений в МГБ в лучшем случае играли второстепенную роль. Лишь после обеспечения регулярного доступа к документам Штази начался регулируемый процесс, который, правда, так и не положил полностью конец сенсационным разоблачениям.

Подлинные задачи исторических исследований, для которых тема Штази представляла собой особый вызов, заключались в том, чтобы поставлять надежную информацию, интерпретировать обстоятельства и раскрывать контексты. <...> На самом же деле тема Штази является отражением «самого мощного перелома внутри конъюнктур западногерманской науки в сравнении с периодом до и после 1990 года»³⁰. Уже в прежних западногерманских исследованиях на тему ГДР имелись (правда, в деталях) хотя и неполные, однако в основных своих чертах солидные знания о деятельности МГБ, но они были сведены воедино исследователями, находившимися вне рамок мейнстрима этой области исследований. Общественное

восприятие этих знаний осталось ограниченным³¹. Кристоф Клеßманн (Christoph Kleßmann) говорил о «совершенно недостаточном уровне осознания и анализа роли аппарата госбезопасности и армии в государстве и обществе» и оценил это обстоятельство «видимо, как самый большой дефицит историографии ГДР»³².

После 1990-х годов бывшая ранее «белым пятном» тема Штази вновь стала играть особую роль. Она стала самой востребованной темой в изучении ГДР и уже в 2002 г. расценивалась как «одна из лучших всего изученных тем ГДР»³³. Как и во многих других случаях, исторически уникальная ситуация с наличием документов и поддерживаемая на политическом уровне «потребность» в воспоминаниях решающим образом влияли на развитие исследовательской деятельности: прежде всего подходы первых лет часто определялись стремлением приобрести неограниченное право на интерпретацию наследия ГДР и любыми способами делегитимировать режим СЕПГ. Вместе с тем ограничение взгляда исключительно документами привело к сужению рамок рассмотрения до дихотомии исполнителей и жертв. Гизике называет это «осознанным или неосознанным перениманием точки зрения МГБ, хотя и с обратным знаком: мир вдруг стал полон неофициальных сотрудников, офицеров по особым поручениям, неизвестных сотрудников или еще более тщательно законспирированных сотрудников и информаторов госбезопасности. С другой стороны, такое восприятие имеет тенденцию переоценивать сопротивление и оппозицию в обществе ГДР»³⁴. Соответственно, как он считает, сложно совместить эти исследования с другими разделами изучения ГДР.

<...> Другой сегмент исследований, часто называвшийся «штазиологией»: подробная реконструкция организационных структур и путей принятия решений внутри разветвленного бюрократического аппарата Штази служила важной основой дальнейших исследований. Кроме того, здесь вырабатывались и важные импульсы и поправки для пространственных представлений о Штази. В то же время пределы такого подхода в отношении плодотворного воздействия на общественную дискуссию и ее ориентирования очевидны³⁵.

<...> Как показывает даже беглый взгляд, этот тренд существовал и раньше³⁶. Если инициированный историком Фрицем Фишером в 1961 г. спор вокруг начала Первой мировой войны еще преимущественно ограничивался узкими рамками профессии, то разгоревшаяся в 1986 г. дискуссия между историками вокруг вопроса о правомерности сравнения преступлений сталинизма и фашизма уже инсценировалась и эксплуатировалась СМИ. Несмотря на всю ее остроту, эта дискуссия в научном отношении не дала никаких результатов. Ученые соответствующего профиля в лучшем случае выступали во второстепенных ролях, благодаря чему автор книги о специфическом немецком элиминаторском антисемитизме «послушных исполнителей» Гольдхаген предстал в еще более ярком свете³⁷. Аналогично обстояло дело с так называемой «выставкой о вермахте», на которой роль германской армии в войне на уничтожение на Востоке при исключении большого объема имеющихся научных знаний, скорее скандализировалась, нежели дискутировалась³⁸.

* * *

Воссоединение Германии и исследование истории ГДР положили начало новой фазе «публичной истории». В той мере как исторические знания стали пользоваться спросом, а прошлое приобрело популярность и им начали заниматься средства массовой информации, некоторые результаты исследований стали адаптироваться к новым правилам: актуальность, сенсационность, персонализация — эти и другие факторы гарантировали внимание общественности и политических органов. «Тот, кто вбрасывал в дебаты самые высокие оценки количества неофициальных сотрудников, арестов, погибших, прослушиваемых телефонов и т. д., рисовал самые brutальные случаи преследований и слежки, — тот получал наибольший отклик»³⁹. Тем самым обострялся всегда вирулентный вопрос: в какой степени всегда бывшая близкой к политике история ГДР имеет право оказаться в струе политики, ее интересов и ее целевого финансирования?

За бумом вокруг Штази и возникшей в результате странной чересполосицы интерпретаций и инструментализаций последовала их критика. Проблемы вскрывались и комментировались

с разной степенью серьезности — с самых разных сторон: так, журналист Петер Йохен Винтерс в 1992 г. жаловался на то, что исследования, касающиеся ГДР, почти исключительно заключаются в том, чтобы разоблачать бывших сотрудников Штази⁴⁰. И Йоахим Гаук (Joachim Gauk), которого нельзя заподозрить в каком-либо стремлении что-то приукрасить или обелить, еще в 1991 г. говорил об «истерии вокруг Штази», которую он объяснял как «результат недостаточного переосмысления прошлого» и неправильного подхода к этому прошлому⁴¹.

Дискуссия особым образом сфокусировалась на бумажном наследии Штази: послужат ли эти документы в качестве «инструмента примирения», как на это надеялась Марианне Биртлер (Marianne Birtler)⁴², или они лишь спровоцируют разлад и месть, как предполагал Фридрих Шорлеммер (Friedrich Schorlemmer) в целом ряде своих публикаций?⁴³

«Вначале вспомнить, а потом прощать», — потребовал Йоахим Гаук в апреле 1990 г. и высказал опасения большого вреда для строящейся демократии, если наследие Штази будет наступательным образом вскрыто и осознано. Прямо противоположные аргументы выдвигал Вольфганг Шойбле (Wolfgang Schäuble), когда он вначале даже поддержал идею уничтожить все документы, чтобы не подвергать опасности первые шаги в направлении вновь обретенной демократии⁴⁴. И не кто иной, как Петер-Михаэль Дистель (Peter-Michael Diestel), бывший министр внутренних дел ГДР в правительстве де Мезьера, а в 1994 г. депутат ландтага от бранденбургского ХДС, театрально простонал: «Боже, что происходит с Германией?» — и в дискуссии с Луцем Ратеновом ответил отрицательно на вопрос: «Можем ли мы позволить себе такого Гаука?»⁴⁵.

Вскоре появилось огромное количество самых разных оценок и высказываний, в значительной степени определяемых различными интересами, а также попыток выделиться и курьезов, которые были уже весьма слабо связаны с содержанием дебатов как таковым⁴⁶: Матиас Вагнер, сам будучи разоблаченным в качестве неофициального сотрудника, клеймил «синдром Штази» как «арену битвы оппортунизма и ограниченности», на кото-

рой с помощью документов можно «при необходимости раскрывать биографии и таким образом ставить разоблаченных к позорному столбу»⁴⁷. Вольфганг Энглер критиковал стилизацию Штази под молоха, которая в первую очередь обеспечивала возможность выделиться тем, «кто занят этим осознанием истории»⁴⁸. Петер Маркузе, сын философа Герберта Маркузе, назвал интерес к Штази прежде всего преднамеренно используемым инструментом, который должен обеспечить Западу сохранение статус-кво и лишить объединенную Федеративную Республику Германии возможности стремиться к новой утопии⁴⁹. Используя родственные наблюдения и схожие результаты, психоаналитики и социальные психологи проецировали на дебаты свои представления о немецком табу на прикосновение или родстве с «козлом отпущения»⁵⁰. <...>

ОПЫТ ЖИЗНИ СО ШТАЗИ

Целый резервуар опыта жизни со Штази, а именно — опыт восточных немцев — по сей день сохраняет абсолютно маргинальный статус. Это тем более удивительно, что существование Штази в ГДР не было тайной, совсем наоборот: в некоторых провинциальных городах отдельные места на общественных парковках помечались надписью «зарезервировано для транспортных средств МГБ»⁵¹. Целые участки улиц в Восточном Берлине были заселены исключительно сотрудниками МГБ и их семьями; остановки общественного транспорта действовали там только перед началом и после окончания рабочего дня. Хотя в ГДР, в отличие от других государств Восточного блока, существовал лишь весьма умеренный общественный культ вокруг создателя советской секретной полиции Феликса Дзержинского⁵², тем не менее ежегодно 8 февраля отмечалась очередная годовщина создания МГБ в 1950 г., и по этому поводу оказывались всяческие почести генералу армии Эриху Мильке. Само МГБ вело «работу с ответственностью», используя передвижные выставки и акции по привлечению в Штази новых кадров из молодежной среды⁵³. В шпионских романах и фильмах постоянно возникал «концерт Мильке»,

насаждался образ врага, а миф о всеведении приукрашивался образом заботливого ведомства⁵⁴.

Этот и другие примеры показывают, что существовал обширный опыт жизни со Штази, причем не только самих сотрудников Штази, но и активистов оппозиционного движения и движения за права человека. Самые обычные граждане ГДР знали о том, что существует такой репрессивный аппарат. Штази изменяла, ограничивала и контролировала их жизнь и права, могла, в случае проявления враждебности к режиму, даже разрушить ее. Некоторые оппозиционные группы пытались защититься от Штази, договариваясь между собой о том, чтобы просто игнорировать внедрение сотрудников МГБ в их среду. Из биографических и автобиографических текстов мы знаем, как отдельные лица вели себя с МГБ и как им, например, удавалось успешно избежать попытки вербовки, «деконспирируясь» перед общественностью. Мы хорошо информированы о методах вербовки новых кадров, типичных карьерах и смене поколений на разных уровнях служащих Штази⁵⁵. Новаторское исследование Йенса Гизике о штатных сотрудниках Штази характеризуется прежде всего социально-историческим подходом, однако, несмотря на это, оно предоставляет хорошие возможности получить представление о формирующихся, а с 1985-го года также и меняющихся структурах чекистского⁵⁶ мира.

Но в целом мы знаем об опыте и жизни людей во времена существования Штази слишком мало. Как протекали будни оппозиционного активиста, который должен был постоянно опасаться того, что это «оно» вмешается в его судьбу? Как взаимодействующие между собой борцы за права человека воспринимали угрозу со стороны МГБ?

Как функционировало и могло действовать «разложение», известно в первую очередь на примере таких выдающихся оппозиционеров ГДР, как Юрген Фукс или Вольфганг Темплин⁵⁷. Ценную информацию сообщает и Бабетт Бауэр, исследуя индивидуальный опыт «Контроля и репрессий» в отношении людей, попавших в жернова Штази⁵⁸.

Как протекали служебные будни Штази, какое самосознание служило для сотрудников мотивацией в их работе? Как внутри аппарата воспри-

нимались различные фазы в существовании ГДР? «Доверчивость» в сочетании с «дисциплиной» — так заместитель министра госбезопасности и, в течение короткого срока, шеф ведомства национальной безопасности Вольфганг Шваниц описывает свое собственное восприятие действительности, однако сразу же отмечает, что с «середины восьмидесятых годов неслыханно обостряющееся противоречие между тем, что говорилось на заседаниях ЦК, и реальной жизнью становилось все очевиднее»⁵⁹. Документальный фильм «Будни одного ведомства» («Alltag einer Behörde») указывает на большой познавательный потенциал такого подхода⁶⁰. Схожим образом следовало бы изучить до сих пор не привлекавшие к себе большого внимания рассказы офицеров Штази о самих себе⁶¹.

И, конечно же, как Штази влияла на жизнь большинства населения? Насколько распространен и насколько эффективен был «миф Штази» о тотальном присутствии аппарата?

«Мы жили, как под стеклом, подобно наколотым на булавки жукам, и любое дергание ножками с интересом фиксировалось и подробно комментировалось», — говорит, будучи сам глубоко укорененным в истеблишменте ГДР, писатель Стефан Гейм⁶². За исключением этих и схожих ссылок в вымышленных текстах, анекдотах и (авто)биографических набросках об этой стороне истории Штази мы знаем очень мало⁶³.

В чем мы нуждаемся, так это в подходе к Штази, не столько ориентированном на бюрократические структуры, сколько рассматривающем в большей степени проявления и эффекты в повседневной жизни⁶⁴. Так у преобладающего до сих пор изображения в черном и белом цвете могли бы появиться оттенки, и благодаря этому оно в то же время стало бы и более точным. Одновременно мы смогли бы лучше понять, как функционировала диктатура СЕПГ и как она была повержена. В общественной памяти такой подход помог бы лучше интегрировать разнообразные воспоминания о жизни в ГДР как важную часть истории.

Не следует опасаться выхолащивания сути или приукрашивания диктатуры ГДР, наоборот: более глубокое понимание механизмов власти, подавления и адаптации к режиму может лишь обогатить общественное осознание истории ГДР.

«ВСЕМОГУЩАЯ ШТАЗИ» И «НАРОД СТУКАЧЕЙ»

Была ли Штази «условием существования государственного социализма»?⁶⁵

Обеспечивалась ли власть СЕПГ в первую очередь или даже исключительно ее всеохватывающим и повсеместным присутствием?

Разоблачения и дебаты 1990-х годов питали идею о вездесущей, всеведущей и всепроникающей Штази.

Тот, кто хочет задаться вопросом, насколько Штази обеспечивала возможность существования ГДР или, наоборот, насколько диктатура СЕПГ могла бы существовать без Штази, должен понимать, что этот вопрос требует ответа, в высочайшей степени дифференцированного по времени: в принципе, ГДР, скорее всего, никогда — в отличие, например, от нацистской диктатуры, не опиралась на поддержку большинства населения и не строилась при его поддержке. Это относится в первую очередь к концу 1940-х и к 1950-м годам. До и после создания государства функционеры КППГ и СЕПГ реализовали свои притязания на власть, часто с применением грубой силы. Созданное в 1950 году Министерство государственной безопасности продолжило ту работу, которая была начата его предшественниками (например, подчиненным министерству внутренних дел Главным управлением по защите народного хозяйства) С образованием МВД стало также ясно, что руководство СЕПГ в принципе преследовало цели, которые противоречили попыткам замаскировать их демократическими лозунгами: «трансформацию в “народную демократию” по сталинскому образцу и адаптацию политической системы ГДР к аппарату власти Советского Союза»⁶⁶.

В течение ярко выраженной сталинистской фазы, продолжавшейся до 1956 г., эту цель приходилось реализовывать вопреки сопротивлению многочисленных сил, которые преследовали иные политические и общественные цели и могли представлять опасность для претензий СЕПГ на власть. Вместе с ростом аппарата расширял-

ся круг задач, вследствие чего Штази по указке партии могла вмешиваться не только в политику, но и в жизнь общества далеко за ее пределами. Наивысшими проявлениями сталинистского террора стали внутрипартийные чистки, начавшиеся в 1949 г., и антисемитские кампании 1952 года. Укрепление власти СЕПГ и — как это называлось на техническом жаргоне аппарата — «обезвреживание» политических противников без МГБ было бы неосуществимо. В том, что касается периода 1950-х и начала 1960-х годов, практически неоспоримо, что Штази представляла собой неотъемлемую предпосылку установления и существования диктатуры СЕПГ.

Однако более вирулентной, более настоящей дискуссия вокруг роли Штази в особенности становится тогда, когда речь идет о 1970-х годах. Ностальгические реминисценции, как правило, ссылаются на это десятилетие, часто называемое «золотым». Свое место в жизни заняло выросшее в ГДР и, в случае полной идеологической покорности и лояльности к государству, пользовавшееся частью просто удивительными возможностями послевоенное поколение. Национализация частной экономики, целенаправленное и ориентирующееся на классовую модель управление карьерными и образовательными шансами, как и монополизация возможностей доступа к общественности, создали социальную базу общества, ориентированного на требования диктатуры.

Вместе с тем благодаря провозглашенному Эрихом Хонеккером «единству экономической и социальной политики» в ГДР вырос скромный, но надежный уровень жизни. Вместе с переходом от красного пиетизма в его «ульбрихтовском варианте» к «жизни в социализме» а-la Хонеккер уменьшились и масштабы идеологического давления на большинство населения. Помимо этого, согласно оценке британского историка Мэри Фулбрук (Mary Fulbrook), «возможно, шестая часть населения... через “микросистемы” власти» оказалась втянутой в функционирование диктатуры»⁶⁷. Помимо этого, от 300 000 до 400 000 «ключевых функционеров, которые на самом деле играли важную роль в осуществлении и укреплении власти», автор выделяет группу численностью «от одного до двух млн взрослых граждан», участвовавших

в деятельности многочисленных массовых организаций, политических партий, представительных органов или аппарата управления. В это число не входят те граждане, которые время от времени выступали в роли внештатных активистов. «С течением времени многие люди каким-то образом, почти как если бы это было чем-то само собой разумеющимся, оказывались втянутыми в функционирование системы». Если диктатура таким образом опиралась на население, то она, возможно, даже приобрела легитимность и уже гораздо меньше нуждалась в репрессиях?⁶⁸

Такому предположению противоречит не только сама «мирная революция», которая в значительной мере стала следствием недовольства граждан, но и внутреннее развитие Штази и ее деятельность в этом десятилетии. Прежде всего режим отказался от жесткого преследования политических противников, как это происходило в период расцвета сталинизма. В служебных кабинетах министерства обосновалось новое поколение штатных сотрудников — технически и психологически образованных, по большей части окончивших собственный институт МГБ. На первый план теперь вышли сбор информации, контроль и именно *манипулирование общественным мнением*. Масштабы использования грубого насилия уменьшились из-за стремления к международному признанию, слишком явные нарушения прав человека могли этому лишь мешать.

В результате такой переориентации деятельность Штази стала более деликатной, но вместе с тем расширился и круг лиц, которых Штази могла брать «в разработку». Не только активные оппозиционеры, но и каждый гражданин ГДР теперь являлся потенциальным объектом наблюдения, если возникала повышенная необходимость собирать информацию и предотвращать политическое сопротивление. Самое позднее, вместе с ростом движения за выезд из страны, с которым Штази активно боролась, она начала воздействовать на все большее число граждан ГДР с использованием самых разных средств и стратегий. В лучшем случае речь могла идти не о каком-то ослаблении репрессий, а лишь об изменении их характера.

На вопрос, какое количество восточных немцев на выборах отдало бы свой голос за эту систему,

с уверенностью ответить не представляется возможным. Но многое говорит о том, что диктатура в 1950—1960-х годах смогла утвердиться исключительно с помощью своего репрессивного аппарата. Неоспорим и тот факт, что масштабы ожесточения и недовольства в конце 1970-х годов сильно выросли, так что без Штази политически непреломный режим вряд ли смог бы сохраниться так долго.

С образом государства Штази и всемогущества МГБ был тесно связан вопрос о готовности большого числа граждан к доносительству, который приобрел актуальность после 1990 года. Были ли граждане ГДР «стукачами»? Прежде всего образ неофициального сотрудника давал повод для разнообразных спекуляций⁶⁹. Так, если взять лишь один пример из масштабных дебатов, то весной 1990-го разные источники оценивали число информаторов Штази чуть ли не в два миллиона⁷⁰. И тогда не один только министр внутренних дел ГДР Петер-Михаэль Дистель трубил в этот рог, заявляя, что, по его мнению, в системе ГДР не было никакой вины разве только у новорожденных и никогда не просыхающих алкоголиков⁷¹. Назначенный на должность министра по делам обороны и разоружения пастор Райнер Эппельманн (Rainer Eppelmann) вначале полагал, что примерно одна треть населения в той или иной степени интенсивно сотрудничала со Штази⁷².

Сегодня мы знаем, что эти цифры были значительно завышены: на основании изученных до настоящего момента архивных материалов МГБ Мюллер-Энбергс показал, что количество неофициальных сотрудников в 1950 г. с 5200 возросло до 173 000 к моменту развала ГДР. Всего же за весь период своего существования Штази привлекла в качестве неофициальных сотрудников 624 000 человек⁷³. Таким образом, вне всякого сомнения, исключительно плотную сеть информаторов, от помощи которых в значительной степени зависела система и которых верхушка МГБ не только риторически постоянно называла «главным оружием МГБ»⁷⁴.

Тем не менее представление о «стукачах»-информаторах, как показывают некоторые углубленные и сравнительные размышления, не соответствует действительности: система неофици-

альных сотрудников прямо опиралась на пример советского репрессивного аппарата, который во многих отношениях определял построение, структуру и методы работы МГБ. Но, помимо этого, интенсивные усилия по созданию в высшей степени формализованной сети доносчиков показывают и принципиальную слабость режима.

Если, например, гестапо в качестве тайной полиции национал-социалистической партии Германии едва могло справиться с огромным количеством поступающих доносов, то диктатура СЕПГ в гораздо меньшей степени могла рассчитывать на признание и поддержку населения и по этой причине опиралась на формализованную сеть неофициальных сотрудников⁷⁵.

Также с полным на то основанием указывалось, что привлечение большого числа неофициальных сотрудников было отражением «психологии валовых показателей», свойственной режиму, и само по себе мало что говорит об эффективности этого инструмента. Намного основательнее, чем до сих пор, необходимо исследовать мотивы согласия неофициальных сотрудников на сотрудничество, поставляемую ими информацию и результаты этой деятельности. Лишь после этого можно будет понять, как и насколько деятельность неофициальных сотрудников распространялась на непосредственные социальные отношения в семье, на рабочем месте и в кругу друзей — и какова была реакция на разоблачение доносительства и его последствия после 1990 года.

Перевод с немецкого Леонида Карина

Примечания

- ¹ Понятия Штази и Министерство государственной безопасности (или МГБ) в нижеследующем употребляются как синонимы.
- ² См. по этому вопросу в качестве показательного примера публикации в связи с высказываниями премьер-министра земли Саксония Станислава Тиллиха: Traurig und betroffen. Sachsens Ministerpräsident zu seiner DDR-Vergangenheit, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 25. November 2008, и по поводу интервью премьер-министра земли Мекленбург–Передняя Померания Эрвина Зелле-

ринга: Frankfurter Allgemeinen Sonntagszeitung vom 22. März 2009.

- ³ Vgl. *Andrew H. Beattie*: *Playing Politics with History. The Bundestag Inquiries into East Germany*, New York 2008, S. 233 (im Folgenden *Beattie*: *Playing*).
- ⁴ Vgl. *Laurence H. McFalls*: *Political Culture and Political Change in Eastern Germany*, in: *German Politics and Society* 20, Nr. 2 (2002); John S. Brady; Sarah Elise Wiliarty: *How Culture Matters: Cultural and Social Change in the Federal Republic of Germany*, in: *German Politics and Society* 20, Nr. 2 (2002), S. 4; A. James McAdams: *Judging the Past in Unified Germany*, Cambridge 2001, S. 13; Annette Leo: *Keine gemeinsame Erinnerung. Geschichtsbewusstsein in Ost und West*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* (B 40-41/2003), S. 4 und 13.
- ⁵ *Stephen Brockmann*: *Literature and German Reunification*, Cambridge 1999, S. 83.
- ⁶ *Andreas Glaeser*: *Divided in Unity. Identity, Germany and the Berlin Police*, Chicago; London 2000, S. 347 f.
- ⁷ Vgl. u. a. *McAdams*: *Judging*; *Beattie*: *Playing*; Paul Cooke: *Represent-ing East Germany since Unifikation. From Colonization to Nostalgia*, Oxford ; New York 2005; Anne Sa'adah: *Germany's Second Chance: Trust, Justice, and Democratization*, Cambridge 1998.
- ⁸ См. по этому вопросу, в частности, публикацию Доротеи Вирлинг «Штази и воспоминания» в: Jens Gieseke (Hg.): *Staatsicherheit und Gesellschaft. Studien zum Herrschaftsaltag in der DDR*, Göttingen 2007 (im Folgenden *Gieseke*: *Stasi und Gesellschaft*).
- ⁹ Vgl. *Beattie*: *Playing*, S. 233.
- ¹⁰ *Jens Gieseke*: *Einleitung*, in: ders., *Stasi und Gesellschaft*, S. 11—35.
- ¹¹ *Ebd.*, S. 12.
- ¹² Vgl. Lothar Mertens in seiner Rezension zu Clemens Burrichter; Gerald Diesner (Hg.): *Auf dem Weg zur «Produktivkraft Wissenschaft»*, Leipzig 2002, in: *H-Soz-Kult*, 22. April 2003.
- ¹³ Vgl. *Jens Gieseke*: *Der Mielke-Konzern. Die Geschichte der Stasi 1945—1990*, Stuttgart 2001, S. 232 (im Folgenden *Gieseke*: *Mielke-Konzern*).
- ¹⁴ Vgl. *Petra Bock*: *Vergangenheitspolitik im Systemwechsel. Die Politik der Aufklärung, Strafverfolgung, Disqualifizierung und Wiedergutmachung im letzten Jahr der DDR*, Berlin 2000, S. 84 f. (im Folgenden *Bock*: *Vergangenheitspolitik*).
- ¹⁵ Zitat und zum Folgenden *Gieseke*: *Mielke-Konzern*, S. 241.
- ¹⁶ Vgl. *Gieseke*: *Mielke-Konzern*, S. 232; Hoppert, Leo: «Egon reiß die Mauer ein ...» *Leipziger Demo-Sprüche*, Münster 1990.
- ¹⁷ Vgl. *Bock*: *Vergangenheitspolitik*, S. 166.

- ¹⁸ Zitat bei Jens Hüttmann: DDR-Geschichte und ihre Forscher. Akteure und Konjunkturen der bundesdeutschen DDR-Forschung, S. 367 und 369 (im Folgenden Hüttmann: DDR-Geschichte).
- ¹⁹ Во всяком случае, это следует из высказываний Вольфганга Бергхофера, бывшего обер-бургомистра Дрездена. Vgl. <http://www.3sat.de/3sat.php?http://www.3sat.de/kulturzeit/themen/107234/index.html> (14. 4. 2009).
- ²⁰ Vgl. Bock: Vergangenheitspolitik, S. 433.
- ²¹ Vgl. Helmut Müller-Enbergs: Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit Bd. 3, Berlin 2008.
- ²² Vgl. für grundlegende Informationen und Statistiken http://www.bstu.bund.de/cln_028/nn_712450/DE/MfS-DDR-Geschichte/Grundwissen/grundwissen_node.html_nnn=true (20. 4. 2009).
- ²³ Zitat bei Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 369.
- ²⁴ Vgl. dazu Axel Vormbäumen: Im Dienste seiner Identität. Ein Mythenmann, der dem Kommunismus alles zu verdanken hatte — auch sein Leben. Zum Tod des DDR-Spionagechefs Markus Wolf in: Tagesspiegel (Berlin) vom 11. November 2006, S. 3.
- ²⁵ Vgl. Silke Schumann: Vernichten oder Offenlegen? Zur Entstehung des Stasi-Unterlagen-Gesetzes. Eine Dokumentation der öffentlichen Debatte 1990/91, Berlin 1995.
- ²⁶ Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 197 f.
- ²⁷ Vgl. den entsprechenden Internetauftritt <http://www.mfs-insider.de/>; auch Reinhard Grimmer u. a. (Hg.): Die Sicherheit. Zur Abwehrarbeit des MfS, 2 Bde., Berlin 2002.
- ²⁸ Vgl. Walter Süß: Staatssicherheit am Ende. Warum es den Mächtigen 1989 nicht gelang, eine Revolution zu verhindern, Berlin 1999, S. 703.
- ²⁹ Vgl. u. a. Rainer Eckert: «Entnazifizierung» und «Entkommunisierung». Aufarbeitung der Vergangenheit in Deutschland, in: Eckhard Jesse; Steffen Kailitz (Hg.): Prägestärkte des 20. Jahrhunderts. Demokratie, Extremismus, Totalitarismus, Baden-Baden 1997, S. 305—325, hier 316.
- ³⁰ Vgl. Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 359.
- ³¹ О результатах «старых» исследований деятельности Штази см.: Jens Gieseke: Die Geschichte der Staatssicherheit, in: Rainer Eppelmann; Ulrich Mählert (Hg.): Stand und Perspektiven der DDR-Forschung, Paderborn 2003, S. 117—125.
- ³² Christoph Kleßmann: Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955—1970, Bonn 1997, S. 671.
- ³³ Jens Hüttmann: Die «Gelehrte DDR» und ihre Akteure. Strategien, Inhalte, Motivationen: Die DDR als Gegenstand von Lehre und Forschung an deutschen Universitäten. Unter Mitarbeit von Peer Pasternack, Wittenberg 2004, S. 33 ff.
- ³⁴ Zitat und zum Weiteren Jens Gieseke: Zeitgeschichtsschreibung und Stasi-Forschung. Der besondere deutsche Weg der Aufarbeitung, in: Siegfried Suckut; Jürgen Weber (Hg.): Stasi-Akten zwischen Politik und Zeitgeschichte. Eine Zwischenbilanz, S. 218—239, hier 224.
- ³⁵ Vgl. ebd., S. 225.
- ³⁶ Vgl. generell Peter Weingart: Stunde der Wahrheit? Zum Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft, Göttingen 2001.
- ³⁷ Vgl. die hellsichtige Analyse von Michael Zank, Goldhagen in Germany: Historians' Nightmare & Popular Hero. An Essay on the Reception of Hitler's Willing Executioners in German, in: Religious Studies Review, vol. 24 no. 3 (July 1998), S. 231—240.
- ³⁸ Vgl. Hans-Ulrich Thamer: Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die «Wehrmachtsausstellung», in: Martin Sabrow; Ralph Jessen; Klaus Große Kracht (Hg.): Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen nach 1945, München 2003, S. 171—187; Karl Heinrich Pohl: «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941—1944». Überlegungen zu einer Ausstellung aus didaktischer Perspektive, in: ders. (Hg.): Wehrmacht und Vernichtungspolitik. Militär im nationalsozialistischen System, Göttingen 1999, S. 141—163.
- ³⁹ Jens Gieseke: Die Einheit von Wirtschafts-, Sozial- und Sicherheitspolitik. Militarisierung und Überwachung als Probleme einer DDR Sozialgeschichte der Ära Honecker, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 51 (2003) 11, S. 996—1021.
- ⁴⁰ Peter Jochen Winters: Unrecht harret des Urteils, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 7. Januar 1992.
- ⁴¹ Joachim Gauck: Stasi-Hysterie auch Resultat geringer Vergangenheitsbewältigung, in: Berliner Morgenpost vom 19. September 1991.
- ⁴² Vgl. Marianne Birthler: Ohne Erinnerungskultur kein Selbstbewusstsein, in: vorgänge, 1 (2003), S. 22—30, hier 24.
- ⁴³ Vgl. u. a. Friedrich Schorlemmer: Versöhnung mit der Wahrheit. Nachschläge und Vorschläge eines Ostdeutschen, München 1992. О начале дискуссии см.: Silke Schumann: Vernichten oder Offenlegen? Zur Entstehung des Stasi-Unterlagen-Gesetzes. Eine Dokumentation der öffentlichen Debatte 1990/91, Berlin 1995. Помимо этого существует обширный материал, освещающий дискуссию в связи с юридическими аспектами, главным образом закона об архиве штази и различными поправками к нему, содержание которой здесь мы, однако, не анализируем.
- ⁴⁴ Vgl. Wolfgang Schäuble: Der Vertrag. Wie ich über die deutsche Einheit verhandelte, Stuttgart 1991, S. 273.

- ⁴⁵ Können wir uns einen Gauck leisten? in: Junge Welt vom 5. Februar 1994, S. 6.
- ⁴⁶ Более подробный анализ и примерную периодизацию см.: Andrea Fleschenberg: Vergangenheitsaufklärung durch Aktenöffnung in Deutschland und in Portugal?, Münster 2004, S. 107—202.
- ⁴⁷ *Matthias Wagner*: Das Stasi-Syndrom, Berlin 2001, S. 3.
- ⁴⁸ Vgl. *Wolfgang Engler*: Vom Moloch zum Mythos. Das lange Leben der Staatssicherheit, in: Kursbuch 124 Verschwörungstheorien (Juni 1996), S. 153—162.
- ⁴⁹ Vgl. *Peter Marcuse*: Das Feindbild Stasi sichert dem Westen den Status quo, in: Frankfurter Rundschau vom 14. Mai 1992, S. 18.
- ⁵⁰ *Hans-Joachim Maaz*: Die Entrüstung. Deutschland, Deutschland -Stasi, Schuld und Sündenbock, Berlin 1992; Tilman Moser: Vorsicht Berührung. Über Sexualisierung, Spaltung, NS-Erbe und Stasi-Angst, Frankfurt a. M. 1992.
- ⁵¹ *David Childs*: The Shadow of the Stasi, in: Patricia Smith (Hg.): After the Wall. Eastern Germany since 1989, London 1999, S. 93—107, hier 94.
- ⁵² Zum 100. Todestag veröffentlichte die Post der DDR eine Gedenkbriefmarke, das MfS-Wachregiment war nach ihm benannt, öffentliche Denkmale gab es meines Wissens nicht.
- ⁵³ За этот участок работы отвечала главным образом центральная группа анализа и информации МГБ. Vgl. BStU, MfS ZAIG 07424. По вопросу вербовки новых кадров также см. соответствующие разделы в: Jens Gieseke: Die hauptamtlichen Mitarbeiter der Staatssicherheit. Personalstruktur und Lebenswelt 1950—1989/90, Berlin 2000 (im Folgenden Gieseke: Mitarbeiter).
- ⁵⁴ *Reinhard Hillich*: Spielmaterial. Zur Darstellung des MfS in der Kriminalliteratur der DDR, in: Horch und Guck. Zeitschrift zur kritischen Aufarbeitung der SED-Diktatur, 2 (1993), S. 1—10.
- ⁵⁵ Vgl. Gieseke: Mitarbeiter, insbesondere die jeweiligen Abschnitte zur «Inneren Verfassung».
- ⁵⁶ ЧК — сокращенное название Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, созданной в 1917 г., которая была предшественницей советской секретной службы КГБ и тем самым прообразом Министерства государственной безопасности ГДР (Штази). Первым руководителем ВЧК был Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926).
- ⁵⁷ Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 190 f.
- ⁵⁸ *Babett Bauer*: Kontrolle und Repression. Individuelle Erfahrungen in der DDR 1971—1989, Göttingen 2006.
- ⁵⁹ *Wolfgang Schwanitz*: «Mensch, ist es denn wirklich schon so schlimm ...?», in: Jean Villain (Hg.): Die Revolution verstößt ihre Väter. Aussagen und Gespräche zum Untergang der DDR, Bern 1990, S. 153.
- ⁶⁰ Vgl. die knappe Skizze bei Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 374—377.
- ⁶¹ Vgl. *Karl Wilhelm Fricke*: Geschichtsrevisionismus aus MfS-Perspektive. Ehemalige Stasi-Kader wollen ihre Geschichte umdeuten, in: DeutschlandArchiv 1 (2006), S. 490—495.
- ⁶² *Stefan Heym*: Der Winter unseres Missvergnügens. Aus den Aufzeichnungen des OV Diversant, München 1996, S. 14.
- ⁶³ Vgl. *Stefan Wolle*: Leben mit der Stasi. Das Ministerium für Staatssicherheit im Alltag, in: Helga Schultz; Hans-Jürgen Wagener (Hg.): Die DDR im Rückblick. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur, Berlin 2007, S. 79.
- ⁶⁴ Vgl. Gieseke: Einleitung, in: ders.: Stasi und Gesellschaft, S. 11—35.
- ⁶⁵ Alle Zitate bei Hüttmann: DDR-Geschichte, S. 367 und 369.
- ⁶⁶ Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 25.
- ⁶⁷ Цитата и последующая информация, как и уже приведенные сведения, заимствованы у Mary Fulbrook: Ein ganz normales Leben. Alltag und Gesellschaft in der DDR, Darmstadt 2008, S. 257.
- ⁶⁸ Более подробный критический разбор подхода Фулброк см.: Jens Gieseke: Rezension zu The People's State: East German Society from Hitler to Honecker, New Haven, London 2005, in: German History 24 (2006), S. 118—120.
- ⁶⁹ Vgl. dazu die erste Annäherung von Barbara Miller: Narratives of Guilt and Compliance in Unified Germany. Stasi Informers and their Impact on Society, New York 1999.
- ⁷⁰ Vgl. A. James McAdams: German Officials as Historians, in: Wolfgang Schluchter; Peter Quint (Hg.): Der Vereinigungsschock. Vergleichende Betrachtung zehn Jahre danach, Velbrück 2001, S. 213—237, hier 217.
- ⁷¹ Interview mit Peter-Michael Diestel, in: Die Welt vom 21. April 1990, S. 4.
- ⁷² Der Spiegel, April 2 (1990), S. 21 f.
- ⁷³ Vgl. *Helmut Müller-Enbergs*: Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit, Bd. 3: Statistiken mit CD-ROM, Berlin 2008.
- ⁷⁴ Vgl. *Helmut Müller-Enbergs*: Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit: Richtlinien und Durchführungsbestimmungen, Berlin 1996, S. 198 und öfter.
- ⁷⁵ Vgl. *Robert Gellately*: Allwissend und allgegenwärtig? Entstehung, Funktion und Wandel des Gestapo-Mythos, in: Gerhard Paul; KlausMichael Mallmann (Hg.): Die Gestapo — Mythos und Realität, Darmstadt 2003, S. 47—70; Vgl. Gieseke: Mielke-Konzern, S. 119 f.

НОВЫЕ ПОЛИТИКИ СОЗДАДУТ НОВУЮ ЕВРОПЕЙСКУЮ ПОВЕСТКУ

Депутат Бундестага Кристиан Хирте*
в беседе с Главным редактором журнала
«Вестник Европы» Виктором Ярошенко

ВИКТОР ЯРОШЕНКО. Мой первый вопрос самый простой: как Вы вошли в политику? Были ли Ваши родители, например, политическими деятелями?

КРИСТИАН ХИРТЕ. Мы жили, как и большинство жителей Восточной Германии. Когда в ноябре 1991 года пала стена, мне было всего 13 лет, но я уже тогда понял всю важность происходящих политических перемен. Я начал интересоваться политикой и чем дальше, тем больше. Стал читать газеты, а через пару лет, в 1993 году вступил в Молодёжный союз Германии (*молодёжная организация при блоке ХДС/ХСС, самая крупная молодёжная политическая организация при партии в Федеративной Республике Германия и Европе. — Ред.*). Там и началась моя политическая деятельность в партии ХДС.

В.Я. А из какого города, округа Вы избирались в Бундестаг?

К.Х. Я вырос в маленьком городке Бад-Зальцунген в Тюрингии. Это на самой границе между Восточной и Западной Германией, может быть, в 30 километрах от границы; у моего деда была ферма в особой зоне за первым пограничным забором. Ведь в Восточной Германии было три забора на границе с Западной Германией — в пяти километрах, в пятистах метрах и наиболее охраняемая непосредственно демаркационная линия с минными полями и другими соответствующими атрибутами. Даже когда я был ребенком, мне казалось странным, что мои пожилые родственники должны были провести в дороге почти целый день, чтобы доехать до пропускного пункта и выехать за этот забор к нам в город. Удивительно, что когда я вступил в партию ХДС, я узнал, что мой дед был одним из ее основателей. Мой дед был мэром в этой маленькой деревушке за забором — Апфельбах, в 15 километрах от точки Альфа — самой западной точки границы Варшавского договора. В этой части Германии (Тюбингене) очень мало католиков, может быть, всего тысяч семь — и они жили в этой закрытой области, а во время моей молодости из-за своих католических воззрений они были крайне оппозиционно настроены по отношению к существующему режиму. В 1994 году я окончил двенадцатилетку средней школы, так что когда наступила новая эра в жизни Германии, — это совпало с моей юностью. И это была не только новая эра в жизни Германии, но и в жизни России также! Как я говорил, я вырос в католической семье, мы с братом были два католика на всю школу. Я принимал активное участие в деятельности молодежной католической общины, организовывал различные встречи, семинары и т.д.

В.Я. А Вы общаетесь сейчас с выпускниками своего класса?

К.Х. Да, конечно.

В.Я. Ну, и чем они сейчас занимаются? Было бы интересно знать, как устроилась их судьба в но-



* КРИСТИАН ХИРТЕ (ред. 23 мая 1976 в Бад-Зальцунген, Тюрингия), немецкий политик, член партии Христианско-демократический союз Германии (ХДС). С 2008 года является депутатом Бундестага Германии.

© Фото: В. Ярошенко



Инсталляция в Бундестаге: картотека депутатов Рейхстага — Бундестага всех времен. © Фото: В. Ярошенко

вой Германии? Каков диапазон — от депутата Бундестага до ремонтника авто?

К.Х. Очень по-разному; например мой ближайший школьный друг работает менеджером в фирме «Бош», в настоящее время находится в Индии. Есть адвокаты, налоговые советники, один из одноклассников, который после 8-го класса не стал учиться дальше — у него малое предприятие, которое занимается продажей электропроводки. У нас, конечно, бывают встречи выпускников, но очень редко, на 10, на 25 лет после окончания школы, как, наверное, и в России.

В.Я. Они поздравили Вас с избранием депутатом Бундестага, с тем что Вы стали большим федеральным политиком?

К.Х. Да, некоторые поздравили.

В.Я. Чувствуете ли Вы себя в какой-то мере представителем своего школьного класса в поли-

тике — школьных товарищей, которые теперь занимают различные позиции в обществе? Чувствуете ли Вы что представляете их интересы в Бундестаге и политике?

К.Х. В большей степени я представляю жителей округа, от которого меня избрали...

В.Я. Вы пришли в Бундестаг в 2008 году, скоро новые выборы, будете ли Вы опять баллотироваться?

К.Х. Да, конечно, как раз неделю назад я был номинирован моим избирательным округом на выборы в 2017 году. В первый раз я был кандидатом на выборах 2005 года, но не выиграл, а в 2008-м я заместил одного из членов Бундестага, который занял пост министра в правительстве Тюрингии, и я был избран вместо него по партийному списку.

В.Я. В преддверии новых выборов видите ли Вы для себя серьезных конкурентов?

К.Х. В этом году я впервые был номинирован 100% регионального представительства партии. В Восточной Германии избиратели очень гибкие — в настоящее время мы имеем партию AfD (*Альтернатива для Германии. — Ред.*), которая, как прогнозируют, соберет до 25% голосов избирателей на востоке. В своем избирательном округе я вижу двух основных конкурентов — это левые, которые также могут собрать до 20-23% голосов и AfD. На прошлых выборах я набрал 43% голосов, но в первый раз у меня было лишь 25%, так что, может быть, в этот раз мы увидим более сложную ситуацию, чем на выборах в 2013 году. Но я с оптимизмом отношусь к своим перспективам на выборах 2017 года.

В.Я. Как Вы смотрите на усиление влияния правых и националистических движений в Германии, таких как AfD? Как Вы видите перспективы этих движений на выборах? Насколько это может быть опасно?

К.Х. В целом я считаю эту тенденцию нормализацией политической жизни Германии, у нас эти движения активизировались в течение последних двух-трех лет, в то время как, например, в Голландии и Австрии, или «Национальный фронт» во Франции, подобные движения существовали давно и достаточно сильны. Мне кажется, Германия в течение долгих лет после Второй мировой войны, преступлений холокоста и др. была на особом положении и имела проблемы со своей национальной самоидентификацией. Эта ситуация в течение долгих лет медленно менялась, но в последние пару лет иммиграционный кризис стал своего рода катализатором. Я думаю, сейчас в Германии существует, так сказать «нормальный» современный национализм, не тот, который идентифицируется с 1930-ми годами, осознание своей страны в ряду других европейских стран.

У нас есть сильные партии как на левом так и на правом политическом фланге, но я уверен, что Германия будет придерживаться некоей линии посередине. Я думаю, у жителей Германии есть преимущество по сравнению с жителями других стран мира: в Германии политическая

власть происходит из обычных представителей среднего класса, обычных людей, избранных в обычных условиях. Эти люди не происходят из элитных семей знати, как в других странах, или радикальных кругов.

В.Я. Можно ли сказать, что Германия вышла из своего поствоенного синдрома и стала нормальной европейской демократией?

К.Х. Я хотел бы подчеркнуть, что существует большая разница между тем, что думают большинство народа, и образованной элитой, интеллектуальной частью общества. Как правило, элита знакома с историей более подробно, чем общество в целом, поэтому этот багаж истории сильнее воспринимается элитой, давит на ее самосознание. Обычные же люди сейчас вообще перестали рефлексировать и думать о том, что произошло 70 лет назад, и считают, что это не имеет к ним сейчас никакого отношения.

В.Я. Я бывал в Германии в 1970-80-х годах, и тогда уже многие люди этого поколения говорили: «Мы устали от чувства вины». Новое поколение уже не испытывает этого чувства и читает историю как с чистого листа, на них история уже не давит.

К.Х. Да, в большой степени да.

В.Я. Я спрашиваю, потому что в России обсуждение исторических тем все усиливается, и российское общество обращено, скорее, к драмам прошлого, чем будущему.

К.Х. Я думаю, в России это происходит несколько по другим причинам. В советское время национальная принадлежность была преодолена в большой степени в угоду общности «советский народ», советская пропаганда стремилась уничтожить национальную принадлежность. Потом, после краха СССР, люди, наоборот, стали искать свою национальную идентичность — русскую, украинскую, грузинскую и т.д. Во многом точка, где находится это национальная самоидентичность, еще не найдена, и поэтому, как, например, с Георгиевской ленточкой, люди обращаются к истории, еще к царским временам, как к той точке, в которой можно найти свою национальную сущность. Я думаю, дело в том, что Россия, в общем то, никогда не была национальным государством — она всегда

была империей с большим количеством различных национальностей.

В.Я. Как Вы считаете, за последние 25 лет, прошедших после объединения Восточной и Западной Германии, преодолена ли уже ментальная разница между Востоком и Западом? Голосуют эти части Германии все-таки по-разному.

К.Х. Это очень интересный феномен: все-таки разница есть до сих пор, и чем старше поколение, тем больше разница в восприятии. Когда только произошло объединение Германии, западные немцы смотрели на отношения с Россией более оптимистично, более открыто и тянулись к России. В то время как восточные немцы, которые фактически находились под советской властью, были очень негативно настроены по отношению к России. А сейчас, наоборот, западная часть смотрит на Россию с подозрением, а восточная — довольно оптимистично.

В.Я. Когда мы работали над польским номером журнала, польские коллеги рассказывали мне, что результаты голосования в Польше можно географически очень четко разделить по границам тех районов, которые образовались двести лет назад в ходе раздела страны между Германией, Австрией и Россией.

К.Х. Ситуация в Восточной Германии в течение последних 25 лет, после объединения была очень похожа на Россию — практически все потеряли работу, и поэтому у многих по прошествии определенного времени, когда все пережили свою личную драму, возникла определенная солидарность с Россией. Даже несмотря на то, что в Восточной Германии уровень жизни был самым высоким в Варшавском блоке, а с другой стороны — в Западной Германии уровень жизни был самым высоким среди европейских стран.

В.Я. А что Вы думаете о будущем Европейского Союза, по поводу Брекзита?

К.Х. Дело в том, что в современном мире изменения происходят очень быстро, и большинство населения как в Германии, так и в Великобритании, или, например, в США — просто не успевают за этими изменениями — люди живут немного в «прошлом» мире. С другой стороны,

элиты — политические, журналистские и другие, которые как бы представляют точку зрения всего народа и имеют доступ к СМИ, — живут совершенно другой жизнью и могут вообще не знать, как живет простой народ. Например, в европейских странах большинство людей практически никогда не выезжали за границу. В то же время элита свободно путешествует по всему миру.

Другая проблема в том, что, несмотря на потрясающие успехи немецкой экономики, для обычного человека, обычного работника, необходимость глобализации достаточно иллюзорна, и выгода от нее для обычного человека не столь уж велика. Этим людям довольно сложно объяснить, почему необходимо переносить производства в другие страны, в то время как на родине закрываются угольная промышленность и машиностроительные предприятия. Это также влияет на непонимание простыми людьми каких-то глобальных процессов.

Еще одна сторона проблемы в том, что высокообразованная часть населения попевает за изменениями, связанными с трансформацией рабочей среды, она находит себя в быстро меняющемся мире, а люди, которые привыкли содержать семью за счет простой работы — нет. В процентном соотношении можно говорить о том, что, скажем, две трети населения могут адаптироваться к изменениям, а одна треть — нет. Раньше, скажем, ты мог работать водителем грузовика и содержать себя и семью, — сейчас же это практически невозможно. Более того, существуют прогнозы, что вскоре грузовики будут управляться автопилотом, и эта профессия вообще исчезнет.

В.Я. Я был недавно в Греции и беседовал с политиками, журналистами и экономистами. Там долгий экономический кризис. Но они уверены, что Европа будет продолжать их поддерживать дотациями и они будут жить, как жили раньше. И когда переезжаешь из Афин в Берлин, возникает проблема — ведь немцы могут спросить: а зачем нам кормить греков, испанцев и других?

К.Х. Проблема в том, что Германия как локомотив европейской экономики стала слишком сильной, слишком конкурентной и даже если

не брать восточноевропейские страны которые, естественно, не в состоянии конкурировать на этом поле, даже Франция не в состоянии конкурировать с Германией в еврозоне. И если уж кто-то должен покинуть Евросоюз так это, будет в первую очередь Германия.

В.Я. Новое поколение европейских политиков будет вынуждено преобразовывать Евросоюз и Европейское сообщество. В каком направлении?

К.Х. Я думаю, основная проблема заключается в том, что первое, что придется сделать, — это смириться с существованием двух типов валют: национальной валюты и наднациональной валюты типа Евро, которая представляет универсальное средство обмена для национальных экономик. А обычным людям, населению — им не нужна такая наднациональная валюта, чтобы например пойти в булочную или удовлетворить какие-то ежедневные нужды — им абсолютно достаточно национальной валюты.

В.Я. То есть какие-то срочные действия по введению двух валют будут необходимы в самом ближайшем будущем?

К.Х. Я не знаю. Это просто мое видение того, что система единой европейской валюты должна быть каким-то образом реформирована. И пример Греции здесь в том, что целая страна как бизнес-единица не работает.

В.Я. Многие экономисты высказывают мнение, что основная проблема современной мировой экономики в том, что денежная масса во много раз превышает реальный совокупный ВВП государств. Говорят, что финансовый сектор оторвался от реальной экономики, создавая все более сложные и непонятные инструменты.

К.Х. Как депутат, представитель своей партии, я был против этого греческого сценария, выделения денег, потому что это в первую очередь повлияло бы на настроения инвесторов во всей Европе. Сейчас трудно сказать,

когда ситуация изменится — через два года или через 20 лет, — потому что сейчас старые подходы к прогнозированию в экономике не работают, все меняется слишком быстро, и Центробанки и правительства уже не работают в тех условиях, в которых они думают что работают, как это было, скажем, 20 лет назад. Сейчас все изменяется слишком быстро, и что будет происходить дальше, в ближайшем будущем, никто не знает.

В.Я. Кристиан, Вы как молодой интеллектуал и политик наверняка понимаете, что необходимо конструировать образ будущего и свою новую политическую повестку. Иначе может появиться новый лидер-популист, который заявит немцам: а зачем нам этот Евросоюз?

К.Х. Здесь Германия находится в лучшей позиции, чем, скажем, Великобритания или США. Если мы посмотрим на их парламенты, на их правительства — это довольно зрелые, если не сказать, пожилые люди, в отличие от Германии, где благодаря существующей политической системе, системе политических партий, которые следят за молодежью, отбирают талантливую молодежь. Например, сейчас в Бундестаге около пятидесяти представителей моложе 40 лет, многие федеральные министры также моложе 40 лет — это хороший знак, это позволяет думать, что они будут как раз заботиться о будущем.

В.Я. Но вряд ли кто-то из них будет в 2017 году баллотироваться на пост канцлера?

К.Х. Ну, в 2017 году у нас еще есть Ангела Меркель (шутка) — а в будущем, конечно...

В.Я. А бывали ли Вы в России?

К.Х. Да, довольно много раз — наверное, раз десять, только в этом году я был в России четыре раза: в Москве, Санкт Петербурге, Сочи, Калининграде...

В.Я. Желаем Вам больших политических успехов и будем с большим интересом следить за Вашей карьерой.



© Текст: Виктор Ярошенко

Полнозвучье тишины



“

2 Jahr, den ich aufgeben hebe, liebe Hebe. Kerde wird
 Ich dir fort, den du den Felsen abbit. Seine Dage, da du
 Mann sehr im mir! Mir liegt es jeen Kose, che die n
 Plamen zufinden. Sie sind die Kerkensollgen für die a ch
 n. Wohlwerke.

1. Von guden Mädeln heu ich will anpfehen
 Auch ist es jetzt nicht so anders heu,
 So will ich diese Tage nicht auch lassen,
 Ich mit em ich gehen in den menschenzahn;

2. doch wie des alle Mann Hagen werden
 Ich die die ich was hören Tage sehen heu,
 Bei Heu, die manen aufgrubachten. Seuen
 des Hage, für die du mich geschickten heu.

3. Haud vor dich Du mich den anderen Kedd, den Hiken,
 der Lede, geführte die an den höchsten Rand,
 ich bin an mir im dank der ohne Fikten
 den einen guden K. gebühren heu.

4. Die willst Du was sind Kunst Friede zuden
 am diesen Hede K. den Same Olemg,
 denn ich in der Feigen-geme gehen,
 K. ob dem gelirt in muser Leben jeng.

5. Das kann ich die hegen heu steinma
 die Du in dem Jauchchen gelirt heu,
 fiter, kann es sein heu, in der aus jannma
 Kie haben es, den ich die seicht in der Heu.

6. Kennst du die Stille mich Hef am
 so den mich den jenen ellen K.
 den Hede, die Anselthorsten ma
 den Heden Kieker heu. Zolgen

7. Von guden Mädeln heu doch der jeng
 zu sehen wie jetzt, wo kennma
 Soll ich heu mich am Hede K. in
 in der jeng jeng an giden heu

8. Ich will Felsen in den Kerk
 jenen Hede in Dank heu heu
 jener. So in dem die
 Die Dage ist

ДИТРИХ БОНХЁФФЕР (нем. Dietrich Bonhoeffer; 4 февраля 1906, Бреслау, ныне Вроцлав — 9 апреля 1945, Флоссенбюрг, Бавария) — немецкий лютеранский пастор, теолог, участник антинацистского заговора. В 1933 протестовал против расовой политики нацистов и участвовал вместе с пастором Мартином Нимёллером в создании Исповедующей Церкви, которая выступала против попыток НСДАП подчинить себе лютеранскую церковь посредством создания пронацистской «Евангелической церкви германской нации». 9 апреля 1945 казнён через повешение в концлагере Флоссенбюрг (Бавария).

Дитрих Бонхёффер. Источник: <http://www.diasporanews.com/2015/02/07/pastor-fashizm/>
 Факсимиле. Источник: <http://www.predigten.uni-goettingen.de/archiv-8/bonhoeffer-faksimile.jpg>

*Стихотворение Дитриха Бонхеффера
“Von guten Mächten” как поэтическое
откровение и начало движения к
«безрелигиозному христианству».*

*Верно и тихо окруженный добрыми силами,
Охраняемый и утешаемый чудесным образом, –
Именно так я хочу прожить эти дни вместе с вами
И вместе с вами вступить в новый год.*

*Старый (год) все еще терзает наши сердца.
Все еще давит нас тяжелый груз недобрых дней.
О Господи, дай нашим испуганным душам
Вечное блаженство, для которого Ты нас и создал.*

*А если Ты подашь нам тяжелую чашу горечи
И страдания, наполненную до самых краев,
То мы примем ее с благодарностью и без дрожи
Из Твоей благой и любимой руки.*

*Однако если Ты пожелаешь еще раз даровать нам радость
От этого мира и света его солнца.
То мы, вспомнив прошедшее,
Отдадим Тебе целиком всю нашу жизнь.*

*Пусть тепло и светло горят сегодня свечи,
Которыми Ты осветил нашу темницу.
Если можно, соедини нас снова!
Мы знаем: Твой свет сияет среди ночи.*

*И когда глубокая тишина распространяется среди нас,
Дай нам услышать полнозвучье того мира,
Который незримо раскрывается вокруг,
Торжественное славословие всех Твоих детей.*

*Чудесно укрытые добрыми силами,
Спокойно ожидаем мы грядущего.
Бог вместе с нами и вечером, и утром,
И, конечно, каждый новый день.*

”

Человек, не занимающийся профессионально теологией или историей протестантизма, но все же интересующийся этими темами, при упоминании имени Дитриха Бонхеффера вспомнит, пожалуй, три момента: его участие в подпольной антигитлеровской группе, его размышления о безрелигиозном христианстве и его стихотворение “Von guten Mächten”, ставшее невероятно популярным песнопением. К нему-то я и предлагаю обратиться сегодня.

Однако вначале все же несколько слов об этом замечательном церковном деятеле и богослове. «Кто хочет быть святым — вон из церкви!» — цитирует в одной из своих проповедей Бонхеффер слова Мартина Лютера. Самому же пастору пришлось пережить на собственном опыте трагическую дилемму: остаться верным буквальному пониманию заповедей Божьих или из любви к своему народу и своим ближним взять на себя тяжкий грех? Думаю, не будет преувеличением сказать, что именно размышлениям над такой дилеммой и посвящен эпохальный труд Бонхеффера «Этика», с недавнего времени доступный и российскому читателю¹.

Вне всякого сомнения, Дитрих Бонхеффер является одним из самых известных героев и церковных мучеников XX столетия. Ему посвящено множество трудов, о его судьбе пишут художественные произведения, снимают фильмы и даже ставят мюзиклы. Его именем называются церкви. Хотя в лютеранстве и протестантизме в целом нет практики канонизации святых, но можно уверенно сказать, что Дитрих Бонхеффер является одним из самых важных протестантских святых. И в этом нет никакого противоречия с приведенной выше цитатой. Скорее, наоборот: только отказавшись от стремления к собственной святости, можно стать подлинным святым.

Дитрих Бонхеффер родился 4 февраля 1906 г. в Бреслау (ныне — Вроцлав, Польша). Он изучал богословие у крупнейших теологов той эпохи, среди которых можно назвать,

например, Адольфа фон Гарнака — главного представителя классической либеральной теологии. Впоследствии Дитрих оказался в окружении Карла Барта, во многом разделяя его идеи теологии кризиса. На пути его богословского становления было служение в немецкой протестантской общине Барселоны и стажировка в знаменитой Объединенной семинарии в Нью-Йорке, а также работа в Англии, откуда он возвращается Германию в 1935 году. Здесь он становится одним из главных действующих лиц Исповедующей Церкви, объединившей в себе немецких евангелических христиан, которые противились вмешательству тоталитарного государства в церковные дела. Бонхеффер организует и возглавляет вплоть до ее закрытия в 1937 году подпольную семинарию в Финкенвальде. В 1939-м, после поездки в Америку, он вновь возвращается в Германию — вопреки уговорам друзей и очевидной опасности. Именно в это время Бонхеффер начинает активно участвовать в антинацистском движении сопротивления, а именно — в подпольной группе, действовавшей под прикрытием абвера и адмирала Канариса. Бонхеффер также принимал участие и в подготовке покушения на Гитлера. Для богослова, который во многом оставался верен традиционному для того времени лютеранскому представлению о богоданности любой власти, политика и участие в ней явились тяжелым личным вызовом. Именно поэтому столь важным становится для него — опять же традиционно лютеранское — понимание этики как служения ближним из любви. «Любовь все переносит. Никакая вина, никакое преступление, никакой порок или несчастье не будут столь тяжелы, чтобы любовь не смогла на них посмотреть и взять их на себя. Ибо она знает: любовь сильнее самой большой вины». Эта дерзкая, но именно в своей дерзости бесконечно христианская мысль высказана в одной из его проповедей.

“Von guten Mächten”, особенно его заключительное четверостишие, являются сегодня

самыми цитируемыми словами Бонхеффера. Более того, последняя строфа песнопения считается, пожалуй, самым известным духовным текстом XX века вообще². Существует не менее семи только русских переводов и переложений этого песнопения³. Для него было написано не менее пятидесяти различных мелодий⁴. Изначально глубоко личное, почти интимное стихотворение стало популярнейшей духовной песней, использование которой сегодня можно назвать уже практически инфляционным⁵. Выражаясь резче, эти слова попросту «затаскали». Однако такая известность не может быть случайной и уже сама по себе нуждается в объяснении. Кроме того, стихотворение “Von guten Mächten” – последний дошедший до нас теологически релевантный текст Бонхеффера⁶. Пусть и ненамеренно, волею трагических обстоятельств, но именно он стал духовным завещанием этого богослова и церковного деятеля. И, наконец – независимо от своей последующей популярности и внешних обстоятельств – этот текст заслуживает нашего внимания уже в силу своих богословских и поэтических особенностей.

5 апреля 1943 года Дитрих Бонхеффер был арестован. Его письма из тюрьмы, адресованные родным и друзьям, легли в основу знаменитой книги «Соппротивление и покорность»⁷. Находясь в заключении, Бонхеффер интенсивно изучает духовную поэзию и именно в ней черпает для себя вдохновение и утешение, а также силы для душепопечительской помощи своим товарищам по заключению. В одном из своих писем он выставляет значимые для него тексты в весьма показательном порядке: песнопения Пауля Герхардта, затем Библия и, наконец, книги из библиотеки⁸.

Между июнем и декабрем 1944 года в письмах Бонхеффера мы находим десять его собственных стихотворений, последним из которых и является “Von guten Mächten”⁹. Интересно, что до этого времени Бонхеффер стихов вообще не писал. Его обращение к поэзии удивило его самого¹⁰, к своим по-

этическим попыткам он относился весьма критически, даже в какой-то мере дистанцировался от них¹¹. Бонхеффер действительно не поэт. В его стихотворениях, на мой взгляд, будет излишним искать особых чисто поэтических достоинств. Он сам ясно видел их художественные несовершенства¹², тем не менее продолжал писать снова и снова писать их.

Однако они вовсе не образуют единого цикла, между ними нет никакой внешней – ни формальной, ни стилистической, ни содержательной связи. Впрочем, Юрген Хенкис совершенно справедливо указывает на внутреннюю взаимосвязь “Von guten Mächten” с предпоследним стихотворением Бонхеффера «Иона» – ту связь, о которой мы еще скажем отдельно¹³.

В чем же причина обращения богослова к поэзии? Об этом подробно пишет известный современный богослов Аксель Денеке, размышления которого сводятся, на мой взгляд, к двум выводам.

Во-первых, в конце своего пути Бонхеффер распознает, что возможности поэзии в отношении нашей речи о Боге куда больше, чем возможности дискурсивного богословия. Денеке пишет: «Обе выразительные формы (музыка и поэзия. – А.Т.) в области «предпоследнего» приближаются к «последнему» и «окончательному» настолько, что в отдельных моментах речь даже может идти об их тождестве (с ним) <...> Удачная теология неизбежно переходит в поэзию <...>»¹⁴. Иными словами, поэзия – в отличие от теологии – способна (пусть лишь и в отдельные моменты) стать непосредственной выразительницей божественного, то есть – решусь перефразировать Денеке – собственно божественным откровением.

Во-вторых, такое понимание поэзии становится важным как раз в контексте мыслей Бонхеффера о безрелигиозном христианстве, которое для своего выражения в «совершеннолетнем мире» нуждается в новом языке. Денеке считает, что для Бонхеффера таким «новым языком» и должна бы-

ла стать поэзия. Соответственно, его поэтические опыты — это и есть не что иное, как практическая попытка говорить в рамках безрелигиозного христианства. Косвенным подтверждением этому служит то обстоятельство, что первые поэтические опыты Бонхеффер предпринимает уже через несколько недель после письменной фиксации своих размышлений о безрелигиозном христианстве¹⁵. Для Денеке нет сомнений в том, что обе области творчества Бонхеффера теснейшим образом связаны друг с другом.

Подытоживая, можно дерзнуть предположить, что, рассматривая стихотворение “Von guten Mächten”, мы получаем, во-первых, возможность (хотя бы просто возможность!) прикоснуться к божественному откровению и, во-вторых, возможность (опять же — хотя бы только возможность!) приблизиться к пониманию того, что Бонхеффер имел в виду под «безрелигиозным христианством», о котором до сих пор ведется столько споров.

Это стихотворение Дитрих Бонхеффер адресовал своей невесте — Марии фон Ведемайер, а также и своей семье в качестве новогоднего приветствия. Стихотворение датировано 19-м декабря 1944 года. Марии оно было передано подпольными путями, поскольку на данный момент корреспонденция для заключенного Бонхеффера была официально запрещена¹⁶.

Существуют несколько неплохих поэтических переложений данного стихотворения на русский язык, но я пока все же приведу его в дословном переводе.

*Верно и тихо окруженный добрыми силами,
Охраняемый и утешаемый чудесным
образом, —
Именно так я хочу прожить эти дни вместе
с вами
И вместе с вами вступить в новый год.*

*Старый (год) все еще терзает наши сердца.
Все еще давит нас тяжелый груз недобрых
дней.*

*О Господи, дай нашим испуганным душам
Вечное блаженство, для которого Ты нас
и создал.*

*А если Ты подашь нам тяжелую чашу горечи
И страдания, наполненную до самых краев,
То мы примем ее с благодарностью и
без дрожи
Из Твоей благой и любимой руки.*

*Однако если Ты пожелаешь еще раз даровать
нам радость
От этого мира и света его солнца.
То мы, вспомнив прошедшее,
Отдадим Тебе целиком всю нашу жизнь.*

*Пусть тепло и светло горят сегодня свечи,
Которыми Ты осветил нашу темницу.
Если можно, соедини нас снова!
Мы знаем: Твой свет сияет среди ночи.*

*И когда глубокая тишина
распространяется среди нас,
Дай нам услышать полнозвучье того мира,
Который незримо раскрывается вокруг,
Торжественное славословие всех Твоих детей.*

*Чудесно укрытые добрыми силами,
Спокойно ожидаем мы грядущего.
Бог вместе с нами и вечером, и утром,
И, конечно, каждый новый день.*

Первая строфа, которая содержит личное обращение и упоминание Нового года, явилась главным препятствием в популяризации данного текста как песни, поэтому в некоторых переводах ее пытались либо переделать, либо вовсе обойти¹⁷.

Однако именно слова о «добрых силах», встречающиеся уже в самой первой строфе и повторяющиеся в самой известной — последней седьмой строфе, вероятно, стали самой главной причиной популярности этого стихотворения. Аксель Денеке очень точно подметил: если бы в стихотворении стояло, например: «Верно и тихо окруженный Божьей милостью», то оно вряд ли настолько

затрагивало бы читателей¹⁸. Выражение «добрые силы» сразу же бросается в глаза¹⁹, оно беспримерно в западной духовной поэзии; подобных примеров более нет ни в традиционных песнопениях или иных духовных текстах, ни в лютеровской Библии²⁰. Именно в нем Аксель Денекке видит попытку Бонхеффера говорить на безрелигиозном языке: «Ибо (выражение) “добрые силы” широко открыто для того, чтобы и секуляризованный, далекий от религии читатель или слушатель <...> мог бы связать с ним свой опыт “трансцендентного”, то есть того, что его превосходит и не может быть им определено <...> Это не обязательно должен быть Бог или Его “небесные воинства”, это может быть любой “доброй силой”, которая придает смысл моей жизни: как неким внешним воздействием, так и внутренней крепостью, определяющей мое бытие. Все остается открытым, сознательно открытым»²¹.

Собственно, сам Бонхеффер довольно точно описывает, что он подразумевает под «добрыми силами», в сопроводительном письме к этому стихотворению: «Это будут очень тихие дни в наших домах. Но я снова и снова переживал, что чем тише становилось вокруг меня, тем более отчетливо ощущал я мою связь с вами. Словно бы душа в одиночестве формирует органы, которые мы почти не знаем в наших буднях. Поэтому я ни одного момента не ощущал себя одиноким и оставленным. Ты, мои родители, все вы, все друзья и ученики на фронте, вы всегда совершенно рядом со мной. Ваши молитвы и добрые мысли, библейские цитаты, давно прошедшие разговоры, музыкальные произведения, книги обретают жизнь и реальность как никогда раньше. Это великое, незримое царство, в котором живешь и в реальности которого не можешь сомневаться. Если в старой детской песенке так говорится об ангелах: “те, что меня укрывают, те, что меня будят утром”, то это охранение добрыми, незримыми силами вечером и утром есть то, в чем мы, взрослые, сегодня нуждаемся не меньше, чем дети»²².

Используя подчеркнуто нерелигиозное выражение «добрые силы», Бонхеффер утверждает: речь идет о том, что на религиозном языке именуется «ангелами». Те, кого мы традиционно именуем ангелами или даже своими ангелами-хранителями, — не что иное как «молитвы и добрые мысли, библейские цитаты, давно прошедшие разговоры, музыкальные произведения, книги»! Именно они — а не какие-то мифологические сверхъестественные существа — хранят нас, оберегают и утешают в трудный час. Именно они — предвосхищая последнюю строфу, где вновь звучит этот мотив — дают нам силы спокойно глядеть в будущее. Интересно, что практически все комментаторы отмечают: несмотря на такой почти вызывающе нерелигиозный язык, в первой строфе имеются и очевидные языковые отсылки к тексту лютеровской Библии (а именно: к Пс. 138, 5 и Пс. 90, 11): «Сзади и спереди Ты объешь меня, и полагаешь на мне руку Твою» и «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих»²³.

Помимо этого, «добрые силы» — еще и то общее поле, в котором заключенный в тюрьме Бонхеффер все равно остается единым со своими родными и близкими. Именно эти «добрые силы» преодолевают самые большие расстояния, пронизывают самые толстые стены. Это и есть конкретные проявления святого, божественного, трансцендентного; именно благодаря им мы ощущаем Божье присутствие в нашей жизни. Вернее (говоря на «безрелигиозном» языке), «молитвы и добрые мысли, библейские цитаты, давно прошедшие разговоры, музыкальные произведения, книги» и многое другое подобное этому, и есть то, что религиозные люди именуют на своем языке «ангельским» и «божественным» миром. По сути дела, в своем стихотворении Бонхеффер осуществляет радикальную «демифологизацию» традиционных религиозных понятий, причем делает он это максимально щадящим, внешне незаметным образом (любопытно, что песнопение “Von guten

Mächten” довольно популярно и в самых консервативных, даже фундаменталистских кругах).

Трагически разъединенный со своими близкими в новогоднюю ночь, но все же единый с ними в том общем поле, которое создают «добрые силы», Дитрих Бонхеффер отдает себе отчет в том, что Новый, 1945 год станет последним годом его жизни: он был казнен нацистами 9 апреля 1945 г. в замке Флоссенбюрг... Показательно начало второй строфы: его сердце терзает не ожидание грядущей беды, а «давит тяжелый груз недобрых дней» старого года, того самого 1944-го, когда его разлучили с близкими — навсегда. Угроза, нависшая над Бонхеффером, — это угроза из прошлого. Будущее — какими бы ни были конкретные, внешние перспективы — это всегда пространство надежды, вернее сказать, пространство спасения, а еще точнее — пространство того, что обозначается немецким словом „das Heil“. Это важнейшее в немецком религиозном, поэтическом, политическом, да и в самом бытовом языке слово, к сожалению, невозможно однозначно перевести на русский. В религиозных текстах оно обычно стоит на тех местах, где в русских находится слово «спасение». Однако „das Heil“ означает не просто избавление от какой-либо беды или угрозы, а все то, что содержит в себе это слово: благополучие, блаженство, благо — в том числе и вечное.

Важно, крайне важно, что мольба об этом спасении или вечном благе, с которой Бонхеффер обращается к Господу в конце второй строфы, является не итогом, а предпосылкой двух последующих строф. Это вечное спасение/вечное блаженство способно включать в себя и то и другое: и ведущие к смерти страдания, и возможность избавления от этой опасности, а также обычную человеческую радость о «мире и свете его солнца». Фактически размышления о двух возможностях, с которыми может столкнуться заключенный в будущем, обрамляются двумя взаимосвязанными высказываниями: во-

первых, мольбой о спасении/вечном благе, во-вторых, отдачей своей жизни в ее целостности в руки Господа. Позволю себе предпочесть, что конец второй строфы и конец четвертой разными словами говорят об одном и том же: «О, Господи, дай нашим испуганным душам / Вечное блаженство, для которого Ты нас и создал» и «То мы, вспомнив прошедшее, / Отдадим Тебе целиком всю нашу жизнь». Вечное блаженство и означает осознание того, что вся наша жизнь принадлежит Богу, говоря словами первой и последней строфы, повелителю «добрых сил».

Слова о «полной страданий чаше», которую мы готовы принять из рук Господа, могут показаться обычной благочестивой и патетической банальностью. Однако, при чуть более внимательном рассмотрении, они могут вызывать чувства предельного неудобства и сомнения. Очевидно, что в них находит отголосок история мольбы Иисуса Христа о чаше в Гефсиманском саду. Однако в словах Христа не было ни капли благочестивого энтузиазма и пафоса. Он молил как раз с дрожью в голосе и даже с кровавыми слезами. Во всяком случае, о благодарности там речи не было. Может ли обычный верующий человек оказаться в похожей ситуации «благочестивей» и тверже самого Господа? Насколько искренне такое утверждение Бонхеффера? На чрезмерную категоричность его слов справедливо обращает внимание, например, Юрген Хенкис²⁴, однако не давая, на мой взгляд, убедительного ее объяснения. Мне кажется, Бонхеффер осознанно формулирует эти строки так, чтобы они звучали не как религиозная, а как любовная лирика. Слова о «благой/доброй и любимой руке» хотя и не кажутся вовсе уж экзотическими в религиозном контексте, они гораздо лучше вписываются в рамки именно любовной лирики. Конечно, здесь можно вспомнить о традиционной бернардинской эротической мистике, которая как раз была связана со страстными мотивами и отнюдь не была

чужда лютеранской духовной поэзии²⁵. Однако и чисто светские мотивы любовной лирики могли сыграть здесь свою роль. Разумеется, Дитрих Бонхеффер не мог ничего знать о поэзии Николая Гумилева, но мне бросается в глаза невероятная близость этих его строк со стихотворением Гумилева «Отравленный», где описывается человек, сознательно принимающий растворенный в вине яд из рук своей неверной и коварной возлюбленной:

*«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»*

*Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью, и выпью с улыбкой
Все налитое ею вино²⁶.*

Речь идет совсем о другом контексте, но готовность из любви - не столько чопорно-благочестивой, сколько именно страстной и самозабвенной любви - принять чашу яда из любимых рук, восприятие такого питания как, собственно, высшего акта любви выглядит очень похожей. Приведенная мною поэтическая иллюстрация показывает, что Бонхеффер, как мне кажется, дерзновенно соединяет в своем стихотворении традиционные мотивы мученичества, терпения и покорности — со страстным любовным порывом.

Пятая строфа буквально дышит адвентско-рождественским настроением: зажженные свечи — непрменный элемент домашнего убранства в это время года. В стихотворении Бонхеффера именно они — уютные и домашние (можно было бы сказать: почти мещанские) — символизируют тот свет, который приносит в нашу жизнь Бог. Его сияние — не всегда ослепительно-свято, оно может, а порой и должно быть очень простым, домашним. И еще — в этой строфе содержится единственный во всем стихот-

ворении восклицательный знак. Он стоит после фразы: «Если можно, соедини нас снова!»²⁷. И возможно слова эти образуют, на первый взгляд, неочевидный центр всего произведения, его внутренний смысл: отчаянная мольба о новой встрече с близкими людьми. Именно в этом случае Бонхеффер не может сдержать своих эмоций, именно здесь прорываются его глубочайшие чувства. Ничто не может заменить того неповторимого чувства, когда держишь в своей руке руку близкого человека, вместе смеешься, молишься, разговариваешь друг с другом, рядом друг с другом ешь, пьешь, спишь. В конце концов, это и есть глубочайший смысл божественной реальности — опыт человеческой любви, близости и тепла. Сам Бонхеффер вряд ли до конца согласился бы с таким отождествлением. По крайней мере, в своей, написанной уже в заключении и довольно традиционной по содержанию проповеди на венчание своих друзей Ренаты и Эберхарда Бетге он достаточно четко разделяет человеческую любовь и божественное обетование²⁸. Но все же, как мне кажется, в своем стихотворении “Von guten Mächten” Бонхеффер идет дальше, нежели в богословских и этических размышлениях, переходя грань ортодоксальных теологических различий, что, среди прочего, и делает этот текст столь важным и ценным для нас.

Особый интерес в этом стихотворении представляет шестая строфа. Она начинается со слов о тишине, распространяющейся вокруг самого Бонхеффера и его близких. Это и тишина тюремных ночей, это и тишина предрождественских настроений, это и внутренняя тишина души пред Богом. Но здесь можно вернуться к тому, о чем мы вскользь упомянули в самом начале. Именно этот мотив, по мнению Хенкиса, роднит наше стихотворение с предпоследним стихотворением Бонхеффера «Иона». Приведу его в своем поэтическом переводе:

Они вопили в страхе, их швыряло, било
По палубе, исхлестанной ветрами.
Бушующее море за бортами
Им неминуемой погибелью грозило.

«Святые, благие и праведные боги,
Подайте знак, из-за кого гневитесь!
Клятвопреступник ли на корабле,
убийца?
Винить кого-то нам в кощунстве иль
подлоге?»

Кто тайным злом своим на нас беду
накликал?»

Они молились так. И вот Иона
Кричит сквозь бурю: «Люди, я виновен.
Я непокорен был небесному Владыке.

Зачем вам грешника щадить себе
на горе?
Избавьтесь от меня!» Затрепетали
Они сперва. Но все ж Иону взяли
И в воду бросили. И мигом стихло
море²⁹.

Здесь речь идет об одном из самых драматических эпизодов в истории библейского Ионы. Очень важно сказать, что стихотворение написано после того, как Бонхеффер был вынужден отказаться от уже готового побега, чтобы не компрометировать своих только что арестованных родственников и друзей³⁰. Бонхеффер отождествляет себя с Ионой в этой истории и видит предстоящую гибель как жертву, приносимую за свой народ. Об этом стихотворении можно говорить долго. Но для нас сейчас особенно интересно, что «Иона» заканчивается словами о тишине, которая настала на море, а в своем следующем стихотворении, о котором мы сейчас и говорим, Бонхеффер подхватывает этот мотив. Впервые он звучит уже в самой первой строчке: «Верно и *тихо* окруженный добрыми силами», но особенно ярко всплывает в шестой строфе. Можно предположить, что речь в ней уже идет не столько о фактической, сколько об эс-

хатологической тишине. В этой тишине — и предчувствие собственной гибели, и предвещие великого избавления.

Именно в многослойной тишине можно услышать полнозвучье того мира, который незримо раскрывается вокруг нас. Это, конечно, в первую очередь тот незримый мир, о котором речь идет в Символе веры; мир, недоступный нашим земным органам чувств. На это указывают почти все комментаторы³¹. Но для меня важно другое: ежели многослойная тишина вокруг нас, то и этот мир нельзя сводить лишь к одной трансцендентной сфере. Это гораздо более сложная реальность. Достаточно вспомнить, что обычный, обыденный мир расстилался вокруг самого Бонхеффера лишь незримо, был недоступен ему за тюремными стенами. Так мы еще раз видим, как религиозные, трансцендентные реалии сливаются в этом стихотворении с самыми обыденными, образуя с ними единое поэтическое целое. И то пение, которое наполняет этот мир, соединяет в себе и ангельское пение, библейское «Слава в вышних Богу», и обычное рождественское пение верующих в церквях и дома и неслышное звучание тех самых «добрых сил», которые и есть истинно ангельская реальность.

Следует также добавить и то, что эти слова в стихотворении, возможно, были своего рода ответом на письмо, которое Мария, невеста Дитриха Бонхеффера прислала ему в тюрьму еще на предыдущее Рождество — о своих недавно погибших на восточном фронте отце и брате: «Знаешь, они действительно стали ангелами, и это не просто детская вера. Я совершенно точно знаю это, и ты должен это знать» и Мария добавляет при этом, что они по-своему говорят с живыми, причем, как правило, по ночам³². Таким образом, в это полнозвучье тишины вливаются и вполне конкретные голоса живых и мертвых близких. Незримый, божественный мир — это не догма, это вполне конкретная осязательная и слышимая реальность для поэта, даже в тюремной камере. Может быть, даже *особенно* в ней.

Наконец, седьмая, самая известная строфа стихотворения. На первый взгляд она кажется предельно простой. И в ней вновь поэт говорит о «добрых силах». Но теперь они не просто окружают, но и оберегают нас. Это действительно *силы*. Их присутствие позволяет нам спокойно смотреть в грядущее, поскольку их присутствие и есть знак и выражение того, что Бог сопровождает нас. Их присутствие — это присутствие Бога. Какая бы участь нас ни ждала, Бог будет с нами: «и вечером, и утром, и, конечно, каждый новый день». Аксель Денеке отмечает, что это выражение «новый день» можно понимать сразу на нескольких уровнях: это и просто новый день, следующий за вчерашним ушедшим, и новый день в радикальном эсхатологическом смысле — как вечная жизнь, и первый день каждой новой человеческой жизни, и момент всякого нового начинания или поворота в нашей судьбе³³. Ни один новый порог в нашей жизни не будет слишком высок для Бога!

Юрген Хенкис обращает внимание на слово «чудесно» („wunderbar“). Он подробно пишет о том, какое значение для Бонхеффера в заключении приобрело духовное песнопение Готфрида Арнольда „So führst du doch recht selig, Herr, die Deinen“. Это песнопение Дитрих подробно обсуждал и в своей переписке с невестой. При этом в данном песнопении (как и во многих других) пути, которыми ведет нас по жизни Бог, обозначаются словом „wunderlich“, то есть «странные, причудливые». Имеется в виду, что они, по крайней мере на первый взгляд, нам непонятны. Не исключено, что и в своем стихотворении Бонхеффер использует слово „wunderbar“ не только и не столько в смысле «чудесно», сколько в значении «непостижимо». То есть речь идет о том, что «добрые силы» оберегают нас отнюдь не очевидным образом, что их сила открывается, как учил Лютер *sub contrario*, то есть «под видом противоположного», что неудачи и катастрофы на жизненном пути ни в коем случае не означают, что Бог нас покинул³⁴.

Мне же бросается в глаза, что Бонхеффер в этой строфе прямо говорит о том, что Бог сопровождает нас утром, днем и вечером. Но слово «ночь» здесь отсутствует. Случайно ли это? Мне кажется, за этим стоит глубокий личный опыт: ночь — это время, когда демоническое, злое, чуждое берет верх. Есть ситуации, когда Бог действительно оставляет нас. Страшный опыт. Через сколько таких ночей пришлось пройти самому Дитриху Бонхефферу? Через сколько таких ночей прошли миллионы и миллионы других людей? Но, не пройдя через ночь, не встретишь и утра. Такой опыт богооставленности, при всей своей тяжести, необходим. Это то самое *tentatio, Anfechtung*, о котором Лютер писал как о необходимом элементе христианской духовной жизни: «*Tentatio*, искушение — это испытание, которое учит тебя не только учить и знать, но и (по-настоящему) переживать то, насколько праведно, насколько истинно, насколько сладко, насколько драгоценно, насколько могуче, насколько утешительно Божье Слово, мудрость сверх всякой мудрости <...>. Ибо как только Слово Божие начинает проповедоваться тобой, тебя сразу же посещает дьявол, чтобы сделать тебя подлинным доктором и научить тебя через свое искушение искать Слова Божьего и любить его»³⁵.

Долгое время из всего стихотворения Дитриха Бонхеффера была известна только эта — заключительная седьмая строфа. Причем она пользовалась популярностью прежде всего именно у молодых христиан в ГДР. Соответственно, и первая мелодия была написана Отто Абелем только для нее, поэтому в ней предусматривалось повторение третьей и четвертой строчек³⁶.

Как уже было сказано, сегодня насчитываются десятки мелодий для этого стихотворения, самой популярной из которых, по наблюдению Юргена Хенкиса (и в этом я с ним согласен), является мелодия, написанная в 1970 году Зигфридом Фитцем в стиле сакро-поп³⁷. Интересно (и вызывает множество сомнений и вопросов)

то, что седьмая строфа в ней превращена в рефрен; тем самым она перестает быть итогом, к которому приходит поэт в результате своих размышлений и переживаний, и заранее предвосхищает то, что еще только нужно достичь, идя предложенным им путем³⁸.

Весьма любопытной является дискуссия: стремился ли Дитрих Бонхеффер, создавая свой текст, написать стихотворение — или все-таки песню? Если все же предположить, что это именно песнопение (строфы в манускрипте Бонхеффера пронумерованы так, как это делается только в сборниках песнопений), а также интенсивные размышления Бонхеффера в тюрьме о традиционных хоралах, значит, он писал именно песнопение. Однако какие-либо упоминания о том, что он написал песнопение, отсутствуют. Стихотворение, по крайней мере первых строк, носит сугубо личный характер, что неприменимо в традиции протестантских духовных песнопений и, соответственно, к нему было бы невозможно подобрать готовую мелодию³⁹. И это, например, еще в 2003 году отметил Хенкис, однако позже он изменил свое мнение относительно последнего аргумента, обратив внимание на то, что размер стихотворения Бонхеффера совпадает с первой частью строф как раз в уже упомянутом нами песнопении Арнольда „So führst du doch recht selig, Herr, die Deinen“. Благодаря этому Хенкис теперь склоняется к мысли, что аргументы «за», будто бы Бонхеффер намеревался написать именно песнопение, перевешивают аргументы «против».

На мой взгляд, с этим можно было бы легко согласиться, если бы не действительно личный, интимный характер текста⁴⁰. Мне кажется, что замысел Бонхеффера был гораздо сложнее и не вписывался в рамки простой альтернативы: песнопение или стихотворение? Его текст — это действительно песня, но песня, не предназначенная для фактического пения и тем более широкого распространения в таком качестве. Раз

существует жанр «песня без слов», то почему бы не быть «песни без мелодии»? Именно о таком произведении и идет речь. Это интимная и в то же время духовная песня для самого Бонхеффера и его близких, гимн, который не нуждается в конкретной мелодии, плач который должен звучать в их душах, вливаясь в то самое полнозвучье незримого мира.

Да, стоит согласиться с Акселем Денеке: есть что-то неправильное в том, что столь личный текст стал столь широко распространенным песнопением, своего рода церковным «шлягером»⁴¹. Но, если вспомнить то, что мы говорили в самом начале о родстве поэзии и музыки, которые преодолевают границы нашего мира и способны, пусть лишь на мгновение, дать нам прикосновение к самому Божеству, то не приходится удивляться, что в данном случае поэзия соединилась с музыкой, а слова Дитриха Бонхеффера звучат теперь не только в глубине сердец, но благодаря многочисленным мелодиям наполняют собою нашу церковную и повседневную жизнь, вновь и вновь давая нам ощутить новые грани божественного Откровения.

*Чудесно силами добра хранимы,
Спокойно мы в грядущее глядим:
Бог среди нас и вечером, и утром;
Мы каждый новый день встречаем с Ним.*

Примечания

- 1 См.: Дитрих Бонхеффер. Этика, М., 2013.
- 2 Так совершенно справедливо отмечает Юрген Хенкис (Jürgen Henkys, Dichtung, Bibel und Gesangbuch. Hymnologische Beiträge in dritter Folge, Göttingen 2014, с. 175).
- 3 Подробнее см. мою диссертацию: Anton Tikhomirov. Dialog vor Gott. Deutsche Kirchenlieder auf Russisch: theologische und sprachliche Wandlungen, <https://opus4.kobv.de/opus4-fau/frontdoor/index/index/docId/140> с. 217-250.
- 4 Jürgen Henkys. Von guten Mächten treu und still umgeben // Geistliches Wunderhorn. Große deutsche Kirchenlieder, München 2003, с. 460. Немецкая Википедия исходит

- и вовсе из числа 70, см.: https://de.wikipedia.org/wiki/Von_guten_M%C3%A4chten_treu_und_still_umgeben
- 5 Это выражение совершенно справедливо использует Аксель Денеке в Axel Denecke: „Gott ist bei uns...“. Theopoesie. Dietrich Bonhoeffers späte Wende zu einer poetischen Theologie. Wiesbaden-Berlin, 2014, с. 11.
- 6 *Henkys*, Von guten Mächten treu und still umgeben, p. 454.
- 7 Dietrich Bonhoeffer Werke, т. 8, Widerstand und Ergebung, Gütersloh 1998.
- 8 Dietrich Bonhoeffer Werke, с. 44. На этот порядок обращает внимание и Хенкис (см.: *Dichtung*, с. 185).
- 9 Интересным может показаться тот факт, что стихотворения возникали непосредственно до и в течение нескольких месяцев после неудавшегося покушения на Гитлера, в подготовке которого Бонхеффер и принимал участие (см.: *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 454).
- 10 *Henkys*. *Dichtung*, с. 175.
- 11 *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 10.
- 12 Dietrich Bonhoeffer Werke, с. 491.
- 13 См.: *Henkys*. *Dichtung*, с. 176-178.
- 14 *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 44-45.
- 15 Там же, с. 9-10.
- 16 *Henkys*. *Dichtung*, с. 178-179.
- 17 *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 460.
- 18 *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 33.
- 19 Там же.
- 20 *Henkys*. *Dichtung*, с. 181.
- 21 *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 33.
- 22 Цит.: по *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 456.
- 23 *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 456.
- 24 *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 457, или *Henkys*, *Dichtung*, с. 181.
- 25 См., напр.: Geistliches Wunderhorn. Große deutsche Kirchenlieder. München 2003, с. 279.
- 26 Цит. по <http://pishi-stihi.ru/otravlennyj-gumilev.html>
- 27 Это точное наблюдение содержится, напр., в *Henkys*, *Dichtung*, с. 182.
- 28 См.: *Дитрих Бонхеффер*. Проповеди, толкования, размышления. Т. 2. 1935–1945, М., 2014, с. 365-371.
- 29 Цит. по Дитрих Бонхеффер, Проповеди, толкования, размышления, с. 409.
- 30 *Henkys*. *Dichtung*, с. 177.
- 31 См., напр.: *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 458.
- 32 См.: *Henkys*. *Dichtung*, с. 182.
- 33 *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 36.
- 34 *Henkys*. *Dichtung*, с. 192 и далее.
- 35 См., напр.: *M. Luthers*. Vorrede zum ersten Band der Wittenberger Ausgabe der deutschen Schriften, 1539, WA 50; 658, 29-661,8.
- 36 Подробнее см.: *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 459.
- 37 Там же, с. 460-461.
- 38 Там же.
- 39 См.: *Henkys*. Von guten Mächten treu und still umgeben, с. 455.
- 40 Особое внимание на это обращает Аксель Денеке (см.: *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 32).
- 41 *Axel Denecke*. „Gott ist bei uns...“, с. 32-33.



© Текст: Антон Тихомиров

***ПАСТОР АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ ТИХОМИРОВ**, ректор семинарии Евангелическо-лютеранской Церкви Европейской части России, доктор теологии. Основные тезисы статьи были изложены автором в докладе «Реформационная проблематика в поэтическом наследии пастора Дитриха Бонхёффера» на 19-й Международной конференции памяти отца Александра Меня «Наследие Реформации в контексте межхристианского диалога», состоявшейся в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 13 октября 2017 года.

Мюнхенская конференция

ЧЕТВЕРТАЯ
ПРОМЫШЛЕННАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И БУДУЩЕЕ
РЫНКА ТРУДА

ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ О ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Цифровой мир — это настоящая четвертая промышленная революция, радикально изменившая рынок труда. Как эта революция конкретно повлияет на рынок труда в будущем и какие ответы на эти изменения мы должны найти? Насколько социальная рыночная экономика в ее сегодняшней структуре гибка, чтобы подстроиться под эти изменения или ее надо готовить загодя, используя радикальные реформы, как утверждает Томас Заттельбергер. Касаются ли эти изменения России и Германии? В одинаковом объеме? Способны ли наши системы образования перестроиться под эти новые времена? Можно ли объединяться на международном уровне или это соревнование на «выживание самого способного»?

В рамках Форума Гайдара-Науманна 30 мая 2017 г. в Мюнхене состоялась дискуссия «Четвертая индустриальная революция и будущее рынка труда».

HT 8 9A
0308
9AY-D
E105181



6868
PTICT FOC QA
LOTNO. 302307C

MADE IN TAIWAN

Вел мероприятие **Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен**, с приветственным словом к участникам обратился **Андрей Нечаев**, член Попечительского совета Фонда Егора Гайдара, министр экономики России в 1992-1993 годах. С докладами выступили **Томас Заттельбергер**, председатель «MINT: создаем будущее», и **Владимир Гимпельсон**, директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ, лауреат премии Егора Гайдара. Вместе с **Яковом Уринсоном**, министром экономики России в 1997-1998 годах, коллеги обсуждали процесс цифровизации в России и Германии, отвечали на вопросы публики и ведущего подиумной дискуссии **Томаса Ланге**, руководителя кафедры профессионального образования Академии технических наук в Мюнхене. С заключительным словом выступил **Виктор Ярошенко**, главный редактор журнала «Вестник Европы», член Управляющего совета Фонда Егора Гайдара. Публикуем текст выступления Томаса Заттельбергера.

Публикация **Ирины Вершининой**

Томас ЗАТТЕЛЬБЕРГЕР*

Будучи руководителем отдела кадров в *Deutsche Telekom* я тоже участвовал в процессе перехода к цифровым технологиям. Когда в середине 2012 года я уходил на пенсию, вместе со мной преждевременно было отправлено на пенсию 54 тысячи сотрудников, более 30 тысяч были наняты вновь на другие должности и более 70 тысяч прошли процесс переобучения. Почему так получилось? Потому что в *Немецком Телекоме* внедрялись новые технологии, этот процесс стал по сути прототипом технического развития страны и показателем того, что происходило в обществе: сокращение, преобразование, восстановление.

1.

Самый интересный вопрос в этой связи: как глобоко вошло это в систему рынка труда, в частности — в экономике? Последние два года в качестве эксперта я активно слежу и сопровождаю процесс «Рынок труда 4.0» Министерства труда. Должен отметить, что «сопровождать» для меня не означает констатировать и прославлять сегодняшнюю политику рынка труда, а критически (в хорошем смысле этого слова) оценивать различные перспективы его будущего. Позвольте мне назвать шесть тезисов. Кратко остановлюсь на каждом из них.

2.

Изобретение ткацкого станка в 1784 году стало началом первой промышленной революции; вторая промышленная революция случилась в 1870 году с появлением конвейера на скотобойне в Цинциннати (штат Огайо, США). Третья промышленная революция, если мы хотим идентифицировать ее в Германии, пришлось на внедрение программируемых систем управления фирмы *Trumpf* в Швабии, компьютеризации работы (т.е. все то, что мы сегодня называем «тойотизмом» от слова «Тойота»). А сейчас мы наблюдаем четвертую промышленную революцию, которая состоит из двух частей, если такое деление вообще можно провести. Промышленность 4.0 — это *программируемое управление всем и всего*: отдельных частей и целых сетей, и не только в промышленной продукции, но и в работе с клиентами и поставщиками. Это — с одной стороны. С другой же — это новые интеллектуальные услуги (например такие, какие предоставляет *Uber* или *Amazon*). По некоторым подсчетам, цифровые фирмы уже забрали себе 23-24 процента немецкого торгового рынка. Вот четыре промышленные революции, о которых мы говорим, но для наших рос-

* **ТОМАС ЗАТТЕЛЬБЕРГЕР**, председатель «MINT: создаем будущее» — объединения немецких работодателей, цель которого решить существующую нехватку квалифицированных специалистов в экономике Германии в области науки и техники, поднять на более высокий уровень образование в области математики, информатики, естественных наук и технологий.

сийских друзей, скорее всего, более приемлема система циклов, придуманная Кондратьевым. Позднее Шумпетер ввел для них термин «длинные волны экономического развития». Первая волна включала в себя все, что было связано с Вернером Сименсом, Робертом Бошем, Даймлером (то есть сила, мануфактура, механика). Вторая волна — это телеграф, фотография, сталь. Третья волна — энергия, электросети, электротехника, телефония. Четвертый — «Кондратьевский цикл» — характеризовался мобильностью, телевидением, воздушным сообщением, ядерной энергией, искусственными материалами. Пятый цикл — эра информационных технологий, а шестой — сетевое подключение, хотя Кондратьев его так не называл.

Интересно для нас то, что большинство наших крупных фирм были созданы во второй и третий «Кондратьевский циклы». Это *Сименс*, *Даймлер*, *Хенкель*, *Байер*. И только одна фирма образовалась в пятый цикл, это фирма SAP (разработчик универсального программного обеспечения). Таким образом, если мы говорим о промышленности, обозначено поле, где возможны проблемы. Но тема использования цифровых технологий касается и программного обеспечения. Очевидно, что промышленная революция 4.0 затрагивает все сферы: интеллектуальными услугами пользуются сегодня банки, страховые компании, торговля (к примеру, *Amazon*), гостиничная отрасль (например, *Airbnb*). И речь уже идет не только об экономике: затрагивается и экосистема, и система здравоохранения. Например, каким образом обеспечить медицинское сопровождение в отдаленных уголках страны, принимая во внимание демографическое развитие в следующие 20 лет? Каково будет соотношение между «телемедициной» и стационарным обслуживанием? Без цифровых технологий мы не обойдемся. Это касается и отношения граждан к открытому правительству, актуальна вся тема «электронного правительства» (e-government).

3.

Третий тезис определяется сильными позициями Германии как высокоразвитой промышленной страны. Я бы назвал Германию «индустриальным бюро мира». Поскольку этот уровень сам по себе

очень высок, то в условиях промышленной революции 4.0 мы уже задумываемся об интеллектуальных предприятиях, повсеместном применении роботов в производстве. В этой связи все большее внимание мы уделяем промышленной, а не сервисной робототехнике.

Однако надо признать, что в области интеллектуальных услуг на цифровом уровне Германия пока еще не столь успешна. Если сравнить, например, состояние дел с электронными медицинскими картами в Дании — то там уже 80% граждан являются счастливыми обладателями электронных медицинских карт. США применяют цифровые технологии в первую очередь не в промышленности, а в сфере услуг. Я бы сказал, что у них не промышленность 4.0, а интеллектуальные услуги 4.0. Они, например, начали с электронного университета (*e-university*), это практически первый онлайн-университет, в котором сейчас обучается 12 миллионов человек из более чем 150 стран. А еще *Amazon*, *Uber*, *Airbnb* и т.д. А сейчас на примере фирмы *Tesla*, которая купила (машиностроительную) фирму *Grohmann*, мы наблюдаем, как американские интернет-гиганты медленно перемещаются из сферы интеллектуальных услуг в промышленную область.

Таким образом, мы видим две совершенно разные философии мышления и разные схемы действий по внедрению цифровых технологий. И многие эксперты в этой стране говорят, что мы должны торопиться, иначе в сфере интеллектуальных услуг 4.0 мы проиграем. И если мы не предпримем решительных шагов, мы их не догоним.

Хочу добавить еще кое-что. У меня была возможность посетить фабрики *General Electric* в США. Конечно, не сравнить с *Siemens*, но хочу подчеркнуть: как оказалось, американцы хороши не только в области интеллектуальных услуг, они достигли высокого уровня и в промышленной революции 4.0.

4.

Четвертый тезис — скачки в развитии технологий и культура труда, поскольку обе эти элемента взаимосвязаны. С установкой первых механических ткацких станков появилась фабрика, изменилась вся работа по производству продукции. С изобретением конвейера на скотобойне в Цин-



И.А. Буйлова



С.К. Дубинин



Анатолий Чубайс



Борис Минц



J. Zeynep



© Фото: В. Ярошенко

Карл-Хайнц Паке



Эрнст Йорг фон Штудниц



Евгений Ясин



Андрей Нечаев



Мюнхенская конференция

Freiheit.org

FÜR DIE FREIHEIT

Liberaler lesen Liberal

Dr. Thomas Lange

Vladimir Gimpelson

Jacob Urinson

Долженко

циннати работа была поставлена «на поток»; Генри Форд на своих автомобильных заводах довел ее до совершенства. С введением программируемого управления началась компьютеризация офисов, всей системы администрирования. Сейчас, в эпоху промышленной революции 4.0, мы снова стоим перед вызовом нового витка развития рынка труда. С одной стороны, социальные инновации в виде *home office*, которые дают больше возможности для доверительного перераспределения рабочего времени, больше независимости для научной и креативной работы, больше мобильности. Мои инженеры по развитию еще в 2004 году предлагали такое перераспределение времени: после обеда они хотели бы побыть дома, потом снова прийти в офис, а после ужина снова поработать на компьютере, но уже из дома. Тогда профсоюзы решительно выступили против такой современной формы организации труда. Конечно, цифровые технологии в сфере труда создают хорошие потенциальные условия для работы. Но если мы понаблюдаем, как, например, работает цифровая фабрика услуг *Amazon*, мы увидим, что это тот же конвейер, только цифровой. Таким образом, любое развитие как в реальной экономике, так и в сфере интеллектуальных цифровых услуг тянет за собой развитие рынка труда.

5.

Пятый тезис — наряду с развитием интеллектуальных услуг и с промышленной революцией 4.0 есть еще одна важнейшая интеллектуальная тема, а именно: человеческие таланты. В настоящее время я руковожу инициативной группой «Математика, информатика, естественные науки, техника», каждые полгода совместно с Институтом экономики мы проводим пресс-конференции. И надо сказать, что в этом году мы испытали нехватку специалистов именно в области математики, информатики, естественных наук и техники. В Германии из 240 тысяч человек, занятых в инновационных отраслях, 60 процентов составляют квалифицированные рабочие и техники; 40 процентов — ученые, из них половина — специалисты по информационным тех-

нологиям, т.е. не хватает именно тех специалистов, которые могли бы помочь с внедрением информационных технологий. Количество таких специалистов желательно увеличить на 120 тысяч; в течение последующих пяти лет мы обеспечили бы приток квалифицированных трудовых резервов из других стран. Иными словами, нам нужен мощный магнит для привлечения талантов.

6.

Последний тезис: повлияет ли роботизация и автоматизация на будущее рынка труда? Проведенные опросы среди двух тысяч экспертов, изучающих рынки труда и новые технологии, показали следующее: почти 50 процентов из них считают, что исчезнут определенные виды работ, а взамен ничего не появится. Другая половина экспертов утверждает, что вместо исчезнувших появятся новые, если человеческие потребности спровоцируют спрос на новые продукты и услуги. В Германии тоже были проведены аналогичные исследования. Похожие тенденции в первую очередь затрагивают Баварию, где прогнозируется до 40 процентов потери рабочих мест. Самый мягкий вариант из всех исследований, которые я знаю, предполагает, что полтора миллиона человек в Германии до 2025 года освоят новую для себя профессию в сфере цифровых технологий, т.е. произойдет квалификационная перезагрузка.

В заключение позволю вспомнить одну шуточную ситуацию. Когда министром труда была госпожа фон дер Лайен (*von der Leyen*), вместе с одним из моих коллег мы проводили консультации, и я сказал, что Германии необходимо эффективное планирование кадрового состава, особенно для промышленного кластера. Что происходит с точным машиностроением в Шварцвальде? Как развивается оптика в Ольденбурге? Что происходит с медицинской техникой в Туттингене? Где есть насущные потребности в цифровых технологиях? Каковы прогнозы? Каковы оценки?

И один из ее заместителей ответил мне тогда: «Господин Заттельбергер, все в порядке. Раз в полгода мы получаем отчет агентства по труду».



КРИЗИС НОРМАТИВНОЙ ИМПЕРИИ ЕС

Время менять политику ценностей

Катажина ПЕЛЧИНСКАЯ-НАЛЕНЧ*



* КАТАЖИНА ПЕЛЧИНСКАЯ-НАЛЕНЧ (Katarzyna Pełczyńska-Nałęcz) — аналитик фонда Стефана Батория. В прошлом социолог, заместитель министра иностранных дел Польши, посол Польши в России в 2014–2016 гг. Публиковалась в журнале «Вестник Европы» в 2015 г. СТАТЬЯ И ПЕРЕВОД представлены в авторской редакции.

Почему весь Евросоюз затаил дыхание во время, казалось бы, рутинных выборов, которые прошли недавно в Нидерландах и во Франции?

Ответ прост: ставкой была не столько победа той или иной политической партии, сколько торжество или поражение фундаментальных ценностей, на которых основан Евросоюз. Страх катастрофы, который чувствовался среди проевропейской элиты в период выборов как во Франции, так и в Нидерландах, явно продемонстрировал понимание того, к каким последствиям может привести крах нормативного консенсуса, на котором было построено Европейское Сообщество.

15 октября 2015. Фото пресс-службы Губернатора Ростовской области. (Фрагмент). Источник: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=92219&ItemID=64155&mid=83794>

Тяжелейшая фаза кризиса была на данный момент преодолена. Тем не менее остаются глубокие разногласия как между различными слоями общества, так и между государствами — членами ЕС. Необходимо быть честными с собой и признать, что, несмотря на победу в отдельной «битве», идеологическая «гражданская война» в Европейском Союзе всё еще продолжается. Эта война ставит под сомнение все аспекты интеграции. Единый рынок, общая валюта и общая внешняя политика могут существовать до тех пор, пока участники европейского проекта согласны с общими базовыми ценностями. Ведь это они являются той «соединительной тканью», которая определяет границы сосуществования, принципы коммуникаций и системные стандарты. Именно поэтому кризис, угрожающий Евросоюзу, необходимо воспринимать со всей серьезностью и как можно скорее принимать активные меры по выходу из создавшегося положения.

Несмотря на то что в течение долгого времени проблемы в области общечеловеческих ценностей только нарастали, ЕС до недавнего времени не считал их приоритетными. И хотя тема этих ценностей возникала в различных документах и выступлениях, они не были чем-то особым, из-за чего большинство политиков стали бы ломать копыта, или тем, что способно было выбить брюссельскую бюрократию из привычной колеи. Однако заявления, сделанные новым президентом Франции, а также доносящаяся в последние недели из Германии и ряда других стран ЕС критика свидетельствуют о том, что в европейских столицах действительно начинают серьезно относиться к вопросу об общих ценностях¹.

Преодоление кризиса ценностей требует большой политической осмотрительности, чтобы усилия по укреплению идеологических основ Сообщества не стали инструментом устранения рыночных конкурентов и/или постепенно не превратились бы в войну на истощение, в которой не будет победителей. Также необходимо мужество, чтобы пересмотреть нынешний взгляд на роль ЕС как нормативной империи.

Давно необходимо признать тот факт, что продвижение европейских ценностей за пределами

ЕС, на которое делался упор в последние пятьдесят лет, часто не приносит желаемых результатов, но одновременно ничто не останавливает деградацию тех же самых ценностей в государствах — членах ЕС. Поэтому наряду с политикой единения, безопасности, а также с сельскохозяйственной политикой сейчас необходима политика ценностей, опирающаяся на эффективные юридические и финансовые инструменты. В фокусе этой политики должны находиться не «третьи страны», а социумы и государства, входящие в ЕС, поскольку именно здесь в последние годы возникли самые серьезные вызовы, с которыми столкнулась западная демократия.

НОРМАТИВНАЯ ИМПЕРИЯ

«**С**оюз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в обществе, в котором преобладают плюрализм, не-дискриминация, толерантность, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами». Именно так статья 2 Договора о Европейском Союзе определяет нормативную основу европейского проекта.

На протяжении многих лет все меры ЕС, принимаемые на основе этой статьи, базировались на двух посылах. Во-первых, предполагалось, что у государств — членов ЕС «нет путей к отступлению» от общих ценностей, демократии и верховенства закона. Государства — члены ЕС всегда испытывали различные проблемы (такие как коррупция или неравный доступ граждан к своим правам), но есть определенные границы, которые нельзя нарушать: например, в ЕС просто невозможен умышленный демонтаж правового государства. Поэтому ответственность за проведение необходимых корректирующих реформ может быть возложена на правительства государств — членов Союза. Считалось, что если в ЕС и присутствуют проблемы с ценностями, то это касается в первую очередь Брюсселя.

селя. Симптоматично, что термин «дефицит демократии» использовался в терминологии ЕС именно для описания проблем собственных институтов, которые обвинялись в различных злоупотреблениях, отсутствии прозрачности и оторванности от простых граждан.

Во-вторых, господствовало убеждение, что европейская демократия, являясь «лучшей из всех когда-либо существовавших систем», может обеспечить стабильность и лучшую жизнь тем странам и сообществам, которые готовы ей следовать, а ЕС как «нормативная империя» должен активно экспортировать свои нормы в другие страны. «Экспансия верховенства права» — это лучший способ обеспечить ЕС безопасностью и стабильностью, а также процветающими и надежными экономическими и политическими партнерами по всему миру.

В связи с этим основной импульс «политики ценностей» был направлен вовне. ЕС осуществляя это двумя способами: мерами «снизу», поддержкой гражданского общества и демократических общественных организаций, а также на государственном уровне, путем поощрения правительств к проведению реформ, иногда путем осуждения их политики, а в крайних случаях — введением санкций (например, за вопиющие случаи нарушения прав человека). Действия ЕС в значительной степени напоминали концентрические окружности; чем ближе страна к ЕС, тем больше от неё ожидалось. Самый большой интерес проявлялся к странам — кандидатам на вступление в ЕС. Здесь применялась строгая политика соблюдения условий: к членству допускались только те страны, которые выполнили «копенгагенские критерии» (своего рода «Десять заповедей» в области демократических и системных стандартов). Особенно большое внимание также было уделено вопросу о демократизации в рамках Европейской политики добрососедства, которая была ориентирована на страны, близкие к границам ЕС, но не обладающие перспективами членства. Однако из-за отсутствия достаточно привлекательного «пряника» здесь не было однозначных условий.

Как это ни парадоксально, активная политика поощрения ценностей ЕС, основанная на строгом соблюдении условий, в принципе заканчива-

лась в тот момент, когда страна входила в Союз. В этой области Европейский Союз оснащен только «ядерным оружием» — т.е. статьей 7, которая после долгой и сложной процедуры, требующей консенсуса государств-членов, позволяет применять санкции, включая приостановление права голоса в Европейском Совете. Однако санкции, изложенные в этой статье, никогда не применялись на практике. Как и положено «ядерному» варианту, статья 7, таким образом, является скорее сдерживающим фактором, нежели реальным инструментом воздействия. В то же время ЕС не предусмотрел каких-либо положений для регулярного контроля за соблюдением принципа верховенства права и не обладает эффективными механизмами наказания тех стран, что пренебрегают европейскими ценностями. В довольно ограниченном масштабе также предпринимались активные меры по прививанию и укреплению ценностей ЕС на уровне правительств и отдельных сообществ.

Существующие в настоящее время финансовые механизмы ЕС являются отражением определенной выше политики ценностей. Любые инструменты, предназначенные только для демократизации, в том числе и для организаций гражданского общества, направлены исключительно на «третьи страны»². Средства и меры, предназначенные для использования внутри ЕС, довольно скромны; более того, они затрагивают вопросы ценностей и верховенства права выборочным и косвенным образом. Они направлены на расширение сотрудничества граждан в рамках ЕС и их влияние на институты ЕС, на корректировку демократии в особо деликатных сферах (таких как ксенофобия или права женщин), а также на принятие мер в поле «нового поколения» гражданских прав, которые связаны с технологическими достижениями, социальными сетями и т.д.³.

ПРОВЕРКА В РЕАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

В последние годы, определенные события, связанные с функционированием демократии в рамках Европейского Союза и его бли-

жайшего соседства, выявили слабые стороны текущей политики ЕС в области ценностей. В этот период на первый план выдвинулись как минимум три острых вопроса, которые ЕС больше не может игнорировать.

Прежде всего, была подорвана догма о незыблемости фундаментальных ценностей в самом Европейском Союзе. Согласно «Демократическому индексу», публикуемому аналитическим отделом журнала «The Economist»⁴, в 2016 году три страны ЕС были признаны «ущербными демократиями», находящимися на пути к «гибридным режимам». Кроме того, в отчете *Freedom House* две из пятнадцати стран, где в прошлом году наблюдалось наибольшее падение уровня свободы, это именно страны ЕС — Венгрия и Польша. Также сообщалось о негативных тенденциях еще в четырех государствах-членах ЕС⁵. Что же касается Венгрии, а также все чаще упоминаемой Польши, это не просто «единичные отклонения в построении демократии», а системные действия по демонтажу столпов правового государства, независимости судебных органов, попытки ограничить свободу прессы и плюрализм гражданского общества. Надо понимать, что кризис ценностей затрагивает не только те страны, где дело уже дошло до нарушения основ правопорядка. Он проявляется в усугубляющихся проблемах со свободой СМИ⁶ и возрастающей во многих странах ЕС популярности политических партий, отрицающих фундаментальные ценности либеральной демократии. Хотя эти партии и не находятся у власти, но их поддержка гораздо выше, чем это было несколько лет назад.

События, происходящие в соседствующих с ЕС странах, также поставили под сомнение веру в универсальность норм ЕС — демократию и принцип верховенства права. Пример «арабской весны» показал, как расшатывание правящего режима может привести к дестабилизации и — в крайнем случае — к вооруженному конфликту и краху государства (как это произошло в Ливии и Сирии). Кроме того, продемократические процессы могут встречать сопротивление не только в странах, подвергающихся трансформации, но и среди лидеров авторитарных стран, которые боятся распространения «демократи-

ческого вируса» на своей собственной территории. В случае же с Украиной, антидемократические фобии Кремля привели к провоцированию вооруженного конфликта в Донбассе. Эти последние события, в частности, продемонстрировали, насколько ограниченными возможностями обладает ЕС для контроля непредвиденных последствий процесса «насаждения европейских норм». И когда дело доходит до нежелательных «осложнений», европейские правительства и общества отнюдь не выражают энтузиазма по поводу свалившихся на них экономических и политических проблем.

Наконец, в последние годы правящим европейским элитам стало болезненно очевидным, что продвижение «общечеловеческих ценностей» норм не обязательно может идти только в одном направлении. В ответ на политику «экспорта верховенства права» авторитарные режимы могут пропагандировать свои «стандарты» и антилиберальное, и направленное против ЕС видение Европы, подрывать фундаментальные демократические ценности, поддерживать ксенофобские настроения и радикальные националистические или популистские движения. Хуже всего то, что этот экспорт «антилиберальных» стандартов находит благодатную почву в странах ЕС. Тенденция к восприятию этих идей политиками и обществами Евросоюза прямо пропорциональна их растущему скептицизму или даже враждебности по отношению к общим ценностям ЕС. Одним из признаков этого является флирт целого ряда европейских популистских партий с авторитарными лидерами. Так, недавний кандидат в президенты Франции Мари Ле Пен явно считала, что ее встреча с Путиным станет эффективным способом заработать дополнительные очки в политической борьбе у себя на родине.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

В шестидесятую годовщину образования Европейского Союза лидеры 27 государств-членов в первых строках своей совместной декларации заявляли: «Мы создали уникальный Союз с общими институтами и сильными ценно-



Камера наблюдения (Überwachungskamera). Один из экспонатов постоянной экспозиции выставки «Разделение и единство, диктатура и сопротивление» в Лейпциге (Leipzig)

© Фото: Елена Хованская

стями, сообщество мира, свободы, демократии, прав человека и верховенства закона...». Если ЕС действительно серьезно относится к ценностям второй статьи, то после шестидесяти лет своего существования, настало время оставить миф о том, что труд в создании «союза общих ценностей» завершен. Необходимо признать, что это открытый процесс, который сегодня требует от Евросоюза особых усилий.

ВО-ПЕРВЫХ, положить конец Realpolitik

Чтобы серьезно отнестись к общим ценностям, необходимо отойти от «*Realpolitik*», действующей в ЕС, то есть не закрывать глаза на нарушения принципов верховенства права ради сохранения «спокойствия» или краткосрочных партийно-политических интересов. Примером этого является отношение к правительству Венгрии, которое годами пользовалось поддержкой своих политических попутчиков в государствах-членах, а также Европейской народной партии (к которой принадлежит правящая партия Венгрии «Фидес»). Наблюдатели политической жизни Венгрии единодушно пришли к выводу, что изменения в этой стране зашли так далеко, что нынешняя система уже не может называться либеральной демократией⁷. Однако на сегодняшний день дело ограничивалось дебатами в Европейском парламенте и выговорами от ЕНП. Не было принято никаких решений, которые повлекли бы за собой какие-либо ощутимые экономические или политические ограничения, направленные на венгерского лидера. Постоянное игнорирование Орбаном принципов ЕС не только не смогло остановить прогрессирующее разрушение демократии в этой стране; она также открыла дверь аналогичным процессам в другом государстве — члене ЕС — Польше. Это бездействие продемонстрировало, что нарушение демократических норм в Европейском Союзе остается безнаказанным, а также ослабило потенциальную эффективность статьи 7, применение которой требует консенсуса (Варшава и Будапешт обеспечивают друг друга гарантией безнаказанности).

«*Realpolitik*» не просто означает, что ЕС «закрывает глаза» на нарушение фундаментальных ценностей; это также означает использование спора о ценностях в качестве предлога для вытеснения конкурентов и продвижения собственных интересов в других областях. Одним из примеров этого является речь президента Макрона, который критиковал нарушения верховенства закона в Польше и на одном дыхании также осудил «несправедливость» механизма командирования временных работников⁸. Крайне важно как можно сильнее разграничить спор о ценностях и все прочие споры и конфликты интересов в ЕС. Это единственный способ нейтрализовать обвинения в циничной эксплуатации ценностей для продвижения собственных интересов, которые мы слышим от правительств и политиков, нарушающих нормы ЕС. Желательно, чтобы эти обвинения имели под собой как можно меньше реальных оснований.

ВО-ВТОРЫХ, ввести правовые инструменты

Помимо политической воли, необходимы эффективные инструменты для оказания давления на правительства, которые нарушают принципы верховенства права. И здесь далеко недостаточно статьи 7, прежде всего потому, что она требует консенсуса, которого, может быть, трудно достичь в ЕС по этим вопросам. Кроме того, настоящие санкции могут применяться только тогда, когда были совершены особенно вопиющие нарушения. Между тем необходимо создать правовые инструменты, обеспечивающие возможность раннего вмешательства. Было бы совершенно обоснованным ввести юридически обязательный, регулярный механизм для проверки соблюдения принципа верховенства права во всех государствах — членах ЕС. Комитет по гражданским свободам, правосудию и внутренним делам Европейского парламента включил эту рекомендацию в свой доклад⁹. В октябрьской резолюции 2016 года Европарламент обязал Еврокомиссию подготовить соответствующее предложение к сентябрю 2017 года.

Ян-Вернер Мюллер сформулировал аналогичную идею несколько лет назад, призывая к созданию нового института — Копенгагенской комиссии¹⁰, которая взяла бы на себя роль наблюдателя (блюстителя законности) и поднимала бы тревогу в случае серьезных нарушений демократии со стороны любого из государств — членов ЕС.

Преимущество этого решения заключается в том, что проверке будут регулярно подвергаться все государства-члены, а не только отдельные государства (как это имеет место в настоящее время, например, с процедурой оценки верховенства права в Польше). Это даст четкий сигнал о том, что нет «равных и более равных» членов, и что политика ценностей не является «охотой на ведьм», а просто должны быть приняты меры по исполнению требований, одинаковых для всех государств-членов.

В-ТРЕТЬИХ, больше за большее, а не меньше за меньшее

В рамках своей работы над бюджетом ЕС на 2020–2027 годы правительство Германии предложило ввести механизмы, которые позволили бы вводить финансовые ограничения в отношении стран, нарушающих нормы ЕС¹¹. Предложение привязать финансирование из бюджета ЕС (например, в рамках политики сплоченности) к состоянию верховенства права представляется оправданным. Однако крайне важно, чтобы реакция ЕС была относительно быстрой и являлась положительным стимулом. Это означает, что ограничения могли бы вводиться в ответ на нарушения, но, как только страна опять будет соответствовать нормам ЕС, эти санкции сразу же будут сняты. Это позволило бы наказывать виновных, но также иметь быстрое действующий механизм для поощрения правительств, проводящих политику в соответствие с нормами Европейского сообщества. Конечно, было бы контрпродуктивно значительно сократить средства в будущем бюджете в ответ на антидемократические решения, принятые несколькими годами ранее. Это будет означать,

что ответственность за последствия нарушения норм будет нести не то правительство, которое виновно в нарушении, а следующее за ним, которое может иметь совершенно иное отношение к ЕС и чьи возможные проевропейские устремления будут подорваны «отсроченными» санкциями ЕС. Политика санкций должна быть тщательно продумана, с тем, чтобы акцент делался на «ответе за последствия своих действий» и на позитивных стимулах, а не на отсроченной «вендетте ЕС».

В-ЧЕТВЕРТЫХ, действия через гражданское общество

Европейский Союз, несомненно, определенно должен действовать через общество. Продвижение и укрепление европейских ценностей, контроль за принципами верховенства права и осуждение любых нарушений в этой области могут эффективно осуществляться самими гражданами. Их участие позволит децентрализовать политику ценностей. Кризис либеральной демократии виден практически во всем Европейском Союзе. Тем не менее он имеет разный контекст в каждой стране и требует реакции, адаптированной к местным реалиям.

Однако чтобы инициатива широких масс была видимой и эффективной, она не может основываться исключительно на энтузиазме. Мечты о том, что доброе дело всегда само себя хвалит, надо оставить. В эпоху коммерциализации и поступающей отовсюду информации необходимы большие финансовые затраты для продвижения чего-либо вообще; и ценности ЕС не являются исключением из этого правила. Внешние и внутренние противники либеральных демократий вкладывают значительные средства в продвижение своих идей. К тому же, как показывают примеры Венгрии и Польши, если правительства нарушают принципы верховенства права, они не случайно предпринимают попытки сократить финансирование тех гражданских инициатив, которые способствуют развитию ценностей ЕС и стоят на страже правового государства.

Европейский Союз должен как можно быстрее принять меры по созданию финансового механиз-

ма для поддержки инициатив на низовом уровне, направленных на поощрение и укрепление европейских ценностей в государствах — членах ЕС.

ЕВРОПЕЙСКИЙ инструмент поддержки ценностей

Европейский инструмент поддержки ценностей (*European Values Instrument, EVI*) должен охватывать все страны Евросоюза. Средства должны распределяться через структуры, независимые от правительств, и их следует передавать отдельным странам, а не транснациональным сетям. Практика функционирования EVI может быть частично смоделирована по образцу программы поддержки гражданского общества, которая существует как часть «Норвежского финансового механизма», адресованного новым государствам — членам ЕС. Следует отметить, что и в Польше, и в Венгрии не был введен в действие новый выпуск этого компонента, поскольку правительства этих стран не согласились с тем, что у предоставленных средств должен быть оператор, который не зависит от властей.

Основные приоритеты этого инструмента должны стать предметом обсуждений, однако они должны не только решать проблемы, связанные с кризисом ценностей ЕС, но и основываться на новой культурной, технологической и коммуникационной реальности. В этом контексте мы можем упомянуть следующие направления поддержки:

- развитие диалога и коммуникаций для преодоления разобщенности, противодействия экстремизму и радикализму;
- создание небюрократических, инновационных форм коммуникаций, способствующих продвижению ценностей, в том числе с использованием нетрадиционных каналов (таких как социальные сети, ролики звезд YouTube, веб-сериалы), которые будут содержать контент о европейских ценностях (*value placement*);
- расширение доступа граждан ЕС к достоверной информации, которая не подвергается политическим или коммерческим манипуляциям;

- мобилизация граждан для контроля за соблюдением прав человека и принципов правового государства, в том числе поддержка блюстителей законности; т.е. механизмов общественного контроля за внедрением властями статьи 2.

Подобный механизм поддержки европейских ценностей не только позволит гражданам принимать эффективные меры в защиту принципов, закрепленных во 2-й статье, он также будет сигналом о солидарности ЕС с обществами тех стран, правительства которых подрывают общие ценности. Эта солидарность была бы идеальным противовесом дисциплинарным механизмам, используемым в отношении властей отдельных стран.

Абсурдно, что продемократическим организациям гораздо труднее получить поддержку из бюджета ЕС для защиты европейских ценностей в своих странах, чем для продвижения тех же ценностей в Беларуси и Украине. Укрепление демократии за пределами ЕС не может быть более важным, чем принятие аналогичных мер в рамках самого Европейского Союза.

В-ПЯТЫХ, прагматический расчет за пределами ЕС

Естественно, это не означает, что Европейский Союз должен прекратить деятельность по продвижению демократии за своими пределами. Однако эта деятельность должна регулироваться иным образом, нежели внутренняя политика ценностей. Мы полагаем, что в ЕС цена отказа от демократии огромна и намного превышает затраты на ее поддержание. Необходимо принять, что вне Евросоюза это может выглядеть иначе. Уровень участия ЕС в поддержке продемократических сил в «третьих странах» должен быть прямо пропорционален тому, насколько ЕС готов тратить на демократическую трансформацию. Поэтому кажется, что продвижение демократии за пределами ЕС должно быть прежде всего сосредоточено на тех странах, где, с точки зрения безопасности и стабильности ЕС, проблемы, связанные с отсутствием трансформации, в настоящее время существенно перевешивают затраты на ее осуществление. В настоящее время

мя поддержка демократического развития должна быть направлена прежде всего на Балканы и Украину.

Тот факт, что выборы во Франции и Нидерландах были выиграны людьми, признающими приоритет ценностей ЕС, означает, что серьезный нормативный кризис в Европейском сообществе на некоторое время преодолен. Можно сказать, что ЕС получил еще один шанс «погасить пожар», пока он не разгорелся. Однако если эта возможность не будет использована, скорее всего, огонь все же распространится. Это нанесет ущерб не только внутренней сплоченности Евросоюза, но и его международному статусу. Процветающие демократии в государствах — членах ЕС — это больше, чем фундамент европейского проекта: ведь только они делают ЕС *нормативной империей*, которая вправе рассчитывать на то, что другие страны сочтут такое сообщество достойным примером для подражания.

Перевод с английского Дарьи Усачевой

Примечания

- 1 Одним из примеров этого являются заявления, сделанные Эммануэлем Макроном во время саммита ЕС в Брюсселе 23 июня 2017 года и на один день раньше — Анжелой Меркель. Политики говорили о поддержке Европейской комиссии во внедрении процедур верховенства закона. <http://www.dw.com/pl/bruksela-prezydent-francji-rozmawia-z-wyszehradem/a-39390998?maca=pl-Facebook-sharing>
- 2 Это: Европейский инструмент в области демократии и прав человека (бюджетный инструмент, 1,3 млрд евро на 2014–2020 годы) и внебюджетный Европейский фонд поддержки демократии. Часть ресурсов из Европейского инструмента добрососедства и средств для стран-кандидатов также предназначена для содействия демократии.

- 3 Программа по правам, равенству и гражданству (439 млн евро на 2014–2020 годы) наиболее близка к миссии по поддержке демократии. Прямые действия, связанные с продвижением демократии, также могут быть реализованы в рамках Программы «Справедливость» (378 млн евро) и «Европа для граждан» (185,5 млн евро).
- 4 *The Economist Intelligence Unit's Democracy Index (Индекс демократии)*, <https://infographics.economist.com/2017/DemocracyIndex/>
- 5 <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2017>.
- 6 Согласно индексу свободы печати, подготовленному «Репортерами без границ» в 2017 году, пять стран — членов (Греция, Италия, Хорватия, Венгрия, Польша) относятся к категории стран с ярко выраженными проблемами в этой сфере. Однако одна страна — Болгария — оказалась еще ниже, в категории стран со сложной ситуацией в этой области. <https://rsf.org/en/ranking/2017>
- 7 Dániel Hegedüs, *Freedom House Hungary Country report*, https://freedomhouse.org/sites/default/files/NIT2016_Hungary_0.pdf; C. Woodard, *Europe's New Dictator*, „Politico”, 17.06.2015, <http://www.politico.com/magazine/story/2015/06/hello-dictator-hungary-orban-viktor-119125>; S. Kauffmann, *Europe's Illiberal Democracies*, 09.03.2016, „The New York Times”; https://www.nytimes.com/2016/03/10/opinion/europes-illiberal-democracies.html?_r=0.
- 8 В заявлении для «Voix du Nord» 27.04.2017: «Мы не можем терпеть в Европейском Союзе страну, которая играет на различиях в социальных издержках и которая нарушает все принципы ЕС. У нас не может быть Европы, в которой ... когда мы сталкиваемся с тем, что государство-член ведет себя, как Польша или Венгрия - в вопросах, касающихся университетов, знаний, беженцев, фундаментальных ценностей, принимается решение не делать ничего».
- 9 <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2016-0283&format=XML&language=EN>
- 10 <http://verfassungsblog.de/the-idea-of-democracy-protection-in-the-eu-revisited/>.
- 11 <http://wiadomosci.onet.pl/tylko-w-onejcie/polska-moze-stracic-fundusze-unijne-za-nieprzestrzeganie-rzadow-prawa/06s6mxе>.



© Текст: Катажина Пелчинская-Наленч



Флейта

рассказ

От автора:

В конце 30-х годов Сталин развязал в Советском Союзе показательные процессы над выдающимися революционерами-коммунистами Зиновьевым, Каменевым и Бухариным, обвиненными в антигосударственном заговоре и расстрелянными. Подобные же процессы по его указанию проходили после Второй мировой войны и в странах социалистического блока, в том числе в Чехословакии. Громкий процесс над Сланским, видным деятелем чехословацкой компартии, сопровождался казнями и других коммунистических лидеров. Этот рассказ основан на реальном событии, спровоцированном сталинской бесноватостью, принявшей в последние годы его правления отчетливый антисемитский характер.

Во-первых: Флейта

Мою учительницу музыки звали Клара Овечкова, жила она на первом этаже трехэтажного дома по улице Сметаны и занимала квартиру, состоявшую из двух комнат. В первой стоял рояль, во вторую я никогда не заходил, но в приоткрытую дверь видел на стене афишу, на которой учительница, еще молодая и красивая, сидела у концертного рояля, а над ней плавали золотые иностранные буквы: Clara Oveska.

Она указала мне, куда я должен повесить пальто, и без лишних слов устроила мне строгий музыкальный экзамен. Посадила меня за столик, дала мне в руки карандаш и стала выстукивать какой-то ритм, который я тут же на столике повторил.

Отлично, ритм у тебя в порядке. Ну, а теперь спой какую-нибудь песенку.

Петь мне не хотелось, но я все-таки попробовал затянуть *Мы наши, мы новый мир построим*, однако она тотчас оборвала меня и попросила, чтобы я вслед за ней повторил мелодию, которую она так это протралялякала мне. Я попытался повторить, но, думаю, у меня вышло что-то совершенно другое.

Постой, я приготовлю нам по чашечке чаю. Она пошла в соседнюю комнату, и я услышал, как она там тихонько пробубнила себе под нос, что мне, мол, на ухо медведь наступил и что лучше всего мне взять пальто и отправиться домой. Когда она вошла в комнату с чайником и чашками, я уже в пальто стоял у двери.

Ты что, слышал?

Я кивнул, уши у меня горели.

Она задумалась. Знаешь что? Снимай-ка пальто, попробуем кое-что еще.

Она снова пошла в соседнюю комнату и за закрытыми дверями произвела целый ряд еле слышимых звуков.

Два раза вы чем-то стукнули по рюмке, затем покатали по ковру какой-то маленький предмет и немного полистали какую-то книгу. Потом вы опять покатали по ковру какой-то предмет, на этот раз чуть больше первого, хлопнули тихонько, царапнули по стене ногтем и скомкали какую-то бумажку, потом накапали в рюмочку три капли воды, провели чем-то по оконному стеклу, открыли и тут же закрыли какую-то коробочку, на дыпочках потанцевали немного, потихоньку зевнули и сказали: *В сырые летние вечера майские жуки летаются на самые высокие сосны и своим пением подражают соловьям.*

А что, правда, пани Овечкова, майские жуки подражают соловьям?

Она засмеялась. Нельзя всему верить. Это была просто такая проверочная фраза. У тебя, мальчик, слух как у рыси. Да что там! Рысь и та могла бы тебе позавидовать. Но, к сожалению, это не музыкальный слух. Твой слух не годится для музыки, как, например, чернила, что выпускает каракатица, не используются в школьных чернильницах. Это относится и к твоей памяти. Она у тебя как у стада слонов. Но, к сожалению, это не музыкальная память. Скажу тебе еще вот что. Боюсь, что твой рысий слух как раз то, что называют дурным даром. Понимаешь: в этом даре есть что-то нехорошее.

Она обернулась от окна, где в ту минуту стояла, и, увидев, что я опять иду за пальто, опять остановила меня.

Постой, не уходи еще. Ты, конечно, можешь научиться играть на рояле, несмотря на то, что у тебя нет ни музыкального слуха, ни музыкальной памяти. То есть ты можешь научиться играть чисто механически. Чувство ритма у тебя есть, и этого, пожалуй, нам будет достаточно. Твои пальцы освоят механизм сочинений, выучат его наизусть, то есть сумеют удерживать

его в своей осязательной памяти. Но виртуозом ты никогда не станешь, да и не о том идет речь. Твои родители будут рады, если ты иногда в обществе сможешь сесть за рояль и натренировать какую-нибудь песенку. А если ты выучишь ноты, твои пальцы будут просто печатать их по клавишам. Этому, конечно, я тебя научу. С этим мы с тобой справимся. Ты все-таки не станешь лишать меня хорошего гонорара за свои уроки фортепианной игры. И она улыбнулась мне.

Однако отсутствие у меня музыкальных способностей сильно огорчило Давида. Он учился играть на флейте, что доставляло ему большое удовольствие. Но разве это было бы возможно без музыкального слуха? Он открыл портфель, достал такую маленькую флейту и сыграл мне какой-то отрывок, назвав его *Тарантеллой*.

Мы сидели на Капустном рынке у фонтана, и я заметил, как на звуки *Тарантеллы* оглянулись несколько человек, толпившихся у торговых рядов.

— Да, классно, — оценил я.

— Еще бы, — согласился он и, вытерев мундштук флейты, снова спрятал ее. — Мой отец говорит, что в этой стране мы будем первым поколением рабочей верхушки, которая должна занять те позиции, какие теперь освобождают буржуи. И красота, утверждает папка, есть нечто, что мы, пролетарии, должны теперь взять в свои руки.

Эта моя учительница, пояснил я, уже в годах, что с нее возьмешь? Тут уж полный облом!

А мой учитель лишен всякого чувства юмора, признал Давид, но когда он был молодой, его флейта звучала на всех европейских концертных сценах.

Моя учительница в молодости была блестящей пианисткой, играла по всему миру, а главное — в Венеции и Буэнос-Айресе. Венецию и Буэнос-Айрес я, конечно, выдумал, так как был убежден, что теперь я должен поднять ее марку. А потом вдруг взял да и брякнул про свой рысий слух. И про то, что, по словам пани Овечковой, такой слух — дурной дар, что, мол, в этом даре есть что-то нехорошее.

Давид меня внимательно слушал, потом, положил портфель на колени, на нем соорудил из бумаги лодочку и опустил ее в воду фонтана, где плавало полно мусора. Он дал мне подержать портфель, нагнулся, подтолкнул эту прекрасную белую лодочку среди всего того свинства, который накидали в фонтан человечьи подонки, пльиви, дескать, лодочка, пльиви в «море широкое», а потом, наконец, высказался насчет моего «рысего слуха». Только он сказал не рысий, а *лисий* слух. Он твердо знал, что однажды станет дипломатом, а то и послом в какой-нибудь западной стране, и *лисий* слух, как и вся лисья повадка, очень даже ему пригодятся. Он поглядел на меня так, будто спрашивал, не хочу ли я махнуть с ним этим своим слухом на что-нибудь другое. Эх, до чего жалко, что это невозможно! Ведь Давид был моим лучшим другом, какой бывает у человека только раз в жизни, но он тут же толкнул меня в плечо и сказал, что ничего, мол, ладно, ты ведь тоже станешь послом в какой-нибудь капиталистической стране и тебе тоже пригодятся уши на макушке.

Я, должно быть, не все понял в его словах, но Давид был на год старше меня и знал гораздо больше, и это давало мне право кое-чего, когда он говорил, не понимать.

А твой *лисий* слух никакой не дурной дар, запомни это. Твоя учительница, может, и блестящая пианистка, но ее взгляды, как ни верти, выдают ее буржуазные корни.

Во-вторых: День рождения

Отец Давида праздновал свое пятидесятилетие, и мы были среди приглашенных на торжество, потому что мой отец — мастер цеха самой большой фабрики в Брно — считался одним из самых перспективных кадров на руководящие должности.

— Это приглашение значит больше, чем ты думаешь, — сказал отец маме. — Там собираются самые выдающиеся головы, на которых сейчас стоит Брно.

Давид потом объяснил мне, что вся их квартира и все торжество разделены на сферы и этапы. Имеется торжественная сфера — это большая столовая, где мы все будем обедать, затем танцевальная сфера — это зал с натертым паркетом и венецианским зеркалом, из которого вся мебель вынесена в коридор. Здесь будут танцы под приглашенный оркестр. Однако важное место отведено, так сказать, общественному салону, салону дебатов, где гости за чаем или кофе будут обсуждать то, что нас еще беспокоит. И все это торжество, уточнил Давид, будет проходить в несколько этапов — с ритуальных к более свободным. И Давид еще похвастался тем, что в этом делении на сферы и этапы он тоже принял участие, и в этом не было ничего удивительного, ибо его отец и в кругу семьи таким манером осуществлял свой лозунг: *Молодым в Брно везде дорога*. И у нас, у ребят, после торжественного обеда тоже будет своя игровая сфера, пообещал Давид, здесь за домом на большой спортивной площадке.

Обед не обошелся без ораторов, один заканчивал речь, другой тотчас подхватывал ее, и все тосты эстафетой крутились вокруг большого круглого стола, пока отец Давида не прервал поздравителей и не пригласил их в соседнюю комнату — дескать, суп остынет, — и тот, кто в данный момент поднялся для тоста, а это был товарищ Затка, директор школы с проспекта Маршала Конева, слотнул слюну и обиженно сел на место.

Ну, это еще ничего, уверил меня потом Давид. Поначалу должны были приехать деятели из Праги, так уж эти развязали бы языки, будь здоров...

После торжественного обеда мы, товарищи мальчишки, переместились на спортивную площадку за домом. Поначалу мы лениво играли в футбол, во время которого в животе у нас переваливались праздничные кнедлики с жареной говядиной под ванильным соусом и взбитыми сливками, а сверху на них еще напирала наглые пирожные из кондитерской на улице Свободы. Но потом мы вдруг приободрились, фол на фол, и меня несколько раз шарахнули мечом так, что я катался по земле, хотя, быть может, весь этот театр мы устроили еще и потому, что к рабице, отделявшей нас от улицы, навалили буржуазные вырождаки и ехидно насмеялись над нами.

Потом стало темнеть, и ублюдки за оградой плюнули на нас, а без них игра утратила всякий кайф. Теперь мы уже просто сидели на корточках и попыхивали папиросками. Над Брно вышли первые звезды, и я своим *рысым* слухом уловил, что в танцевальном зале отзвучало последнее танго, и кто-то сказал: А теперь, Отто, вызови-ка нам такси.

Что-то неладно, размышлял отец за закрытой дверью спальни. Как всегда перед сном он читал там нравоучения, а я с другой стороны двери, в своей комнатухе и в своей постели, своим *рысьим-лисьим* слухом обязан был их выслушивать.

Из Праги должны были приехать и не приехали. Это тебе не просто так, наверняка *что-то*стряслось, у меня на это дело нюх, бдительный пролетарский нюх. Теперь я и не знаю, хорошо ли мы поступили, что пошли на этот день рождения. Хотя и то сказать, там были все, мы не сделали чего-то такого, чего не сделали бы остальные.

Отец повторил это несколько раз, затем свет под дверью погас, и за окном проехал ночной трамвай по дороге в район Лишня.

В-третьих: Что-то...

Через неделю после дня рождения отец Давида неожиданно был снят с должности. Стало ясно: *что-то* происходит. И Давид не пришел в школу. Как только кончился последний урок я мигом побежал в Ирасеков¹ район и посвистел ему под окном. Долго, очень долго я там стоял и прислушивался, но дом точно вымер. Я не услышал в нем ни малейшего движения. Только потом мы узнали, что рано утром отца Давида со всей семьей отправили в Прагу. А в вечерних новостях сообщили, что раскрыт антигосударственный центр заговорщиков, и зачитали длинный список арестованных, среди которых был и отец Давида.

Когда отец пришел с работы домой, у нас сидел товарищ Затка, директор школы с проспекта Маршала Конева, который сказал: Другого я и не ожидал. Заметь, дружище, почти у всех у них еврейские фамилии. Теперь уже ясно, что это сионистский заговор. Отец тут же схватился и, вернувшись в послеобеденную смену на фабрику, призвал рабочих подписывать резолюцию, требующую для заговорщиков высшей меры наказания. Фабрика, где отец работал мастером цеха, была первой по всей республике, подписавшей резолюцию.

Вечером сквозь закрытую дверь я услышал отцовский страх. И стыд за отцовский страх поднял меня с постели и погнал на чердак — там, в темноте, я долго сидел на старом продавленном чемодане с окованными углами. Но я знал, что Давид непременно сказал бы мне: не будь трусом, все это просто дурацкая ошибка, вскоре все уладится, и мы вернемся домой с приколотыми красными бантами.

Через два дня к отцу приехали из Праги и объявили ему, что рассчитывают назначить его на высокий партийный пост. Затем спросили его, где можно было бы поговорить с ним более доверительно. Отец заперся с ними в спальне, и там сообщили ему, что в Праге было роздано одиннадцать веревок по числу арестованных и что завтра утром все будут повешены. И, конечно же, вскоре речь пойдет о том, чтобы на всех ответственных постах уже всегда были такие люди, как ты, товарищ, только одни добросовестные пролетарии. И я слышал, как отца обяза-

¹ Алоиз Ирасек (1851–1939) — чешский писатель-классик, создатель исторического реалистического романа.

ли тотчас очистить это гнездо после антигосударственного заговорщика. А то, что тебе самому пригодится, тащи домой, не раздумывая.

Отец взял на фабрике грузовик и привез домой уйму всякого добра, которое они с мамой таскали полными охалкам — перины, коробки с платьями, с бельем и всем прочим.

Вгляни, тут и для тебя кое-что есть. Он показал мне маленькую флейту и попробовал сыграть на ней нашу народную *Шалуны-овчары*. Когда он протянул мне флейту, с мундштука стекали его слюни. Я наклонился, и меня вырвало.

Свинья! сказал он. А ты разве не видишь, что он болен? защищала меня мама. Завтра схожу с ним к доктору Финкельштейну. Ты что, спятила? рявкнул отец. К Финкельштейну только через мой труп!

Вечером отец объяснил маме, что, к сожалению, он не один очищал это преступное гнездо, с ним были еще Стенда и Ченек. Они забрали персидский ковер и вышитую ночную рубашку. Но раз они уступили ему венецианское зеркало, вступать с ними в спор ему уже не хотелось. Ты же знаешь, зеркало стояло в том танцевальном зале. И тут отец вернулся к приезду пражских товарищей. Он повторял их слова: Гнездо крыс и змей должно быть выкурено, и тогда перед нами откроется победная дорога. Потом он долго говорил о себе, о задачах, что легли на его плечи. Там у них было включено радио — ведь в любую минуту могли передать важные новости.

А потом наступила полночь, но вместо чешского гимна день закончился гимном мирового пролетариата. Военный хор запел: *Вставай, проклятьем заклеименный, / весь мир голодных и рабов...* — и тут отец, захваченный этим победоносным хором, сделал то, что уже не делал давно, — он протяжно замычал и в перинах отца Давида взял маму на болт, и я слышал, как от их сопения сотрясалась вся спальня, — *Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был ничем, тот станет всем!*

Я вылез из постели и на чердаке в этот раз зажег лампочку, помещенную в такую раковинку из толстого стекла. Потом открыл продавленный чемодан и достал из него веревку. Прошло две-три минуты, прежде чем мне удалось смастерить из нее надежную петлю. Потом я принес ящик, с ящика на цыпочках дотянулся до потолочной балки и с трудом завязал на ней веревку. Будь сейчас рядом со мной мой товарищ Давид, который был на год старше меня и знал гораздо больше, он сказал бы мне, что я не должен совершать такую ошибку.

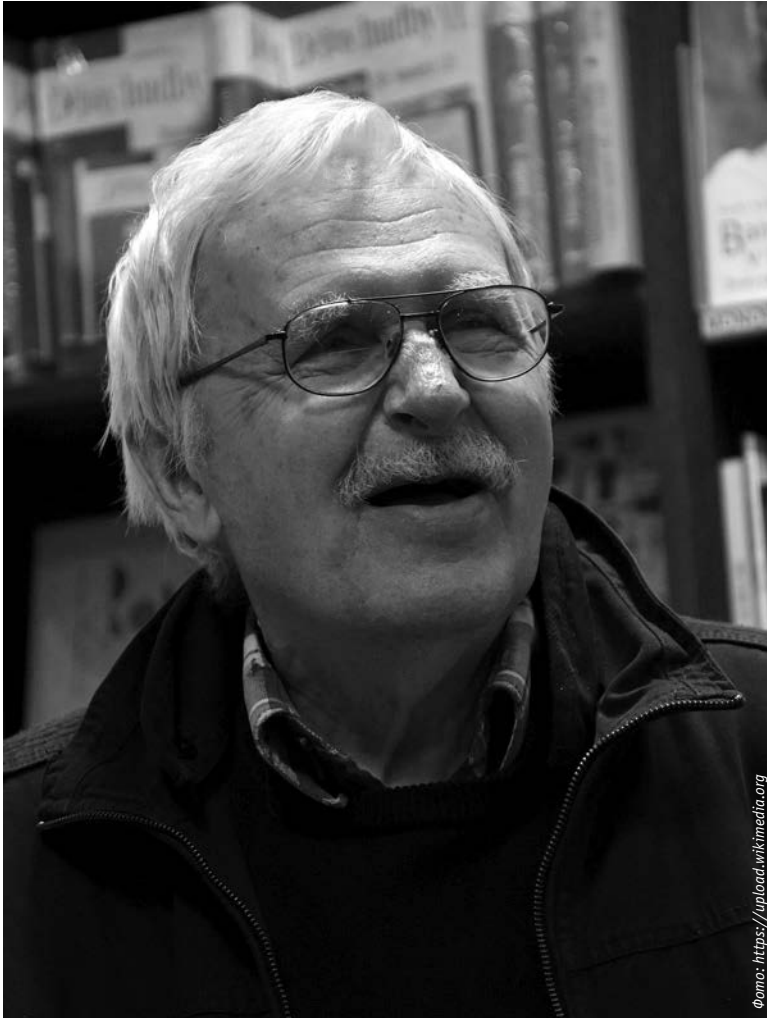
Перевод с чешского Нины Шульгиной



© Текст: Иржи Кратохвилл

© Перевод: Нина Шульгина

Иржи Кратохвил



В журнале «Вестник Европы» (том XXXVI, 2013 г.) в переводе на русский язык Н. Шульгиной были опубликованы рассказ Иржи Кратохвила «Сон о спящей девушке» (“Muchacha dormida”) и эссе «Неизлечимая травма» (“Nevytesnitelné trauma”). В этом номере мы предлагаем читателю его два эссе и две главы из романа «Обещание», посвященные Набокову, а также рассказ «Флейта», сюжет которого — пусть косвенно — связан с темой революции и ее трагических последствий. Специально для ВЕ Кратохвил написал два вступления — к своим эссе о Набокове и к рассказу «Флейта». Редакция ВЕ искренне благодарит замечательного чешского писателя Иржи Кратохвила и его переводчика Нину Шульгину за щедрое и безвозмездное продолжение сотрудничества с нашим журналом.

Нина Михайловна Шульгина умерла, когда верстался этот номер журнала. Соболезнуем ее близким.

В.Ярошенко, Главный редактор «ВЕ»

Владимир Набоков в Чехии

От переводчика:

Сорок лет назад — 2 июля 1977 года — скончался великий русский писатель Владимир Набоков, судьбу которого можно считать прообразом судьбы не только многих русских писателей XX века, но и писателей других стран, вынужденных покинуть родину прежде всего потому, что они были лишены самого главного — свободы писать, а значит, жить и дышать...

В представленном «Вестнику Европы» материале чешский писатель Иржи Крадохвил, большой почитатель Набокова, рассказывает о сложном пути русского гения к чешским читателям, анализирует его роман «Дар» и некоторые его рассказы, а, кроме того, двумя главами собственного романа «Обещание» создает мистифицированный образ самого Набокова, якобы приезжающего в Брно навестить знакомого чешского архитектора.

Я переводчик — богемист, и в длинном списке переведенных мною чешских авторов я должна выделить самого для меня главного и дорогого — Милана Кундера. И в моих переводческих раздумьях с течением времени эти два писателя — русский Владимир Набоков и чешский Милан Кундера — удивительным образом сблизились, породнились, и не только своей эмигрантской судьбой, но и многими творческими принципами, взглядами, даже характером. И мне подчас кажется, что Кундеру, вынужденного после разгрома «пражской весны» покинуть Чехию, тоже настигла пуля, выпущенная из винтовки еще в 1917 году. Пожалуй, оттуда и пошла цепь запретов на свободомыслие, на право

* **ИРЖИ КРАТОХВИЛ** (чеш. Jiří Kratochvíl; 4 января 1940, Брно) — чешский писатель, публицист, драматург, эссеист и журналист.

Иржи Крадохвил вошел в литературу со своими рассказами в шестидесятые годы прошлого века. После «Пражской весны» 1968 года, обещавшей «социализм с человеческим лицом», вторжение 21 августа 1968 года в Чехословакию советских танков и войск «Варшавского договора» уничтожило все надежды. На долгих два десятилетия — до «бархатной революции» в ноябре 1989 года — в стране был установлен жесткий просоветский режим так называемой «нормализации». Иржи Крадохвил вместе с другими деятелями чехословацкой литературы и культуры, такими, как Вацлав Гавел, Людвик Вацулик, Милан Кундера и тысячами других, был зачислен в разряд запрещенных авторов. Более всего досталось интеллигенции — лишённая работы по специальности, она была вынуждена зарабатывать на хлеб физическим, неквалифицированным трудом. В частности, какими только способами ни зарабатывал на жизнь Крадохвил — был разнорабочим, крановщиком, истопником, сторожем, однако упрямо продолжал заниматься литературой, публикуя свои произведения в самиздате и за рубежом.

Иржи Крадохвил — одна из самых ярких фигур современной чешской литературы. За четверть века он опубликовал свыше 20 романов, три сборника рассказов: «Первая и вторая книга «Брненских рассказов»» ("Brněnské povídky", 2007), сборник рассказов «Облава» ("Kruhová leč", 2011) и другие. Большинство его произведений переведены почти на все европейские языки, переводились также в Каире, Дамаске и Токио. Романы: «Посреди ночи пение» ("Uprostřed noci zpěv", 1992), «Обещание» ("Slib", 2009), «Роковая женщина» ("Femme fatale", 2010), «Бессмертная история» ("Nesmrtelný příběh", 1997; на русском вышел в 2003, изд-во «МИК», перевод И. Безруковой), «Язвительное коварство жизни» ("Jazlivá potměšilost žítí", 1917) и многие другие; роман «Доброй ночи, сладких сновидений!» («Dobrou noc, sladké sny», 2012; на русском вышел в 2015, издательство «Текст», перевод Н. Шульгиной)

Иржи Крадохвил — лауреат многочисленных литературных премий.

думать и писать по своему разумению. После 1968 года Кундера стал в Чехословакии запрещенным автором, книги его были изъяты из всех библиотек страны, он был лишен права писать и издаваться, почти голодал и вынужден был в 1974 году покинуть родину. Кроме «Шутки» и «Смешных любовей», успевших выйти на родине, остальные его чешские книги, написанные дома и за рубежом, были изданы уже в торонтском издательстве 68-Publishers, основанном чешским писателем-эмигрантом Йозефом Шкворецким, и лишь после «бархатной революции» 1989 года стали постепенно издаваться в Чехии. Самый шумевший роман Кундеры «Невыносимая легкость бытия» в торонтском издании я прочла в 1987 году в Амстердаме (и буквально заболела им!), а с набоковской «Лолитой» впервые познакомилась в 1989 году в издании «Биб-ка журнала ИЛ», сделавшем своим читателям в те «перестроечные» годы немало неожиданных подарков. С начала 90-х годов Кундера стал издаваться и в России — его семь чешских романов в моем переводе уже более 25 лет переиздает издательство «Азбука-классика», выпускающее и собрание сочинений Набокова. Тоже знаменательное совпадение! О многих творческих, биографических и мировоззренческих совпадениях этих двух не знакомых друг с другом писателях размышляет в своих эссе Иржи Кратохвил, а я остановлюсь на самом, пожалуй, существенном для обоих сходстве — на их отношении к языку и непомерно пристальном внимании к переводу своих книг. Оба писателя, вынужденные покинуть родину, вместе с ней потеряли родной язык и родную языковую стихию. Набоков знал английский с младенчества, с пяти лет — французский, однако в предисловии к русскому изданию «Лолиты», которую «не перевел, а написал по-русски заново», он отмечает: *«Личная моя трагедия — это то, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного мне русского слога ради второстепенного сорта английского языка, лишенного в моем случае всей той аппаратуры — каверзного зеркала, черно-бархатного задника подразумеваемых ассоциаций и традиций...»*. А вот строки из его стихотворения «К России»: *«Отвяжись, я тебя умоляю!/Вечер страшен, гул жизни затих. / Я беспомощен. Я умираю / от слепых наплываний твоих... Я готов, / чтоб с тобой и во снах не сходиться, / отказаться от всяческих снов;... променять на любое наречье / все, что есть у меня, мой язык... дорогими слепыми глазами / не смотри на меня, пожалей, не ищи в этой угольной яме / не нащупывай жизни моей!»*. Французские переводы своих книг Набоков всегда тщательно проверял и восстанавливал места, с которыми не справились переводчики. В эссе «Искусство перевода» он намечает три степени грехопадения переводчика. Первая ступень — самый невинный грех, когда переводчик чего-то не знает или не понимает. Второй — когда он умышленно что-то опускает, не потрудившись дойти до сути. Но самый страшный грех, когда он берется украшать, полировать, изменять структуру фразы, стиля, считая, что пишет лучше автора. И какое совпадение с Кундерой! Ознакомившись с английским переводом «Шутки», он пришел в ужас — роман был неузнаваемо искажен, главы перетасованы, выброшены многие пассажи о музыке. Французский переводчик также не перевел, а переписал «Шутку» тем стилем, что называется un beau style: все фразы были «улучшены», расширены, дополнены банальными метафорами, украшены кокетливыми архаизмами... *«Я понял, как необходимо проверять переводы своих книг. Ведь все мои книги жили только в виде переводов — их читали, отвергали или критиковали»*. Эмиграция вынудила обоих писателей расстаться с родным языком и начать пользоваться языком своего нового обитания: Набоков на 20 лет поселился в США и стал писать по-английски, Кундера с 1976 года живет во Франции и издал уже четыре французских романа, переведенных на множество языков, кроме чешского, ибо считает противоестественным, чтобы на чешский переводил его кто-то другой. Французский роман «Неведение» по просьбе автора я перевела в 2004 году. Возможно, в его французском языке уже нет прежней раскованности родной речи, но у него, как и у Набокова, доминирует одна и та же тема — тема эмиграции, пережитая во всем драматизме людьми, лишенными родины и неспособными вернуться назад просто потому, что той родины, которую они давно потеряли, больше не существует.

Нина Шульгина

От автора:

Сразу после Первой мировой войны и большевистской революции в России Чехословакия, возникшая в числе других европейских стран в результате распада Австро-Венгрии, также стала прибежищем для русской эмиграции. Первый президент Чехословацкой республики Томаш Гарриг Масарик достойно встретил русских эмигрантов и, в частности, организовал в стране русские и украинские школы. Русскую революцию Масарик знал не понаслышке — он находился в России с 1914 года по весну 1918-го и, опираясь на свой личный опыт, написал объемистую книгу воспоминаний, озаглавленную «Мировая революция». Русскую эмиграцию приветствовал и премьер-министр чехословацкого правительства, славянофил Карел Крамарж вместе со своей русской женой¹.

В Праге некоторое время жила Марина Цветаева, где написала свои поэмы — «Поэму конца» и «Поэму горы». Жили в Праге и многие знаменитые русские эмигранты: Аркадий Аверченко, Евгений Чириков, Владимир Немирович-Данченко, Вячеслав Лебедев, Алла Головина, Елена Чергинцева, Василий Федоров, Роман Якобсон и другие. Стоит обратить внимание и на тот факт, что из многочисленных семейств русских эмигрантов вышло и немало чешских писателей: Петр Художилев, Сергей Махонин и Александр Климент. Назову и себя — мой дед по материнской линии был украинцем.

Ну, а теперь к Владимиру Набокову.

В апреле 1919 года семья Набоковых, отплыв на пароходе «Надежда» из Севастополя, начала свое эмигрантское странствие. На некоторое время семья поселилась в Берлине, где тогда была одна из самых крупных общин русских эмигрантов. Однако после покушения на Павла Милюкова, в результате которого погиб отец Набокова, мать Набокова переезжает в Прагу, где находит приют с 1923 года до самой своей кончины в 1939 году и где похоронена на Ольшанском кладбище. В Праге в 1923 году Владимир Набоков очень недолго живет с матерью и сестрами, заезжает к родным и в 1924 году, а в 1937-м, убегая с женой и сыном из Берлина в Париж, проездом снова навещает мать и сестер в Праге...

Творчество Набокова долгое время было недоступно для чешских читателей. И лишь в период «пражской весны» 1968 года появились отрывки из романа «Лолита», но советская оккупация в августе того же года помешала книжному изданию любого набоковского романа. И только после падения коммунистического режима возникла возможность в 1990 году издать сочинения Набокова в превосходном переводе Павла Доминика, причем как с русских, так и с английских оригиналов.

Однако творчество Набокова приходит в страну, литература которой все еще развивается в русле критического, затем социалистического, а ныне «потребительского реализма». Но Набоков не реалист, он не описывает реальность, а размышляет о ней посредством историй. И тем он очень близок Милану Кундере. В девяностые годы, когда миру открылась и чешская литература, многим писателям и литература нереалистическая представлялась чем-то привлекательным, еще не набившим оскомину. Однако довольно скоро она оказалась под колпаком постмодернизма, и уже теперь большая часть чешских авторов упорно возвращается к привычному реализму.

Среди чешских писателей я отношусь к тем немногим, кто высоко ценит набоковскую иронию, самоиронию и своеобразный юмор. И в романе «Обещание» я попытался воздать почести своему любимому писателю. Но письмо, которое я в романе приписываю Набокову, разумеется, моя мистификация. Набоков обожал хорошо придуманную и хорошо выполненную мистификацию, и это фиктивное письмо я старался написать так, чтобы Набоков не дал мне пощечину, когда мы с ним встретимся в «писательском чистилище».

¹ Надежда Николаевна Крамаржова, урожденная Хлудова. (Здесь и далее прим. перев.)

Владимир Набоков — романист

Если бы мне пришлось назвать имя писателя, в чьем творчестве присутствует все характерное для лучших образцов литературы двадцатого века, я несомненно назвал бы имя Владимира Набокова, ибо он, *«пройдя все искусства модернизма, пришел к обновленной — интересной, холодноватой — фабульности»*. Так в его романе *«Дар»* определен талант художника Романова, одного из представителей русской общины в Берлине. И дальнейшие определения картин Романова — *«странная, прекрасная и все же ядовитая живопись»*, — мы также могли бы найти в некоторых рецензиях на романы и рассказы Набокова. Набоков умеет все, что только можно ожидать от романов нашей недавней действительности — захватывающий триллер (*«Смех во тьме»*), гротескный дивертисмент (*«Король, дама, валет»*), экспериментальный текст с «экзистенциальным зарядом» (*«Отчаяние»*), новеллистическую игру (*«Соглядатай»*), а также скандальный бестселлер (*«Лолита»*), — однако при этом он умеет и превосходно скрывать свою человеческую боль за мнимо холодным романским мастерством. И Набоков уже задолго до постмодернизма стал его ярким представителем, а серебряная нить, что непрерывно посверкивает в ткани его историй — не что иное, как вездесущая набоковская ирония.

И если бы мне пришлось выбирать роман Набокова, в котором так или иначе присутствует все его творчество, я несомненно выбрал бы роман *«Дар»*. В нем мы найдем все набоковские одержимости, литературные и внелитературные, автобиографические образы детства и юности, скрытые за ширмой якобы чужой истории, многочисленные пассажи, посвященные бабочкам и шахматам, здесь, нет-нет да и мелькнет Пушкин или Гоголь, два его самых любимых русских писателя, здесь мы встретимся со всеми рафинированными образцами персифляжа и пародии, а также с автопортретами, одетыми в чужое платье и чужое исподнее. И как «укол иронии» появится здесь лишь в полголоса рассказанная история Лолиты.

В этом романе речь, прежде всего, идет о дарах духа, жизни, о дарах образности, творчества, фабульности. Но в нем говорится и о драме отсутствия этих даров.

«Дар» — один из самых сложных романов Набокова и для переводчика, и для читателя. В чешской переводной литературе перевод *«Дара»* сопоставим, пожалуй, лишь с переводом столь же сложной книги Фолкнера *«Притчи»*, мастерски исполненном Й. Шкворецким и Л. Доружкой. Правда, при переводе *«Дара»* чешским переводчиком могут оказать помощь и две существующие «абсолютно аутентичные версии» романа — русская и английская.

В определенном плане *«Дар»* — любовный роман, в котором судьба решает соединить главного героя книги, писателя Федора Константиновича Годунова-Чердынцева, с его будущей любовью, Зиной. Но первая ее попытка свести их *«аляповатая и громоздкая»*. Судьба делает вторую попытку, обещавшую успех, но и она ни к чему не приводит. *«После этой неудачи, — говорит Федор Константинович, — судьба решила бить наверняка, и тогда предприняла последний отчаянный маневр — показала мне твое бальное голубоватое платье на стуле — и маневр удался...»*. Но платье оказывается не Зинино, а ее кузины, и тут Федор Константинович восклицает: *«Тогда это совсем остроумно. Какая находчивость! Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане»*.

По-видимому проследить все эти удивительно бестолковые повороты судьбы в человеческих отношениях доставило бы читателю большое удовольствие, но проказник Набоков высылает навстречу течению своей love story два огромных танкера, тормозящих ее и без того осложненное плавание.

Первый танкер, что встает на пути читателя:

«Дар» относится к тем русским романам Набокова, которые изначально были обращены к берлинской и парижской русской диаспоре, и в романе этот изначальный посыл особенно очевиден.

И при этом, парафразируя Набокова, замечу, что русская эмиграция в Берлине (вплоть до его нацификации — одна из самых больших и хорошо организованных русских диаспор) с ностальгическим трепетом вслушивалась в отзвуки русской поэзии девятнадцатого и начала двадцатого века. Поэтому первые пятьдесят страниц романа, заполненные, в основном, вымышленными рецензиями на поэтический дебют Федора Константиновича, литературными заветами, аллюзиями и отголосками русского стихосложения, представляют собой настоящее поэтическое пиршество лишь для русского читателя или по крайней мере для русиста, хорошо знакомого с русской поэзией.

Второй танкер — это литературный опус Федора Константиновича, посвященный Чернышевскому.

Николай Гаврилович Чернышевский, по мнению Ленина, был *«единственный действительно великий писатель, сумевший с пятидесятих годов вплоть до 1888 остаться на уровне цельного философского материализма...»*. Будучи представителем русских революционных демократов, он написал несколько политико-воспитательных романов, из которых самый известный *«Что делать?»*. Проведя 20 лет в ссылке, он и в заключении чувствовал себя как дома. Однако этот самый жертвенный идеалист и почитаемая революционерами всех мастей икона одновременно был и весьма убогим писателем, которого Федор Константинович оценивает так: *«Гениальный русский писатель понял то доброе, что тщетно хотел выразить бездарный беллетрист»*. А вот его другая цитата: *«Чернышевский, будучи лишен малейшего понятия об истинной сущности искусства, видел его венец в искусстве условном, прилизанном (то есть в антиискусстве), с которым и воевал, поражая пустоту»*. В этой цитате Набоков посредством Федора Константиновича и его памфлета на Чернышевского сводит счеты с «эстетикой», что впоследствии столь уродливо разветвится в так называемый социалистический реализм. Чернышевский, осмелюсь утверждать, был своего рода антиподом Мефистофеля: желая сеять добро, по существу вершил зло: сеял ветер, чей губительный ураган уничтожил почти все последующее поколение. И Набоков это хорошо понимал. Однако, когда он закончил свой «Дар», Чернышевский среди эмигрантов (во всяком случае, ее части) был еще настолько почитаемым кумиром, что набоковский роман удостоился публикации лишь в 1938 году в объемистом парижском журнале «Современные записки», издаваемом эсерами, ликвидированными, как известно, в июле 1918 года большевиками. Причем роман был издан без четвертой главы, т.е. без памфлета на Н.Чернышевского. Целиком по-русски роман увидел свет лишь в 1952 году в Нью-Йорке, и там же одиннадцатью годами позже — в переводе на английский язык.

Но Набоков не был бы Набоковым, если бы четвертая глава «Дара» не была бы на самом деле пародией на памфлет, то есть пародией на пародию. Жизнь Чернышевского в четвертой главе написана в стиле гротеска вперемешку с внушающими сочувствие деталями. Федор Константинович замечает: *«...удивительно, как все горькое и героическое, что жизнь изготовила для Чернышевского, непременно сопровождалось привкусом гнусного фарса»*. И добавляет: *«Есть, есть классовый душок в отношении к Чернышевскому русских писателей, современных ему. Тургенев, Григорович, Толстой называли его «клоповоняющим господином»*.

Чернышевский не только был лишен многих даров жизни, но и сама его жизнь предстает в романе, как плагиат присущей ему одержимости своей собственной биографией. И противостоит Чернышевскому сам Федор Годунов-Чердынцев, которому Зина говорит: *«Я думаю, что ты будешь таким писателем, какого в России еще не было, и Россия будет прямо изнывать по тебе, — когда слишком поздно спохватится...»* Эти пророческие слова уже не оставляют у читателей

ни малейших сомнений в том, кто носит платье Федора Константиновича. Ведь повествователями романа с самого начала попеременно выступают Федор Константинович и Набоков, и переход от одного к другому подчас совершенно неумовим.

Останавливаясь на самых сильных страницах романа «Дар» мы вновь и вновь осознаем, что и наш реальный мир является ничем иным, как плагиатом рассказанных Набоковым историй.

Владимир Набоков — рассказчик

Герой набоковского рассказа Ultima Thule — некий загадочный Адам Фальтер, о котором точно даже не скажешь, то ли он шарлатан, то ли действительно открыл «тайну вселенной»; однако известно, что когда он «случайно поведал ее любознательному собеседнику, тот от удивления помер». Но вовсе необязательно обладать особой сообразительностью, чтобы, прочитав рассказ (а это всего лишь отрывок незаконченного романа), догадаться, что Фальтер — иронический автопортрет самого Набокова: это он, Набоков, скорее всего, прячет в «паутине стиля» коварного «метафизического наука» и с такой иронией обвиняет самого себя в шарлатанстве. В двадцать шестой главе романа Милана Кундеры «Неспешность» жена автора Вера предупреждает его: «Ты мне часто говорил, что когда-нибудь напишешь роман, где не будет ни единого серьезного слова... Никто тебя не поймет. Ты обидишь всех на свете, и все на свете возненавидят тебя за это». Жена Набокова, по счастливому совпадению тоже Вера, мужа своего, однако, не предупреждала, и случилось так, что набоковскую шаловливую визитную карточку (шарлатан) кто-то поднял и воспринял всерьез. К примеру, наш историк литературы Мартин Ц. Путна в своей книге «Россия вне России» представляет Набокова, как «гениального фокусника», чьи творения лишь «холод, безучастность и полное принципиальное равнодушие к миру, который носит название реальность». И такой морализаторский подход к писателю имеет у нас давнюю традицию. Еще много лет назад писатель Петр Пуйман определит «Лолиту», как «фекалии, обернутые прекрасной бумагой». И даже до конца восьмидесятых годов в послевоенной Чехословакии Набокова причисляли к четверым авторам (Селин, Кёстлер, Оруэлл, Набоков), чьи книжные издания вообще не принимались в расчет, тогда как в иных случаях переводчики и издатели уже мужественно распахивали для нас окна в мир. И потом, когда, наконец, поднялся шлагбаум для издания набоковских книг, — с этим у нас все равно не спешили. Возникли другие сложности. По сути их две: во-первых, Набоков исключительно труден для перевода, и, несмотря на то, что у нас наряду с превосходным переводчиком Павлом Домиником есть и другие, способные перевести с английских и русских версий романы Набокова, некоторые из них для перевода почти что непреодолимы. Вторая сложность — своеобразие Набокова. Так, как пишет он, у нас никогда не писались ни романы, ни рассказы. Набоков не изображает реальность, а подвергает ее словесному исследованию, так что во времена «потребительского реализма» его путь к нашему читателю не устлан розами. «Ведь я-то сам искатель словесных приключений», — говорит Набоков о себе в романе «Дар». Стало быть, полное издание всех его шестидесяти шести рассказов в трех томах — событие поистине уникальное. В издательстве «Пасека» в 2004 году вышли два тома, содержащие русские рассказы Набокова берлинского периода. В 2006 году выходит заключительный том рассказов, написанных сначала во Франции, затем в США. В этих рассказах Набоков уже пробует расстаться с родным языком: в одном из рассказов — в «Mademoiselle O» — он пользуется своим французским, чтобы

потом уже окончательно обжиться в английском. Свой отказ от французского он объясняет так: «...французский язык или, скорее, мой французский не так легко сгибается под пыткой моего воображения. Его синтаксис запрещает мне некоторые вольности, которые я с легкостью могу себе позволить по отношению к двум другим языкам». Набоков, как известно, владел английским языком с младенчества, французский знал с пяти лет.

Рассказы Набокова в определенном смысле — некоторая лаборатория его романов. Но это вовсе не означает, что для Набокова они являлись второстепенным жанром. Он уделяет их изданию не меньшее внимание, чем изданию своих романов. Составленные им сборники он неустанно и тщательно упорядочивает и обстоятельно комментирует. Последнее трехтомное собрание рассказов в издательстве «Пасека» объединило все авторские примечания и предисловия, из которых мы узнаем, что большинство рассказов с русского на английский Набоков перевел сам либо вместе со своим сыном Дмитрием. И в этих переводах, естественно, ощущается нечто сугубо набоковское, присущее всем его сочинениям. Третий том издания содержит два фрагмента («*Ultima Thule u Solus Rex*»), написанных Набоковым в Париже и задуманных автором как две первые главы незавершенного романа. Не считая эти фрагменты окончательно неудавшимися, он лишь на время откладывает их, как таинственные коконы будущего романа, рождению которого уже помешала резкая перемена жизни: Набоков покинул Европу и на двадцать лет поселился в Америке. Третий том содержит и два рассказа («*Mademoiselle O*» и «*Первая любовь*»), которые впоследствии, с некоторой переработкой, станут главами в мемуарном романе «*Память, говори*»¹, однако сам Набоков никогда не решался окончательно выбросить их из сборников рассказов — факт, явно свидетельствующий о том, какое значение он придавал этому жанру. (В издательстве «Пасека» эти два текста опубликованы дважды: в книге «*Память, говори*» и в сборнике рассказов. Хотя для меня остается загадкой, почему для этих изданий не были использованы два разных, но равноценных по качеству перевода: перевод Доминика в книге «*Память, говори*» и перевод Сенкиржика в книге «*Набоковская дюжина*».)

При чтении набоковских рассказов, прежде всего, вас озадачивает сам текст, перегруженный образностью, зачастую слишком непривычной, порой космологической, а порой сновидческой или сюрреалистичной, энтомологической или мифологической, а порой загадочной или провокативной. Набоковские рассказы насыщены впечатляющими деталями, развернутыми отступлениями, историями в историях, многочисленными рефлексиями, умной интертекстуальностью и словесной игрой (так рассказ «*Сестры Вейн*» завершает абзац, содержащий в акrostихе имена обеих сестер), не говоря уже о том, что буквально каждый его рассказ ищет свой собственный способ повествования, свои собственные композиционные ходы. Но при всем этом, рассказы отнюдь не представляют собой эстетскую кладовую или всего лишь ритуал, а напротив, эта густая паутина метафорического стиля является защитным слоем, за которым ощущается саднящая травма эмиграции, какую Набоков сумел выразить так, как мало кто из эмигрантских авторов. Самые лучшие из его рассказов — прежде всего, именно о страданиях эмиграции и невозможности возвращения. В первые два тома этого полного собрания вошли рассказы, воссоздающие берлинский период русской эмиграции двадцатых и тридцатых годов прошлого века (в этом эмигрантском гетто Набоков после убийства отца террористом создал и свое собственное гетто) вплоть до 1937 года, когда он с женой и сыном бежит от «коричневой чумы» Берлина через Прагу в Париж. Как пример того, сколь изобретательно умеет Набоков компенсировать боль и пытку эмиграции, я привел бы рассказ «*Здесь говорят по-русски*», включенный в первый том издания. Свою ненависть к советскому режиму в рассказе он превращает в нечто причудливо-комическое: русские эмигранты ловят советского агента ГПУ и прячут его

¹ Англоязычная версия «Других берегов».

в ванной, превращенной в довольно комфортабельную тюремную камеру. В третий том помещен рассказ о бегстве из все более безнадежной Европы. Рассказ «*Что как-то раз в Алеппо...*» содержит впечатляющий пассаж, говорящий больше, чем все когда-либо написанное на эту тему: «*Не хотелось бы упустить из памяти и тот поворот шоссе, возле которого мы увидели семью беженцев (две женщины и ребенок) над телом их умершего в пути отца или деда. Небо было переполнено топлящимися в беспорядке тучами — черными и освежаванными, подсвеченными нелепым снопом лучей из-за нахохленного холма, а под пыльным платаном лежал на спине покойник. Женщины прежде уже пытались руками и при помощи палки вырыть придорожную могилу, но земля была слишком твердой, и они, бросив это занятие, теперь сидели рядышком в окружении анемичных маков, чуть поодаль от мертвеца, задравшего седую бороду к небесам*». В другом рассказе «*Лик*» мучительные переживания детства и юности героя на покинутой родине объединены с его неожиданной встречей одноклассника-истязателя в эмиграции, встречей, погружающей читателя в атмосферу ночного кошмара: «*Колтунов всегда наплывал на него без слов и деловито пытал его на полу, раздавленного, но всегда ерзающего... и посещение гимназии было для Лика невозможным страданием, ...а ночные мысли о том, как он наконец убьет Колтунова, только изнуляли душу*». Читая рассказ, мне вдруг пришло в голову одно странное сравнение, которое, пожалуй, могло бы заинтересовать Набокова: его всегда привлекали странствия разных историй, что, подобно потерянным душам, вселяются в чужие тела. Рассказ «*Лик*» выходит в 1956 году в английском переводе в Нью-Йорке, когда там живет чешский писатель Эгон Гостовский, не возвратившийся после 1948 года на родину. Окончив новеллу «*Благотворительная вечеринка*» и прихватив с собой рассказ «*Лик*», он уезжает в провинцию, чтобы работать над своим самым известным и крупным романом «*Всеобщий заговор*». И я уверен, что возбуждающим импульсом для его написания мог стать набоковский рассказ «*Лик*». Именно «*Лик*» мог стать для Гостовского той малой искоркой, чья вспышка разбудила в глубинах подсознания писателя огромного левиафана его романа. Удивительно, однако, что в своих литературных воспоминаниях он ни словом не обмолвился о какой-либо связи своего романа с именем Набокова.

Но на этом наш улов в этих водах еще не кончается. Достоинно внимания еще одно соприкосновение с чешской эмигрантской литературой. Когда в 1974 году отправляется в эмиграцию Милан Кундера, Набоков уже четырнадцать лет проживает в Швейцарии, где 2 июля 1977 года и умирает. Эти двое никогда не встречались, и на первый взгляд между ними не наблюдается никакой близости: «рациональный язык» Кундеры по сравнению с перегруженным образностью набоковским текстом! Однако муки эмиграции и боль от невозможности возвращения, что знакомы нам по рассказам Набокова, Кундера изобретательно и волшебным образом компенсирует иронией в романах «*Книга смеха и забвения*» и «*Неведение*». А искупительная роль искусства в понимании Набокова противопоставлена тому, что я называю кундеровской «*религией романа*». Оба писателя — мастера иронии, самоиронии, мистификации, они оба ощущают сходную антипатию к Достоевскому, к его текстам, захлебывающимся эмоциональной истерией, отсюда их мнимая холодность и мнимая безучастность, они оба испытывают одинаковую неприязнь к чужим переводам своих текстов и оба с течением времени расстаются с родным языком. И я осмелюсь утверждать, что первый роман, написанный Кундерой по-французски «*Неспешность*», является, кроме прочего, авторским — осознанным или неосознанным — выражением особого почитания Набокова, причем не только ввиду его шуточного энтومологического мотива, связанного с чешским энтомологом Чехоржипским, но прежде всего благодаря его новаторским вкраплениям различных литературных текстов, временных и смысловых пластов, а также игры с возможными интерпретациями.

Когда к нам, наконец, во второй половине восьмидесятых годов добрело торонтское издание «Невыносимой легкости бытия», один критик стал меня убеждать, что Милан Кундера циничный автор, и его роман — не более чем калькуляция, рассчитанная на успех у французской публики: полно секса и немного псевдофилософии, призванной вызвать у читателя ощущение, сколь легко постижимы Ницше и Парменид. И свое моральное осуждение подкрепил небольшой историей, которая должна была меня убедить, что такой циник, как Кундера, не может писать хороших романов. Ох уж это ненавистное морализаторство, которое доказывает лишь наш заскорузлый традиционный подход к литературе! И вот я уже окружным путем возвращаюсь к судилищу Мартина Путьны, вынесшему приговор «циничному озорнику» Набокову и его «холодным и скалькулированным романам».

Как бы ни была мне понятна и близка мотивация рассказа «Истребление тиранов», открывающего третий том собрания рассказов в издательстве «Пасека», я считаю его политическим памфлетом, то есть одним из более слабых набоковских текстов. И если бы я должен был назвать рассказ, который мне особенно дорог, я остановился бы на заглавном рассказе второго тома — на рассказе «Пильграм»². Это ироничный и карикатурный автопортрет Набокова-энтомолога, комичный и мучительный автопортрет мечтателя и страстного коллекционера бабочек, который в своих снах отправляется в дальние края за ловлей этих «драгоценных даров природы»: на Тенерифе, в окрестности Оротавы, на болота Лапландии, на вересковые холмы под Мадридом, в долины Андалузии, пробирается в волшебный Уссурийский край и в Алжир, мечтает проникнуть в Конго и на Суматру... «Детей Пильгрим никогда не хотел, дети служили бы только помехой к воплощению той страстной, неизменной, изнурительной и блаженной мечты, которой он болел с тех пор, как себя помнил».

Однако для внимательного читателя рассказ может стать ключом к пониманию всего набоковского творчества, ибо таким мечтателем является не только Набоков-энтомолог, коллекционирующий «драгоценные дары природы», но и Набоков-писатель, оттачивающий в своей берлинской, парижской, американской и швейцарской мастерской совершенно иные драгоценности.



© Текст: Иржи Крадохвилл
© Перевод: Нина Шульгина

² В английском переводе The Aurelian.

Две главы из романа «Обещание»

Набоков извещает о своем приезде

Отец архитектора Модрачека, доцент Зденек Модрачек, преподавал на философском факультете брненского университета пропедевтику и логику. Но вскоре после оккупации Чехословакии скончался в результате какой-то банальной операции по поводу легочной эмболии.

Интерес доцента Модрачека был направлен, прежде всего, на христианскую философию, причем на то ее ответвление, которое оказало особо сильное влияние на самого выдающегося представителя религиозной мысли в России, а именно на Владимира Соловьева и его идею богочеловечества. Основные труды Соловьева «Кризис западной философии» и «Чтения о богочеловечестве» Модрачек перевел на чешский язык. Среди продолжателей Соловьева доцента Модрачека, естественно, больше всего интересовал Николай Бердяев, этот экзистенциальный метафизик, из наследия которого он перевел «Философию свободного духа». Работая над переводом, он завязал переписку с Бердяевым, проживавшим в эмиграции в Париже. И тем самым установил контакты с тамошней русской диаспорой, которая в свою очередь была тесно связана с русской диаспорой в Берлине. Постепенно берлинские знакомства Модрачека расширялись, среди них становилось все больше знаменитых личностей из России, пока дело, наконец, не дошло до переписки с писателем Сириным, то есть с Владимиром Набоковым.

Так Зденек Модрачек стал первым чешским переводчиком Набокова. Конечно, поначалу он испытывал невероятные трудности, переходя, словно по тонкому льду, с перевода философских эссе на перевод художественной литературы, беллетристических текстов, однако со временем он с головой окунулся в это занятие. Он перевел несколько набоковских стихов и рассказов, затем увлеченно взялся за перевод романа «Защита Лужина». Правда, от этого смелого замысла в наследии Модрачека осталось лишь тридцать четыре, теперь уже целиком пожелтевшие страницы. Но переписка Модрачека с Набоковым переросла в дружеские отношения, подкрепленные еще и тем, что доцент Модрачек по просьбе Набокова несколько раз навестил его мать, Елену Ивановну,

урожденную Рукавишникову, которая после убийства мужа, отца Набокова, застреленного террористом в Берлине в 1923 году, переехала в Прагу, на Смихов.

С тех пор, как Гитлер стал рейхсканцлером, жизнь в Берлине становилась все более и более угрожающей — ведь жена Набокова, Вера Евсеевна, урожденная Слоним, была русской еврейкой. И все же, прошло четыре года, прежде чем Набоков решился и в мае 1937 года отправил жену с трехлетним сыном Дмитрием в Париж. А сам он отбыл в Париж через Вену, то есть через еще не захваченную Гитлером Австрию. Но до этого он послал Зденеку Модрачеку письмо на русском языке, из которого я позволю себе процитировать лишь небольшой фрагмент: «...бегу из Берлина, который уже успел превратиться в ловушку, что со дня на день может захлопнуться. По пути в Париж еще спешу завернуть в Вену — навестить своего доброго приятеля, энтомолога Фрица Бёльше. (Интересуйся Вы больше энтомологией, мой дорогой друг, Вы бы знали, что существует бабочка *Ladoga Camilla Bölsche*, довольно редкая мутация весьма распространенного вида, обнаруженного еще Карлом Линнэ. Но могу ли я требовать от Вас всех этих сведений, ведь о мутации *Ladoga Camilla Bölsche*, названной по имени моего доброго приятеля Бёльше, знают лишь истинные знатоки энтомологической таксономии.) Однако должен Вам признаться, что моего доброго приятеля, энтомолога Фрица Бёльше, я намерен не только навестить, но и буквально «похитить» его. Я постараюсь убедить его присоединиться ко мне, ибо полон дурных предчувствий, что Гитлер не ровен час проглотит и Австрию. В связи с этим я хотел бы спросить у Вас, дорогой друг, а в этом, собственно, и состоит смысл данного письма (смысл, который затем постепенно покрывался дальнейшими смыслами, ибо пишу Вам письма с тем же удовольствием, с каким лакоплюсь персиковым вареньем, напоминающим мне воскресные обеды моего детства в нашем старинном загородном поместье, в Выре), да, дорогой друг, я хотел бы спросить у Вас, не станете ли Вы возражать, если я с моим приятелем Бёльше попытаюсь проделать мой путь из Вены в Париж через Брно? Ведь близость и органическое родство этих двух городов буквально взывает к «двуместью» в некоем отдаленном идиллическом будущем. Мы бы остановились у Вас, повидались бы с Вами и снова в путь, так как я хочу заглянуть еще в Прагу, навестить мать и, быть может, уговорить ее присоединиться к нам. Но из ее писем знаю, что в Праге ей безмерно нравится, ибо как Брно сродни Вене, так и Прага, уж поверьте мне, сродни Санкт-Петербургу, и не архитектурным стилем — этого, пожалуй, там и не сыщешь, — но зато в высшей степени какой-то загадочной и строгой мечтательностью...»

К этому фрагменту набоковского письма добавлю еще одно замечание: *Ladoga Camilla*, как я выяснил, заглянув в энциклопедию, бабочка из семейства *Nymphalidae*, которая распространена у нас и известна как «белый адмирал», чаще всего встречающийся на цветах ежевики. Но это, конечно, не относится к упомянутой мутации, названной по имени венского энтомолога Бёльше и обитающей лишь в южном предместье Вены.

Набоков приезжает

Я вспоминаю отца, который — да, именно так — совершенно потерял голову в ожидании встречи с Набоковым. Тогда мы еще жили в большой квартире на Августинской улице, где за высокой стеной располагался монастырский сад ордена августинцев. При коммунистах, конечно, улица была переименована в Ясельскую.

Стоял теплый май тридцать седьмого года, и я по просьбе отца срочно вернулся домой из Оломоуца. Как раз там я закончил свою первую самостоятельную работу — загородную виллу для авто-

мобильного заводчика Нуска. И испытывал особое удовлетворение, что мне удалось перенести в архитектуру Оломоуца медленно угасающий в Брно свет функционализма. Но кто теперь может знать, что произошло бы, не вмешайся во все это война и немецкая оккупация. Пример тому «Тесаржова вилла» в Писарках, явно доказывающая, что воображение Богуслава Фукса¹ тогда еще не угасло и что конец тридцатых и начало сороковых годов вполне могли бы стать дальнейшим значительным этапом современной брненской архитектуры. Но сейчас речь не о том.

За три дня до приезда писателя отец нанял толковую работницу, которая превратила нашу квартиру в «поле битвы», откуда я убежал в «совиный замок» — в квартиру своей будущей жены в Черном поле. А за два дня до приезда Набокова пригласил еще и кухарку из отеля «Слован». С ней отец просиживал долгими часами, обдумывая различные варианты меню, словно составлял месячный план работы для большого ресторана, хотя речь шла всего лишь об одном ужине, завтраке и обеде. Потом началась варка, жарка, выпечка, а когда к тому добавился еще и пылесос, весь дом приобрел такой парадный вид, что, заглядывая туда на минуту-другую, я всякий раз тарасил глаза, точно какой подросток, впервые в жизни увидевший необузданные оргии, которые прежде мог только вообразить.

Отец решил визит Набокова задокументировать. И потому без конца всем надоедал своим фотоаппаратом-лейкой, с которым не умел толком и обращаться.

Началось все это еще на брненском вокзале. Набоков с учтивой готовностью позировал ему в темном пиджаке с уголком белого платочка в нагрудном кармане и в белой рубашке, повязанной галстуком в горошек — образцовый джентльмен в дороге. Потом он сел на большой чемодан, другой зажал между колен и озорно заулыбался. От тех неполных суток, что Набоков провел в Брно, сохранилась пачка фотографий, на которых у него все еще хорошая спортивная фигура, но, пожалуй, уже чуть тронутая годами. Он ведь не раз стоял в воротах берлинской футбольной команды русских эмигрантов. И он не только был писателем и, подобно отцу, переводчиком, но и страстным охотником за бабочками и конструктором шахматных задач, чем мой отец никогда не занимался. Сначала Набоков должен был приехать с одним венским энтомологом, поэтому ужин, завтрак и обед были рассчитаны и на его попутчика, причем касалось это не только провизии (которой отец заполнил кладовку, холодильник и погреб так, что мы потом месяц сгрызали эти запасы, как мыши сыр «эмменталь»), но и взятых на время серебряных приборов. Упомянутый энтомолог, однако, не приехал — вероятно, не счел нужным бежать от нацистской гидры, беснующейся за австрийским забором. Хотя Набоков тотчас намекнул нам, что австрийский энтомолог у него в большом чемодане. Я же скорее мог бы вообразить, что брюхо этого огромного чемодана набито книгами, рукописями и словарями.

Эти неполные сутки с Набоковым запечатлелись в моей памяти невообразимой отцовской эйфорией, которая, словно большущая рыба, торжественно проплыла по всем нашим комнатам и, выпущенная на улицу, достигла недалекой площади Коменского. Отцовскую радость, которую доставляло ему общение с Набоковым, я воспринимал скорее визуально: они говорили по-русски, по-французски и по-немецки, с очевидным удовольствием перемешивая эти три языка, которыми отец владел почти так же свободно, как и его гость, но из их разговора я улавливал разве что немецкие и кое-какие русские пассажи. Немецких было куда меньше, и затрагивали они лишь малоинтересные организационные проблемы, тогда как о литературе разговор шел по-русски, а о блюдах, женщинах и бабочках — по-французски. Я быстро понял, что речь их была четко разграничена по темам, так как оба во всем ценили порядок, включая и разговор, который вели: каждой теме, каждому кругу вопросов они отводили определенный язык, ибо каждый язык весьма специфичен, каждый из них сотворен Богом для одной-единственной человеческой деятельности или челове-

¹ Чешский архитектор-модернист (1895–1972). Один из основоположников современного международного стиля.

ческого интереса, и лишь страшный бардак, который, увы, правит миром, стал виновником того, что люди пользуются всего лишь одним языком на все случаи жизни.

Пожалуй, я должен был бы со всеми впечатляющими подробностями описать тот вечерний пир в нашей квартире на Августинской, но, как ни печально, я не могу припомнить, что тогда было к ужину, не могу даже назвать ни одного из поданных блюд, и, возможно, это потому, что не знаю французского, на котором говорят про еду, женщин и бабочек. Хотя, пардон, уточняю: кое-что от этого торжественного ужина все-таки засело в моей памяти, пусть даже это не касается блюд. Отец для ужина нанял официантку. Я не могу точно сказать, служила ли она в отеле «Слован», но отлично помню — такое не забывается, — что она всего лишь заменила настоящую официантку, какие тогда были на вес золота. Отец был раздосадован, что нашел только эту «нимфетку», девчужку лет тринадцати: тупой носик, веснушчатое личико и лиловые пятна на шее, где, наверно, когда-то пировал сказочный упырь. Но теперь — самое главное. Почему именно я помню это в таких подробностях? Как я сумел пронести через бездну лет, отделявшую меня сейчас от тех идиллических времен, ее кричаще размалеванный образ? Верно потому, что в ней было нечто совершенно необычное, и я временами в ее присутствии испытывал что-то вроде стыда, или что-то на грани стыда. Ведь это совсем еще детское создание было наделено всеми женскими прелестями, в совершенстве усвоило весь этот женский репертуар и не стеснялось, пусть лишь намеками, представить его нам.

Впрочем, притворная ее игра не имела ничего общего с тем, ради чего она была нанята. Хотя, надо сказать, эта игра никак не мешала ей образцово обслуживать стол; напротив, игра была неким дополнением ко всему прочему, и мне теперь кажется — когда в проблесках воспоминаний я вижу, словно на сцене, освещенной на миг электрическим разрядом, очаровательные девичьи руки и ноги, подобные ногам съездившегося жеребенка, — да, мне теперь кажется, что эта нимфетка все это разыграла в честь нашего гостя, как бы желая сообщить ему что-то важное, какое-то неведомое нам остальным послание.

В тот вечер мы как раз много говорили об атональной музыке, о Шёнберге и о его пути к додекафонии, когда Набоков вдруг оборвал себя на полуслове и, застыв с поднятой в воздух вилкой, загляделся на эту официантку; через секунду-другую он отложил приборы и быстро провел руками по лицу, словно вырывал себя из какого-то транса, словно стирал с лица что-то ненужное, а затем, снова взяв приборы, закончил свою фразу. Эту фразу, то есть самую существенную ее часть, как бы нереально это ни звучало, я отлично помню до сих пор. Будто бы в ту исключительную минуту в нашем разговоре присутствовало какое-то особое вещество, которое мумифицировало ее. Эта фраза была сказана по-немецки, и я спешу уточнить, что на немецком языке свойственно говорить не только о вещах будничных, деловых и организационных, но о музыке и философии. Это тоже его сферы. И фразу Набокова я привожу в ее полном звучании: «Überzeugt, der Musikgeschichte mit seiner Zwölftonästhetik weite Perspektiven eröffnet zu haben, erklärte Arnold Schönberg, dass durch ihn die Vorherrschaft der deutschen Musik für die nächsten hundert Jahre gesichert sei»².

На углу Августинской улицы — почта, и Набоков с утра пораньше поспешил туда дать матери в Прагу телеграмму, что еще сегодня вечером навестит ее.

До обеда мы познакомили Набокова с городом. Прежде всего, я указал ему на архитектурную и урбанистическую близость Вены и Брно, о чем теоретически он уже знал, но мне казалось, что его может заинтересовать и наглядное сравнение этих двух городов. И несмотря на то, что мой отец за спиной Набокова жестами и мимикой давал мне понять, что считает неуместным надоедать гостю моей немецкой лекцией на эту тему, я все-таки сказал все, что хотел, и даже попытал-

² Арнольд Шёнберг, убежденный в том, что своей двенадцатитональной эстетикой он открыл для истории музыки широкие перспективы, заявил, что благодаря ему немецкой музыке гарантировано превосходство на последующее столетие.

ся объяснить Набокову, что параллельно с Веной в первой половине девятнадцатого века и Брно из закрытого и укрепленного города превратился в город открытый. Исчезали городские стены, рушились барочные укрепления бастионов и — в результате — городские ворота. И настало время окружного проспекта...

Когда я сейчас, спустя долгие годы, вспоминаю тот давний визит Набокова, в моей памяти воскресает чувство сильного разочарования, испытанного мною тогда. Как бы ни преклонялся отец перед своим властителем дум — философом Бердяевым, он не менее высоко ценил и писателя Набокова. Он считал его одним из самых великих писателей современности. Причем восторженно говорил о его человеческих качествах. И я, конечно, ждал увидеть что-то необыкновенное, этакое диво дивное, ну, например, некоего князя Болконского в собольей шубе и с орденом Дмитрия третьей степени. И потому в разочаровании, которое затем наступило, виноват я сам, моя тупость.

В день отъезда Владимир Набоков вручил моему отцу подарок, которым отец до самой смерти (а она, чертовка, к сожалению, уже топталась и переминалась за дверью, да так нетерпеливо, будто торопилась еще куда-то) бесконечно дорожил. Это была рукопись набоковского рассказа «Здесь говорят по-русски»³, и отец вскоре перевел его. Разумеется, теперь уже не имеет значения, чем была продиктована такая надпись на дверях или в витрине некоего берлинского магазинчика, предупреждающая русского эмигранта или туриста, что здесь говорят по-русски, но тогда...

На меня же тогда ни рассказ, ни сам визит Набокова не произвели особого впечатления. И должна была пройти долгая череда лет, прежде чем я понял, что этот визит и этот дар, по существу, были предназначены мне. Это был всем дарам дар!



© Текст: Иржи Кратохвила

© Перевод: Нина Шульгина

³ Рассказ написан в 1923 г. Переведен на английский язык Д.В.Набоковым. На русском языке не публиковался. Обратный перевод в 2011 г. сделал С.В. Сакун.

БЕЛЫЙ ЛАУРИН

Тому уж ровно пятьдесят лет, день в день. Был август 1967 года, полный, щедрый; в садах набрали спелость сизые, будто покрытые изморосью сливы; на полях, раскинувшихся по склонам холмов, колосилась высокая пшеница, и ее уже вязали в снопы окрестные словацкие крестьяне.

Мы жили в школе, на лето превращенной в студенческое общежитие.

По какой-то высокой политической договоренности (до которой нам не было никакого дела), наш стройотряд оказался здесь, в шахтерском городке, среди мягких складок предгорий Штявницких гор. Городок был прелестный, древний и тихий, с двумя замками, Старым и Новым, множеством церквей и барочными домами по главной улице. Улица была вымощена старым камнем, она петляла по холмистой коже города и выводила на главную площадь Святой Троицы, где высилась Чумная колонна в честь избавления от чумы, опустошившей город в Средние века. Когда-то здесь, может быть, и гномы добывали серебро, золото и изумруды. Богатый был город, с собственной Горной академией.

Да и сейчас, на шахте, куда мы приехали возводить какую-то контору при управлении, тоже продолжали добычу, о которой много не говорили. Руда и руда. Как-то раз нас даже спустили под землю, а потом долго отмывали в шахтерской душевой, пропахшей сырым потом. Шахта запомнилась тесной клетью, деревянными частыми подпорками, грохотом отбойных молотков и духотой. Когда выбрались наверх, с облегчением долго вдыхали чистый горный воздух.

Отряд наш (здесь его называли *бригада*) был маленький — человек двадцать; работали мы усердно, правда, работы было не так уж много. Участие наше в строительстве чехословацкого социализма было, скорее, символическим: рыли какую-то траншею под фундамент, потом бетонировали, подвозили тачки с раствором... Работа начиналась рано, часов в семь, мы шли к шахтоуправлению через весь город, переодевались там и расходились по нарядам: кому копать, кому тачку возить, кому раствор мешать.

Вечерами шли по тихому городу в центр, мимо лучшего в городе отеля «Гранд» с рестораном, где к чашечке кофе непременно приносили стаканчик воды, мимо кинотеатра, где посмотрел, помню, «Красную пустыню» Антониони с Моникой Витти — в пивную, где и просиживали вечера с другими студентами — братиславскими и немецкими, из ГДР.



В какой-то день мы даже столкнулись с высокой «гэдэровской» делегацией и видели самого товарища Вальтера Ульбрихта. Нас не гоняли охранники, мне даже удалось сфотографировать братского лидера с интеллигентской бородкой клинышком.

Мне было двадцать лет, впервые в жизни я попал за границу в чудесный старинный австро-венгерский городок, мало (как я теперь понимаю) в чём изменившийся с начала двадцатого века.

Сюда мы добрались по узкоколейке на маленьком, почти игрушечном, поезде, состоявшем из нескольких вагончиков, который тащил тоже маленький, как на детской железной дороге, паровозик-*рыхлик*, построенный, наверное, еще до Первой мировой... Все здесь было колоритное, яркое: белые штукатуренные стены, рыжие и красные черепичные крыши домов, зеленая медь костелов. Чистенькое, заграничное и бедноватое, но мы-то этого тогда не замечали.

Короче, я был свободен и абсолютно счастлив. И страна казалась мне свободной: здесь шли фильмы, которых у нас не показывали, отовсюду доносились «битлы», настоящие и местные; в магазинах лежали те книги, которые у нас были под запретом, а в газетах (я немного почитывал «Млада фронта») обсуждалась живая политическая жизнь.

Советский студенческий стройотряд за границей — это, знаете, было не просто так... Все мы были с разных факультетов и попали сюда через институтский комитет комсомола, хотя набор в отряд был чуть ли не по объявлению. Нужно было внести довольно много денег (мне, поджавшись, дали родители, когда денежный дядя Миша отказал с назидательным письмом, что надо самому зарабатывать, что он, может, и дал бы на что-нибудь путное, но уж никак не на «барские» заграничные развлечения).

Я бывал прежде в других отрядах: мы ставили столбы в Поволжье, проводили первичную электрификацию, давали в села «лампочки Ильича» — уже после полета Гагарина.

В бригаде я подружился с Ильей Т. (он был старше меня на несколько лет, уже аспирант) и Витей Переверзевым, нашим командиром. Виктор тоже был старше меня, после армии: сильный, высокий, плотный, уж не помню, откуда он был родом. Играючи возил по трапам тачки в два раза тяжелее, чем любой из нас. С ним мы спорили о политике. Переверзев был членом партии.



С только лет прошло, а я помню, все будто это было вчера.

Вдали на дороге из-под холма возникает точка, вот она медленно приближается: это роскошный белый кабриолет «Лаурин&Клемент», наверное, из ранних тридцатых. Две девушки смеются, машут нам, — и кабриолет плавно проплывает мимо. Вечером видим их в лучшем в городе ресторане — «Гранд». Где же еще! Знакомимся: Яна и Эвичка. Теперь все вечера мы с Ильей были заняты Яной и Эвичкой.

Как-то мы работали в паре с Переверзевым у бетономешалки. Пока готовился переваливаясь в барабане, бетон, заговорили про партию. Я спросил, Виктора:

— А в партию как тебя угораздило?

Он пожал плечами: в армии предложили, в сержантской школе.

— И что тебе это дает?

— Командир сказал: вступай, лучше быть членом, чем х... Так он мне сказал, и я с ним согласился.

— Ну и как, — лучше стало?

— По крайней мере, от меня что-то зависит. И о том, что происходит, я знаю больше тебя.

— Да ну? — возразил я. — Радио, что ли, слушаешь? И что такое партия сегодня, когда у нас общенародное государство? Ну раньше понятно, была борьба за строительство социализма и все такое, но теперь-то зачем?

Я думаю, ее просто забыли распустить где-то сразу после войны...

— А я думаю, — он остановил мешалку, чтобы не мешала грохотом своим, — поговорив с такими как ты, ... незрелыми да гонорливыми, что еще долго будет партия нужна. Чтобы цели не забывали и направление. Не то забредем куда-нибудь не туда. Тебе здесь, я вижу, нравится?

— Очень нравится, — сказал я, — а чего плохого? Доброжелательная, просто отличная страна!

— Не спорю, и мне нравится, только разные тут люди и силы есть. Ты инструктаж-то помнишь? Дальний рубеж, рядом Западная Германия, Австрия, мелкая буржуазия, единоличники... Так что держать надо ухо остро! Я на тебя не давлю, просто подумай...



Как-то в свободный день (в воскресенье мы не работали) отправились мы в горы, нависавшие темными зелеными валами над городом. Девушки были в легких платьицах, привычные к ходьбе по горам, а мы упарились, пока забрались на самый верх, где на лесной поляне нашли целые россыпи земляники. Илья с Яной скоро исчезли в зарослях, а мы с Эвичкой — гибкой, юной, с копной волос под Мирей Матье — остались на нашей поляне. Облака можно лизнуть языком, городок далеко внизу... Отношения наши были вполне невинны, но полны напряженной томности, нам вполне хватало взгляда, улыбки — и ожидания.

Не помню, о чем мы говорили. Возможно, о будущем, хотя каждый видел его по-своему. Ей был интересен мой мир, она никогда не бывала, даже в Братиславе, а я — дальше Москвы. Она училась в медицинском училище, собиралась стать врачом. Ее подруга, влюбившаяся по уши в Илью, училась на историческом и готовилась в искусствоведы. Илья, как человек постарше и поопытнее, умел обращаться с девушками, в том смысле, что не упускал своих шансов. Он считал, что упустить девушку — значит разочаровать ее.

Спустившись вниз, мы договорились на следующие выходные поехать к гости к Яниним родственникам. Ее машина, уже редкая по тем временам, привлекала всеобщее внимание, которое нам всем очень нравилось. Невозможно было устоять перед искушением — покататься с такими девушками на такой машине! Впрочем, вблизи и внутри, она не такая шикарная, как виделось со строительных лесов. Она была цвета слоновой кости, довольно старая, но ухоженная: заботливый хозяин держал ее в порядке. Ей лет, как минимум, тридцать — на крыльях и багажнике проступает ржавчина, кожаные сидения потрескались; машина открытая, и дожди, пыль, ветер и снег сделали свое дело. Обивка жестка на ощупь, руль тонкий, красного что ли дерева, истерт; ехать тряско, подвеска рессорная, жесткая, как у полуторки. Мотор тарыхтит и скорость никак не набирает, особенно в гору. Зато сияют медью фары, и радиатор был как новый...

Загрузившись, мы поехали. Водитель Яна была аховый. Пару раз заглохли на подъеме в гору, потому что она вовремя не переключала передачу, потом спускались вниз слишком быстро и мы боялись вылететь с дороги на каком-нибудь крутом повороте. Илья, сидевший рядом с нею, все время скрипел: «подтормаживай!» По его рассказам, отец пятый год сидел где-то в Замбии, по приезде купил на чеки «Березки» роскошную бежевую «Волгу». Но открытый белый «Лаурин-Клемент» был куда как круче: с кожаными сиденьями, блестящими крыльями, огромными медными фарами, он был как из недостижимого мира боготворимого нами Скотта Фицджеральда, мира богатых и прекрасных людей.

Илья был из такой породы — он был невысок, но изящен. В свои двадцать пять уже аспирант, а еще поэт и знаток поэтов «Серебряного века», которых в нашем поколении мало кто тогда. А он знал наизусть и вечерами вдруг читал целыми периодами. Свои и чужие. В общем, Илья был блестящий парень, но моя Эвичка была симпатичнее его Яны, которая была изящна и мила, но Эвичка была красотка, а о Яне этого не скажешь.

Едем в гости к Яне на хутор — усадьба, обсаженная старыми деревьями, большой старый каменный дом под черепицей, каменный же скотный двор, за ним сад, а дальше, на склонах холма, — поля с желтеющей пшеницей. Я тоже научился жать серпом и, подхватив сноп на колено, ловко обвязывал его соломенным жгутом-пояском. Этому меня научил Милан, дядя Яны, *единоличник*. Это мне было не очень-то понятно: почему он не в кооперативе? Или — как там у них называется, в колхозе? Милан смеется: свое хозяйство лучше! У него кони, коровы, белый Лаурин. Словом, не наш человек.

Мы уехали, не отпросившись, просто сказали кому-то из наших: передай, мы скоро вернемся, просто покатаемся. Но уехали довольно далеко. Застолье — отказаться невозможно. На следующий день мы вынуждены были добираться назад *рыхликом*, да еще с пересадкой. Поезд — раз в сутки, обратно возвращаемся только к следующей ночи... Начальники готовы нас разорвать, уже хотели было нас искать, но боялись поднимать шум, самим же несдобровать, если что пойдет не так.

А мы возвращаемся с бутылкой крепкой сливовицы, будучи сильно навеселе. Дальше все — как положено: устраивают собрание, обструкция, угрозы: не видать вам института и забудьте про границу навсегда!

Начальство наше уже бил колотун: куда мы пропали, не сбежали ли в Австрию, нет ли тут *провокации*? Хотя им донесли, конечно, что мы свалили с местными девчонками на шикарном белом лимузине.

В студенческом стройотряде всегда был командир, комиссар, заведенный порядок, дисциплина, а уж в заграничном — тем более.

Но я с самого начала, как говорится «положил на это с прибором». Я был *внештатником* «Московского комсомольца», опубликовав там пару заметок на полосе «Студенческий меридиан»: про бесчеловечные порядки в общежитии и еще какую-то, уж не помню о чем. Ответственный секретарь находился под сильным впечатлением от моей заграничной поездки и смекнул, что мандат написать нетрудно, а зарубежные материалы совершенно бесплатно украсят газету. И выдал мне бумажку, где было написано, что я являюсь специальным корреспондентом «Московского комсомольца» в Чехословакии и призван писать оттуда репортажи.

Этот высокий статус окончательно вскружил мне голову, и я объявил себя «свободным журналистом». Самое удивительное, что начальство (был с нами кто-то из ректората, уж не помню) с этим согласилось, и мне была предоставлена «вольная». Прошло недели две, половина нашего трудового срока.

Как-то приехал человек из Москвы, привез номер «Московского комсомольца», где на первой полосе был мой репортаж о нашем героическом труде. Помню последнюю фразу — про то, как мы идем (возвращались из нашей пивной — но о том ни слова) и, де мол, «древние камни отбивают свой ритм на подошвах наших башмаков». Мне очень нравилось. Моя свобода была подтверждена.



Но вдруг что-то случилось с Витей Переверзевым, нашим командиром. Однажды он прямо на стройке присел бледный, не мог идти. Его забрали в больницу, потом увезли в другой город, а оттуда в Братиславу. Еще через несколько дней прилетел консул из Братиславы, собрал нас и сказал, что наш командир умер. Язвенное кровотечение,

которое не смогли распознать вовремя, так он сказал. Мы все были с разных факультетов и прежде друг друга не знали. С Виктором же про политику мы так и не доспорили.

Веселье как-то враз кончилось, гроб с бригадиром отправили в Москву. Поскольку неприятностей и так было «выше крыши», то наша неприглядная история с самоволкой последствий не имела, если не считать того, что за границу в следующий раз я попал только лет через двадцать.

У Ильи с Яной отношения развивались как-то нервно, последние дни он пропадал вечерами, меня уже с собой не брал. И ничего не рассказывал. А Эвичка вдруг пропала.

— Уехала, — коротко сказал Илья без всяких объяснений.

Наше пребывание в городе подходило к концу, нам выдали положенную зарплату, вышло что-то довольно много крон на каждого, во всяком случае, я никогда прежде таких денег не держал в руках.

Ни Эвичку, ни Яну я больше не видел, а в Чехословакию попал только весной 1989 года. Но это уже другая история. А наше путешествие только начиналось.



В один из последних дней в местном кинотеатре нашего городка давал концерт знаменитый словацкий ансамбль народного танца «Слук». Подруги пригласили нас, и мы пошли на представление. И не пожалели — столько драйва, энергии, невероятной танцевальной зажигательной стихии, расплавленных эмоций прежде не видел. (Правда, я тогда еще мало чего видел.) Вспомнив про свой журналистский статус, пошел за кулисы — брать интервью у руководителя ансамбля Юрая Кубанка. Он, сорокалетний танцор и хореограф, уже тогда был словацкой суперзвездой (вроде нашего Игоря Моисеева), но в масштабах маленькой страны гораздо круче: не много в Словакии было таких артистов, выступавших, как он, по всему миру.

Уж не знаю чем, но юный московский журналист ему понравился, мы засиделись в ресторане, с ним была и его жена Алена, яркая танцовщица, запомнившаяся на сцене. Он рассказывал про свою жизнь, про войну, про то, как осознал, что народный танец является важнейшей частью культуры. О том, как он, по образованию врач, пришел к этой профессии после войны, когда трудно было вообще выживать, не то что танцевать.

Говорил о современном балете, который он знал и ценил, несмотря на традиционность дела, которым был занят сам; о Морисе Бежаре, с которым был лично знаком. Дал наводку: «Будешь в Праге, сходи в «Модерни балет Прага», сошлись на меня, там балетмейстеры — мои друзья: Павел Шмоук, он словак, и Любош Огоун, оба талантливейшие люди; посмотри их спектакли, поговори...»



Так я и сделал, когда добрались до Праги: нашел «Модерни балет», посмотрел «Чудесный мандарин» (на музыку Бартока), что поставил Огоун. И сквозь толщу лет до сих пор помню эту феерию невиданных телодвижений и музыки.

«В мрачных трущобах на окраине большого города три бандита используют в качестве приманки свою подругу. Первые две жертвы — старый повеса и застенчивый юнец не приносят грабителям денег; третий — китайский Мандарин поражает их колдовской загадочностью. Тщетно домогается он любви испуганной Девушки. Но столь же тщетны и попытки бандитов расправиться с ним. Лишь увидев ответное чувство Девушки, Мандарин умирает, истекая кровью» (Сказано про либретто «Мандарина» в «Энциклопедии Балета»).

Но я так не помню. Тот первый в своей жизни балет я запомнил совсем иначе. Страсть и свобода. Страсть, которая сильнее смерти, и свобода, которая сильнее страсти. Нервная музыка, взвинчивающая сцену вихрем. Это — хореография страсти, почти механистической, но все более человеческой и всеобъемлющей. Жить, когда жить уже нет сил. Это про то, что с любовью нашей ничего нельзя сделать ни другим людям, ни времени, ни нам самим: напротив, это она может многое сделать с нами.

Может, и прав был мой несчастный бригадир, умерший над никому не нужной вагонеткой, предупреждавший против искушения и морока, против любви и очарованности...

(На Новый, 2016 год я был с семьей в Праге, и вспомнил полюбившийся театр «Латерна Магика» Модерни балет». Но нет уже знаменитого хореографа Любоша Огоуна и умер Павел Шмоук, создатель Пражского камерного балета. Признанные мэтры. А Юрай Кубанка жив, ему уже почти 90 лет, недавно я видел в ю-тьюбе фильм про него. Он с палочкой выделывал коленца под аккордеон. Здоровья Вам, маэстро!)

А тогда, в августе 1967-го, мы все-таки добрались до Праги. Нам, злостным нарушителям — Илье и мне, — было не велено выходить из номера в студенческом отеле: мы были наказаны суточным сидением в номере.

Но не тут-то было! Студенческая общага, лето, ребята со всего мира. Тут же, в умывалке, познакомились со многими, они звали нас с собой, но мы сказали, что не можем: наказаны, находимся под арестом. «Ну, тогда мы к вам придем!» И когда появилась бригада с начальством, в нашей комнате гудел международный фестиваль. Гитары, пиво, дым коромыслом — шестидесятые! Начальство только махнуло рукой.

А на следующий день на пустыре у Народни дивадло (там построен новый корпус Национального театра, где как раз и обретается теперь «Латерна Магика», а тогда там был пустырь) молодые художники свободно развешивали свои работы. Стояли лавочки, ходили люди, смотрели, что-то изредка покупали задешево, и тогда художники бежали за пивом и сосисками. Туристов тогда в этом городе было мало, круглый год. Теперь же он изнемогает от туристского нашествия..

Работы были абстрактные, «сюрные», в основном графика. Я присел со своим «Зенитом» на скамейку, посидел, поснимал. Ребята спросили, кто я и откуда. Студент из Москвы.

— А-а, — пренебрежительно, — Шишкин!

— Кандинский, Малевич, Шагал, — гордо выпалил я.

(С Марком Шагалом я встретился через пять лет в Эрмитаже.)

— Да?! — тут они сразу же заинтересовались моей персоной. И вот мы уже все вместе, и вот мы уже друзья: Франта, Иржи, Карел, не помню других, а фамилий их я и тогда не знал: о визитках у студентов и речи быть не могло. В общем, ввалились мы с ними в знаменитую швейковскую пивницу «У Калиха» («У Чаши»), прославленную Ярославом Гашеком, где по полноценной туристской программе заседала моя бригада. Гуляли дальше все вместе.

В последний день начальник предупредил нас с Ильей:

— Когда приедем на вокзал, вы оба постоянно должны быть у меня на глазах, если не хотите уже бесповоротных неприятностей. Вы меня поняли?

Как не понять! Приехали на вокзал загодя, тут подвалили ребята-художники: Франта, Карел, Иржи и девчонки с ними (уже не помню, как их звали), опять же с подарками, с картинками, с пивом. Посадили нас на тележку, которую одолжили у носильщиков, и возили вдоль вагона: прямо под окном командиров, как и было приказано, «чтобы были на глазах».

Когда поезд тронулся, ребята еще какое-то время бежали рядом с поездом, махали нам вслед.



Н а следующий год в Чехословакии началась «Пражская весна», это был не фестиваль какой-нибудь, а мощная политическая либерализация — к власти пришел Александр Дубчек, были опубликованы «Две тысячи слов»; какое-то время у нас продавались чехословацкие газеты, и я их покупал. Мы пристально следили за чешскими событиями.

...День 21-го августа 1968 года стал страшным днем и в моей собственной биографии. Вторжение было крушением и моих надежд. Накануне мы вернулись из военных лагерей, куда старшекурсников отправляли перед защитой диплома. Мы только об этом и говорили: введут ли войска в Чехословакию или не введут?..

В тот день я, член институтского киноклуба, ходил в чехословацкой майке с кинокамерой по Москве, снимая все, что видел: как у посольства Чехословакии стояла вереница такси, и в каждом из них — по несколько крепких мужчин с непроницаемыми лицами; снимал толпу журналистов на ступеньках посольства. Снимал на улицах, на Красной площади. Удивительно, но никто меня не тронул.

...Пленку отдал проявлять в институте — и больше уже ее не видел. Ночью мы слушали передачи «Радио Прага», пока оно не умолкло.

А осенью я организовал в институте дискуссионный клуб «Камертон», с которым мы провели «Фестиваль экспериментального искусства», собрав студентов всех творческих вузов Москвы. Чехословацкое лето не прошло даром.

Зимой, уже в конце 1968 года, в Москву приехал ансамбль «Слук». Он выступал в Театре эстрады. Артисты не хотели ехать в Москву, но их очень настоятельно попросили. Мы пошли туда с Таней, моей женой, встретились с Юраем и Аленой, ходили с ними по Москве, водили по гостям. Тяжелое было время, тяжелые разговоры. 19 января 1969 года пражский студент-первокурсник Ян Палах сжег себя на Вацлавской площади, протестуя против оккупации. Ян был на два года моложе меня, ему было всего двадцать. Той страшной зимой еще двадцать шесть молодых людей моего поколения пошли на самоожжение — в знак протеста против унижения их страны. Семеро из них погибли.



Ю рай подарил мне той зимой, сняв со своего лацкана, серебряный значок, который ему подарил Нейл Армстронг, первый человек, побывавший на Луне. Я отказывался, но он сказал, чтобы я тоже отдал бы его какому-нибудь хорошему человеку, а тот, в свою очередь, сделает так же, и так в конце концов значок — рано или поздно — вновь вернется к Юраю.

Жизнь прошла, а я все помню, как едет по дороге, освещенной закатным июльским солнцем, по зеленым холмам, то исчезая под горой, то вновь появляясь на гребне, едет белый «Лаурин-Клемент», и две смеющиеся девушки машут мне руками.

11-13 августа 2017 г.



© Текст: Виктор Ярошенко

Елена ЗЕЙФЕРТ*

стихи



* ЕЛЕНА ЗЕЙФЕРТ родилась в 1973 году в Казахстане, в г. Караганде. С 2008 г. живёт в Москве. Профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук. Член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России. Ведущая литературного клуба «Мир внутри слова» и литературной мастерской «На Малой Пироговке». Пишет стихи, художественную прозу, занимается критикой и литературоведением. Переводит немецких, болгарских авторов, поэтов народов СНГ и России. В середине 1990-х также раскрылась как поэт; исследователь и преподаватель русской литературы и теории литературы, к концу 1990-х проявила себя как прозаик, переводчик, критик. Автор многих книг стихов, переводов, прозы, серии книг для детей, книги критики «Ловец смыслов, или Культурные слои», монографий по литературоведению и др. Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Литературная учёба», «Новая Юность», «Волга», «Урал», «Нева», «Крещатик» и др. Победитель I Международного Волошинского конкурса в номинации «Стихотворение, посвящённое Максимилиану Волошину и Дому Поэта» (Коктебель, 2003). Лауреат главной литературной премии федеральной земли Баден-Вюртемберг (Штутгарт, 2010), а также VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» в конкурсе поэтов-эмигрантов «Эмигрантский вектор» (Брюссель, Льеж, Париж 2016).

Deutschland

Eine Mauer durchschneidet mich.

Sie geht
der Länge nach mitten durch meinen
Leib hindurch,
nachdem sie im Bereich des Herzens
eine Schlinge gelegt
und es die Sonnenallee entlang der
zerschnitten hat.

Das linke Ohr
hört nicht,
was das rechte erfuhr.

Das rechte Nasenloch
ahnt nichts von dem Aroma,
welches
das linke
genießt.

Meine Zunge
ist durchschnitten
wie die einer Schlange.

Nur meine linke und rechte
Gehirnhälfte
senden einander Signale zu.

Warum habe ich mich immer noch
nicht an den Schmerz gewöhnt?

Warum träume ich davon, dass ich
aufzustehen versuche,
zusammenwachse und keine Narben
mehr habe?

Германия

Меня пересекает стена.

Она проходит
по центру
вдоль тела,
делая петлю в области сердца,
прорезая его по Солнечной аллее.

Левое ухо
не слышит то,
что узнало правое.

Правая ноздря
не чует аромата,
которым
наслаждается
левая.

Мой язык
разрезан,
как змеиное жало.

Только левое и правое
полушария мозга
передают друг другу сигналы.

Почему я всё ещё не привыкла к
боли?

Почему мне снится, что, пытаюсь
встать,
я срastaюсь и на мне нет шрамов?

© Фото: Елена Хованская

Ангелы

В них нет знакомого тепла.
Все их послы акварельны.
Их ревность к людям не светла
и на сырых холстах Творенья.

Как песнь, невидимы они,
и звуки извлекают сами –
не прикасаясь исконно
к душе бескровными крылами.

Но, как подкинутые дети,
глядят на смертных иногда –
решая, что за них в ответе,
уничтожая города.

Tetigit

поэма

в полнеба восходит *abesse*
другая половина похожа на самую грубую
повозку
возничий течёт
какие краски на его шее победно гудят жилы

мышца горацій сжимает кулак языка
лизжет летящее небо мышца катулл

девочка – латинский язык
он стыдливая девочка
брови её пересекают пунцовое поле маков
в ноздри въезжает повозка разрезая себя
пополам

девочка задирает голову и полощет в горле
отсутствие
люди обитают в её красной глотке на коротком
мостике
между вкушением и дыханием
они перерождаются в кончики языка
иголки
острые паузы после седьмого слога в оде
горация
сладкие невозможные удары против мецената

антиримские заявления
одетых богов

о байи
о рай земной усыпанный вилами
свободнорождённых
как глумлив взгляд на тебя в этой хрустальной
паузе
как заточен кончик латыни
разрежьте золотую уздечку пегаса
овод, овод в солнечной сетке
вибрации раскатистого света в пещере
обитатели тела латинского языка

роскошный волосяной мост *tangere*
с просветами отсутствия
над рекой густого кармина

гримаса
световая горка языка
плачет идол
ему коротка
солдатская туника
в высоком невидимом небе состязаются в
экстатике
ручной тимпан и охотничий горн

тонкий волосок
между
тактичностью и тактильностью
тетивой и тактом

выныривает *Tetigit* из прямых плеч лука
и позволяет себя обнимать
пробовать на вкус
поражать молнией
задевать плугом
орошать
волновать
соблазнять

латынь прикасается к его сердцевине и
становится границей

он ступает на берег и исчезает

Tetigit процесс прикосновения

но в раннюю пору мгновения к нему можно и
прикоснуться
милый безумец
чьи жесты нырнули в загрубевшую кожу
подошв
и пробковую паутину сандалий

он приглашает на танец девочку — латинский
язык
их фигуры повороты шаги и позы из камня
повисли в воздухе
как летучие рыбы и деревянные птицы без
перьев и ног
с врождённым дословесным желанием
и умением летать

кончик латинского языка
ласкает
зрачки
храбреца
отнявшего хлеб у жреца кибелы
и пощекотавшего плечом глотку левого льва в
её упряжке

малолетний поэт на коленях матери приставил
ладони
к круглому рту
и выдыхает гимн

tangere carmina

Tetigit пронизывает латынь
даёт ей сквозные уроки экстатики

он её внутренний ландшафт
эквилибристика её мышц
свечение радаров крупной розы её родовых
небес

они понимают друг друга без слов у самого
устья реки кармина

и впадает *Tetigit* в язык
и выходит из воды живым
когда девочка окликает его
сама становясь рождающимся на глазах у всех
веществом

она говорит — горы бык бог

киликские ворота грациозно и мощно
прорезают горную цепь
взлетая

склоны тавра изнемогают от любящей влагу
растительности
лавра
мирта
ладанника

по мере восхождения
вереск переходит в кипарис
кипарис в кедр

у кедра здесь корни вереска
по рычащему морю плывут корабли с мёдом

белокурый конник
становится на колено перед смоляным
антиконником
и вынимает из его груди красный меч

латынь трёт ладонью сведённую мышцу
вергилий на напряжённой шее

звонкие эпистолы её синтаксиса взлетают над
текстом
в будущем и прошедшем

их вираж делает видимой графику вещи
ажурные упряжки с золотыми стреловидными
крыльями!
первые летательные аппараты!

это ювенал на пальчике латыни прячется в
напёрстке
а сенека воспитывает нерона вспархивая над
его тронном

всё объяснимо простой физикой
разницей давлений слова и голограммы

Tetigit с земли отражает возмущение потока с
крыла
вяжет воздух у губ геркулеса

смочившего стрелы ядом

возлюбленный латыни становится
наковальной и молоточком уха

девочка-язык вибрирует
обращаясь снова в поэму
оглошшую от собственного крика девочку
ожившую тень альбатроса
дно лодки или крошку хлеба
тоскано-эмилианские аппенины
долгую-долгую безумную реку кармина
принимающую в себя дневные притоки и
ночные горные потоки

латынь воронкообразно впадает сама в себя
одновременно возвращаясь

Tetigit закрыв глаза ест мясо звука

солёная пена лижет белые колени и стопы
латинского языка
на алом камне
agnus Dei

с пинцета взлетевшего глагола падает капля
тирренского моря

Краткий комментарий

В поэме важнее всего энергия. Знание латинского языка для читателя вторично. Латынь выловлена здесь зеркалом. Важны дрейф и экспансия живых токов, непредсказуемость нового ската или подъема, как подъязычная колонна.

Abesse — не быть. *Tangere* — касаться. *Tangere carmina* — писать стихи.

Tetigit — прикоснулся. *Agnus Dei* — ангел Божий.

Из дневника

В моё уже привычное русское и немецкое в начале мая 2016-го вдруг вновь властно вошла латынь (она стучалась уже с января), подарив новые переводы из Горация, Катулла, Овидия, Марциала и мою собственную поэму

«*Tetigit*», которую я завершила сегодня. Этот НЕОбычный атмосферный фронт, на радость мне стремительно набравший силу в творчестве, давал прежде незнакомые затяжные вспышки эйфории. Особенно в середине июля, когда поэма и переводы текли как маслу.

Я решила закончить поэму сегодня, потому что уловила, как воздушная масса латыни уже временно уклоняется, возможно, собираясь вернуться более властной, но когда? Образно говоря, как в задаче Римана о распаде произвольного разрыва, две области пространства с различными свойствами — в моём случае русско-немецкое (индивидуально для меня неотделимое друг от друга) и латынь — были разделены тонкой перегородкой, которую следовало убрать первоначально. Тогда время было равно нулю. Моё творчество с его безумными языками и векторами, ласкающими меня изнутри, сегодня резко двинулось, время начало отсчёт, а поверхности разрыва, увы, не всегда совпадают по скорости со скоростью движения всей среды. Или поле давления дало ложбину, или я испугалась снижения ветра при удалении пространств друг от друга, но за последний час поэма родилась целиком. Сколько можно пробыть в этом разрыве или ложбине — Бог весть. Возможно, родится что-нибудь ещё необычное.

29 июля 2016 года

Отлучение

Отлучаемый костенеет, кожа жёстче коры, Он руками хватается за ускользящий свет. То ли голову в небо задрать, то ли яму рыть, То ли просто смотреть — ничего не видеть — вослед.

Не утешится плачущий, ибо он не блажен. Отлучение — боль или даже боли больней. Потерять упругость и сонную силу корней, Обрести пустое, не дышащее взамен.



© Фото: Елена Хованская

Люди не сомневаются, вправе ли отлучать,
И не дарят розу или глоток молока.
Отлучаемый будет признан святым в веках,
А пока бредёт по самой кромке луча.



Руки твои на моей голове, и я маковка храма,
жидкая роза, колокольчик во рту,
между твоими лопатками мокрая флейта в
пальцах девочки, капли молока на белой траве,
твои губы и дыхание над моей макушкой, и я на
цыпочках к тебе расту
из зёрнышка, детского голоса, рук твоих на
моей голове...

Мы с тобой внутри птичьего горла — в
хороводе девочек с лепестками на голых
плечах,
млечными лбами, медовыми голосами волос...
И слится воздух, и ходит твой кадык, и зелень
вокруг горяча,
и целый напёрсток полон крохотными
яблоками и смеющимися ангелами стрекоз.

Триптих



Рядом — я отвлекаю себя, ощущая весомую
тяжесть серьги
в собственной моче, пытаюсь тихонько
свернуться в ней,
словно на талом фантомном снегу, от которого
как ни беги,
как ни стремись, окаянная, прикоснуться к
нему нежней, —
он умирает, немеют пальцы твоих зрачков, и
литой мой снежок
ты возвращаешь стаканом не нужной тебе
воды;
ты не учёл — я расту, мне больно, между
восторгом и лобовым пети-жём,
между твоим кадыком и орбитой новой звезды;
как живописец, ты вынимаешь розы, одну за
одной, из закрытого рта,
глина на розах сразу сухая, цвет их серый,
скупой;
руки твои испачканы моей мокрой яичною
скорлупой —
снегом, сличающим твой белый голос и мою
невидимую гортань.

Встреча

Оборачиваюсь, будто речная капля падает на голову в озвученный срок,
я стою, а на самом деле плыву и теку, оставляя воздушных девочек за спиной,
у них есть свои имена и застывшие позы,
водоросли в волосах, цветов раскрытого рта, и каждая доли секунды назад была, несомненно, мной.

Ты видишь не только их, но последнюю впереди. Она вертится, как винил, в игольное ушко вдевает мокрые волосы, ей навеки неполных шестнадцать лет. Целовальщица проводит губами от переносицы до живота, но её, кажется, нет? Метаморфоза кофе, сваренного из воды валдайских озёр, молозива и чернил, –

голос рождается из внутренней стороны твоей ладони. Тяжёлые лодки ресниц принимают в себя нежнейшую из моих сестёр – блаженную. У меня во рту звучит колокольчик, крохотный, трогательный, в юбочке на свету, и раскачивает до беспамятства самую пряную и драгоценную из моих границ.

Так близко видеть тебя, прибрежные камешки перебирать, – люди живут, словно звери, словно молчащие арфы, на расстоянии вытянутой руки. Я нахожу губами пряжку туфельки на дне реки. Ты её осторожно кладёшь в ладонь, превращая в звук.



Пеленальщик боится притронуться к моему горлу, я словно вода в броске, пловец рассекает меня и притягивает, постылый, к самой себе вниз головой, я стопами ишу дно, это твои руки, они горячи, мне хорошо в твоём кулаке, при любом напряжении моих мышц и голоса всюду ты, растекающийся Москвой,

в которой мне хочется жить, я лежу на нежной кожеце тютчевских губ,
ты с кем-то здороваешься за руку, я прячу в ракушку ложбинку своего живота,
ты прощаешь всех прежних женщин, я сыплюсь апрельским цветением на бегу,
в дыхании рослых яблонь во рту твоём, словно в саду, словно за пазухой у Христа.



Размышляла о тех,
кто ещё погибнет
на гражданской войне,
в метро,
в упавшем самолёте...

А застилая детскую кроватку,
как решение всех проблем,
нашла в постели башмачок
с пухлой ножки
дочкиной куклы.

Фашизм

*Братья, может быть, вы
И не Дон¹ потеряли...*

(А. Твардовский. «Я убит подо Ржевом...»)

Мне снова чуть больше двух лет,
и я слушаю паузы между бабушкиными
словами.

Она говорит то по-русски, то по-немецки.

Слова нанизаны на фосфорическую нитку.
Видно свечение пауз.

Она смеётся – лет в двенадцать ей досталось плёткой
от батьки Махно.
Он скакал по её родной Макеевке

¹ Дон — река в Европейской части России.

и от нечего делать стеганул любопытную
девчонку.

С апреля 2014-го у меня горит плечо.
На нём из моей крови и мяса вырастает голубь.

Тогда в Макеевке свирепствовал тиф.
Это что-то глубокое.
Tief — каждая буква ударяется о землю, как мяч,
но не подпрыгивает вверх,
а проваливается,
уходя в глубокий колодец,
который сама и прорывает.
Звук получается густой, низкий, топкий,
поздний.
Буквы в этом слове разной высоты.
«I» выше всех,
она, как ёлка, вокруг которой кружатся в хороводе остальные буквы.

Герои бабушкиных рассказов бесцеремонно
уходят.

Я загибаю пальчики на незнакомых словах —
война... убит... погиб... пуля... взорвать...

Постарев на сорок лет,
смотрю новости в мобильном:

- На Украине запоздалая весна.
- Самолёт летел над Донецком, а упал на дно Дона (!). Все остались живы.
- В центре Харькова ищут бомбы.
- Несколько убитых на войне поскользнулись у входа в рай на фарше из перемолотых детских пальчиков.
- Никто не знает значения слова «фашизм».



дочка вынимает странное существо из «киндер-сюрприза»
ахает
снимает с барби босоножки на шпильках

² *Tief* — глубокий (пер. с нем.).

надевает ему на лапы

отходит
любуется удовлетворённым взглядом автора
шедевра

Подъязычная колонна

Лирический цикл

Дом

прозрачные кубы воздуха у эстакады —

шахматная игра
между флейтой пана
и лесным рогом эйхендорфа

тень креста лежит между тёмными и светлыми
клетками

делаешь ход
и из звуков лесного рога
в пустоте
под ногами вырастает крыльцо дома

Москва, 6 сентября 2016 года



цветок
этот единственный длящийся цветок
в круглом храме
между мной и тобой

мы не осмеливаемся сорвать его

прозрачный шар храма медленно катится от
горла к животу и обратно

высокий
ты учишь меня быть медленной

сколько дней и ночей я не целовала твой язык

рождающий живые стихи
не ласкала его мышцы и позы

не там ли где мы жевали землю в поисках
корней
я не гладила твоё лицо по линиям созданным
Богом

и в белых облаках тонула твоя львиная грива
и крупный ангел рос в тебе от самых пяток
и я не обнимала его

куда смотрят мои зрачки? Горé

в храме по полу катятся монеты от нищего к
ангелу с сухими зрачками



камушек с моста мирабо –
косточка
косточка за моим ухом
твоя охранная грамотка

мост не видит реки сидящей на корточках
ярмарки домов

внутренний танец цветка
в ямочке на моём голом плече –
камушек с моста мирабо



задерживаясь вечером
я потом выбегаю из входа-выхода
новой серо-каменной станции метро
во французском стиле
с остающимися за моей спиной
изогнутыми фонарями
и скамейками, как на бульваре
(возле них так не хватает деревьев!)
и всегда вижу
напротив открывающихся дверей
встречающего тебя...

ты делаешь стремительное движение вперёд.
и обнявшись а затем взявшись за руки

мы идём домой.

но сегодня разрядился мой мобильный
я не стала звонить тебе с другого телефона
и предупреждать во сколько освобожусь.

я прошла по бульвару внутри метро
по мокрому асфальту плит
в котором отражались
то ли звёзды
то ли светильники.

и вышла в пустоту.

даже такая репетиция жизни без тебя
меня напугала
и долго держала в страхе.

а у входа в иную подземку?..
ты встретишь?

без звонка по телефону.
заслышав мой приход в еле слышном шёпоте
деревьев
которых не было в метро.

* * *

твой язык мерцает в моём сознании

становясь ландшафтом моего рта
он похож на птичье горло во время пения

внутри тебя текут две реки
одна от уха к языку
другая от глаз к пальцам
поэзия
живопись

Из цикла «Метафоры на пуантах»



правда порой похожа
на золотую застёжку
иокасты
входящую в глаз эдипа



Кто услышал его? Христа ради, на!
С неба видит — идёт человек...
Старый нищий нашёл виноградину
У скамеечки, на траве.

Он поднял с земли пыльную ягоду
И поднёс поскорее к губам.
Эх, для счастья так мало и надо бы.
Только волю, да воля слаба.

Он траву всю обшарил ладонями,
Щурил, щурил глаза. Ничего.
Бросьте с неба награду бездомному,
Пожалейте немного его...

Фотописьмо

когда Бог создавал Ирландию
он залюбовался
и несколько сочных и андеграундных красок
жизни
упало на Германию

Бог спохватился
пытаясь стереть их пальцами
но только размазал
обозначив землю Баден-Вюртемберг

когда Бог создавал мои глаза
он вспоминал
своё восхищение Ирландией
и думал на гэльском языке

мой фотоаппарат — это Бог
в ту секунду
когда он переводит глаза
с Ирландии на рождающуюся Баден-
Вюртемберг

в Его зелёных радужках звучат будущие хиты
U2

О том, что прозрачно



Мужчина, увязший в своей пустоте,
делит зачем-то с тобою постель,
но прерывает волшебный акт;
ты к нему эдак, ты к нему так,
он же, просто надев штаны
(руки, крики твои не нужны),
хочет из жизни твоей уйти,
ты как кочка на ровном пути.

Завтра тебе, еле-еле живой,
ехать по долгой такой кольцевой,
и возрождаться, отращивать «я»,
кольшечек вбить, где граница твоя.

Знаешь, а всем на тебя наплевать.
Не кантовать тебя, не нищевать.
В этом особая, чёрт, благодать.



Ты касался лица моего, а во мне пели колокола
(этот медный язык тихой церкви в моём
городке),
и, задрав подбородок, под звонницей девочка
шла,
пятилетняя девочка (я?) налегке, налегке...

Ты меня обнимал, а внутри меня плыли суда,
и гружёные баржи, и льдины, и сонмища рыб,
я впустила в себя эти реки, не помню когда,
не с рожденья — тогда во мне жили другие
дары...

Ты входил в моё лоно. И лиственнице — небес
головою касаться, вспархивать — голубям,
танцевать — сполохам!.. А мне, повинуюсь
судьбе,
быть церквушкой, рекою, деревом, но без тебя.



Weil ich niemals dich anhielt, halt ich dich fest.
(R.-M. Rilke)

Поскольку я не коснулся тебя, я тебя
удерживаю.
(Р.-М. Рильке)

Эта точка на линии горизонта — милый, ты?..
Ты полгода мне дышишь в лицо, глаза в глаза.
Но отходишь в сторонку и сразу сжигаешь
мосты,
Если кто-то из нас понимает — будет гроза.

Я тогда отступаю. Я уступаю тебе.
Ты же бьёшь в набат и требуешь быть с тобой.
Я осмелюсь озвучить — знаешь, а снег бел.
Ты меня не поддержишь. И правда, зачем нам
боль?

Сыплет снег небесный. Он так хорош поутру.
Это лучшая из порош, твой отринутый снег.
Я тебе благодарна, мой платонический друг,
За возможность родиться вновь и летать во
сне.



Господи, хоть бы разочек увидеть, как он спит!
Разметав свои руки или обняв себя?
Подойти к нему спящему и попросить: терпи,
И меня ведь ангелы наших чувств беребят.

Не укрывшись, хмурясь, встревожив вихры
(А на детской щеке — от подушки измятой
след),
Он как рыцарь, воитель нашей нелёгкой игры,
Он как мальчик, дитя надо мною побед.

Милый мой... По твоей небритой щеке
Провести бы рукой или в губы поцеловать.
Кто-то мудрый зажжёт маячок на реке вдалеке,
И колышется лодочка нашего естества.

Молчание

Моё молчание, как золото
в тигле
твоего молчания.

Ты решаешь,
сколько ему кипеть,
когда переполняться через край
и прорываться наружу.

Но ты не решаешь
судьбу слитка.

Написано в небе: рейс Москва-Берлин

Без обид, я опрокинусь и назову тебя,
величальник других, сестрой,
положивший меня на лопатки — нежно! — в
лодку мокрого рта.
В моей левой ключице, над сердцем, Элиот
свил гнездо весной
из твоих целовавших ресниц, и птенцы его
ищут пищи в моих чертах.

Разузнаю, можешь ли ты быть прощён, а я —
порхать.
У меня не хватает слюны и пороха, чтобы тебя
листать.

Подари мне цветок-воронку из траектории
падающего листа,
подъязычный, держащий лестницу моего
стиха.

Ты вскричишь, распростаешь руки: о моя
жена,
завелась ты, княжна, в волосах моих, в
перелесках моей головы.
А сквозь ропот щебечут птенцы Элиота: нужна,
нужна!
И узлы фонтанной воды пружинят стеклом
живым.

26 июня 2016 года

Берлин

Нежное, нежное чувство счастья нарастает — под ногами крупные желтые листья осени, и люди, которые любят и понимают тебя, так близко, — счастье накрывает с головой, идём в кафе, и я глажу свои локти и над ними короткие рукава коктейльного платья, чтобы утишиться и насладиться гармонией. И вечером на сетчатке залитый солнцем Берлин, огромные листья на мощёных улицах, чашка горячего шоколада. Внутреннее солнце возшло, мне ярко. Так бывает — мир хорош, весь, от хлопнувшей дверцы автомобиля до прозрачности собственных слов, от периферийного зрения до лёгкой ткани платья на собственной коже. Ощути себя драгоценностью, дай любоваться собой. Мои эхолот и шагомер зашкаливают.



© Текст: Елена Зейферт

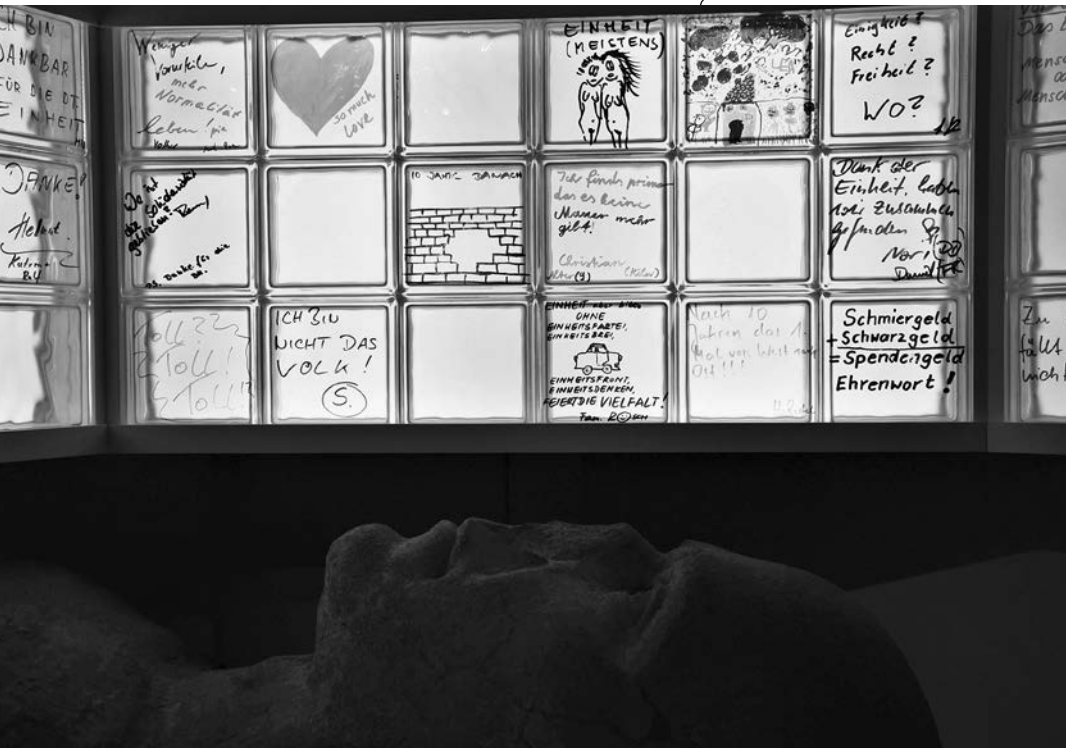
Фото на с. 168: с 1987 года в интерьере 3-х комнатной квартиры (Hellersdorfer Straße 179, Berlin) ничего не изменилось. Несмотря на то, что в 2004 году дом был полностью реконструирован, городской муниципалитет, решает сохранить квартиру (предметы быта, мебель, обои, систему отопления) в прежнем виде. Каждое воскресенье с 14:00-16:00 управляющий домом открывает квартиру эпохи ГДР для посетителей.

Фото на с. 173: вид сверху. Народный парк Фридрихсхайн (Volkspark Friedrichshain) — первый городской парк в Берлине. Со времён ГДР и до наших дней в парке Фридрихсхайн сохранилось несколько десятков объектов, напоминающих об ушедшей эпохе.

Фото на с. 179: экспонаты выставки «Разделение и единство, диктатура и сопротивление» в Лейпциге.

Эта экспозиция рассказывает об истории диктатуры и сопротивления в ГДР. О том, каких прав и свобод были лишены «осси», о событиях характеризующих отношения между государственной властью и населением. В частности, здесь можно узнать, как сотрудники «Штази» боролись с анакомыслием.

© Фото: Елена Хованская



НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

(в переводах Елены Зейферт)

Иоганн Вольфганг Гёте
Johann Wolfgang Goethe
(1749-1832)



Es war ein König in Thule,
Gar treu bis an das Grab,
Dem sterbend seine Buhle
einen gold'nen Becher gab.

Es ging ihm nichts darüber,
Er leert' ihn jeden Schmaus;
Die Augen gingen ihm über,
So oft er trank daraus.

Und als er kam zu sterben,
Zählt' er seine Städt' im Reich,
Gönnt' alles seinem Erben,
Den Becher nicht zugleich.

Er saß bei'm Königsmahle,
Die Ritter um ihn her,
Auf hohem Väter Saale,
Dort auf dem Schloß am Meer.
Dort stand der alte Zecher,
Trank letzte Lebensgluth,
Und warf den heil'gen Becher
Hinunter in die Flut.

Er sah ihn stürzen, trinken
Und sinken tief in das Meer,
die Augen täten ihm sinken,
Trank nie einen Tropfen mehr.



Король жил фульский... Милой
Он верно память чтит
И кубок до могилы,
Предсмертный дар, хранил.

Был сердцу дорог очень
Подарок золотой;
Блестели его очи
Непрошеной слезой.

А перед смертным часом
Он рóздал он города
И всё богатство разом,
Но кубок не отдал.

В высоком отчем зале
Устроил торжество,
Здесь свитой окружали
Все рыцари его.

И пóднял он кубок пенный
Со вкусом тех времён,
И в волны дар священный
С балкона бросил он.

Взглянул, как кубок живо
Проглочен морем был,
Закрыв глаза тоскливо –
И больше он не пил.



Экспонаты выставки «Разделение и единство, диктатура и сопротивление» в Лейпциге. Эта экспозиция рассказывает об истории диктатуры и сопротивления в ГДР. О том, каких прав и свобод были лишены «осси», о событиях характеризующих отношения между государственной властью и населением. В частности, здесь можно узнать, как сотрудники «Штази» боролись с инакомыслием.

© Фото: Елена Хованская

**Николаус Ленау,
Nikolaus Lenau (1802-1850)**

Весенние приветы

Как нежен воздух после зимних вьюг!
Мне нищее дитя даёт из рук

Фиалку. Горько, что цветы весны
Мне бедностью в подарок суждены.

Из рук несчастья первый дар, цветов,
Дороже — новых добрых дней залог.

Так наше горе, как весны привет,
Потомкам — знак грядущих лучших лет.

**Готфрид Келлер,
Gottfried Keller (1819-1890)**

Вечерняя песня

Милые окошки моих глаз,
ясный свет горит так долго в вас,
смóтрите на мир в который раз,
но погаснете в последний час.

Веки ты усталые закрой,
тьма, и обретёт душа покой,
снимет обувь странницы рукой,
чтобы в тёмный ларь улечься свой.

Но двум искоркам в душе сверкать,
как двум звёздочкам, ещё пока,
тлеть и исчезать от ветерка,
как от взмаха крыльев мотылька.

Полям вечером пока иду
и веду падающую звезду:

Пейте, очи, сквозь ресниц грядущу

**Фридрих Ницше,
Friedrich Nietzsche
(1844-1900)**

Маленькая девочка-бриг по прозванию «Ангелок»

«Ангелок» меня зовут —
Нынче бриг, была девчонкой,
Ах, во многом я девчонка!
Ведь вокруг любовных пут
Вертится штурвальчик тонкий.

«Ангелок» меня зовут —
Мой наряд из ста флажочков,
Милый капитан-дружочек
У руля стоит, надут,
Как сто первый из флажочков.

«Ангелок» меня зовут —
Вдаль стремлюсь, туда, где свечка
Для меня горит, овечкой,
Страстную тоской живу.
Я всегда была овечка.

«Ангелок» меня зовут —
Верите ль, собачкой лаю,
И мой ротик извергает
Дым и пламя там и тут...
Кто мой чёртов ротик знает!

«Ангелок» меня зовут —
Бросила в сердцах словечко,
И к последнему местечку
Друга быстренько ведут:
Да, он умер от словечка!

«Ангелок» меня зовут —
С горя прыгнула с причала
В море, рёбрышки сломала,
А душа нашла приют:
Да, сквозь рёбрышки сбежала!

«Ангелок» меня зовут —
Кошечкой душа упорно
В пять прыжочков через волны

На кораблик — тут как тут!
Лапки у неё проворны.

«Ангелок» меня зовут —
Нынче бриг, была девчонкой,
Ах, во многом я девчонка!
Ведь вокруг любовных пут
Вертится штурвальчик тонкий.

Песни и афоризмы

Ритм в основе, рифмы в строчках,
Музыка в душе жива:
Писк божественный — назвать
Можно песнью. Иль короче —
В ней «как музыка слова».

Афоризм хорош в другом:
Он смеётся, грезит, скачет,
Спеть его нельзя, а значит,
«Смысл без песни» — назовём. —

Я вручу их — на удачу?

Правила жизни

Чем жизнью наслаждаться,
Умей собой владеть!
Учись-ка подниматься!
Учись-ка вниз глядеть!

Чистейшие стремленья
Облагородь спокойно:
Добавь грамм униженья
К кило любви достойно!

Не стой на ровном месте,
Вверх не взбирайся ты!
Мир выглядит чудесней
Со средней высоты.

Заключительная рифма (шлусерайм)

Смех — искусство непростое.
Завтра лучше я освою,
А сегодня — ваш ответ?
Искра шла от сердца всё же?
Голова шутить не может,
Если в сердце жара нет.

Ешьте мой обед смелее!
Завтра будет он вкуснее,
Послезавтра — ах, обед!
Вам добавки? Я устрою,
Семь вещей идет со мною
Мужествам семи вослед.

Карл Шпиттелер, Carl Spitteler (1845-1924)

(Швейцарский поэт.

Нобелевская премия 1919 г.)

Скромное желанье

Раньше, у истоков, в детстве,
если выбрать нужно было
мне подарки, я смущался...
Что на ум мне приходило
из огромного богатства?
Кубиков цветные грани,
яркие картинки в книжках
да солдатик оловянный...

Позже стали мои страсти
чётче и смелей, не скрою:
имя гордое хотел я,
мир перевернуть героем;
в лавровом венке воитель,
я попал бы в рай искусства,
где в цветах — чудо-деревья,
прекрасных женщин чувства.

А сейчас, когда надежда
снизошла ко мне устало
и желаньице возникло,
почему-то стыдно стало...
мне бы вспомнить, как ребѣнку,
колокол, что слышал, сонный,
раньше, у истоков, в детстве,
вспомнить эти перезвоны.

**Стефан Георге,
Stefan George (1868-1933)**

Агнцы

С широкой просеки к реке купаться
Во тьму от дум тяжѣлых и вопросов
Через луга и волны мчатся агнцы
В забытой красоте стихов белѣсых.

Как солнце, веселы и лунногрустны,
К сокровищам вы равнодушны, агнцы!
Немного суетны, на сердце пусто —
За колокольцем вожака угнаться б!

Старее нас — дух вечно-юный с вами!
Ягнята радостей, для нас остывших,
С тяжѣлым шагом лёгкими прыжками
И чувствами, что не понять отжившим.

О осторожно! Робко с косогора!
Ягнята водосборников манящих
И верности, не знающей укора,
И дали, вас напрасно не страшщей!

**Райнер Мария Рильке,
Rainer Maria Rilke (1875-1926)**

Сонет XX

Но что, Господь, Ты примешь от меня,
Ты, давший слух нам щедрою рукою?
Мой образ вечеряющего дня,
по памяти: весна в России — конь...

Навстречу мчался, от деревни прочь,
конь белый, волоча за путы кол,
чтоб одному в лугах остаться в ночь;
как гривы завиток дрожал легко

на шее в такт движению тоски,
хоть грубо был стеснѣн его галоп.
Как бились в его жилах родники!

Но чуял конь свободу, ширь полей, ещё
б!

Он пел, он слушал: как в своей судьбе
круг Божьей саги замыкал. Мой стих:
Тебе.

Воспоминание

И ты ждѣшь того, что сможет
сделать жизнь бесконечно длинней;
чрезвычайно и непреложно,
камня сон растревожит,
обратит тебя к глубине.

Книги в лучах рассвета,
золото, стать томов;
ты грустишь об оставленных где-то
странах и о силуэтах
женщин, утраченных вновь.

И вдруг познаѣшь: это было.
Привстаѣшь, и видны пред тобой
годы прошлого, суть и сила,
страх — и в молитве покой.

Ангелы

Их души светлые, без тени,
У всех сомкнутые уста.
Порой греховному томленью
Приоткрывается мечта.

Почти похожи меж собою;
Молчат у Господа в саду –
Так паузы полны покоя
В Его властительном ладу.

Но стоило крылам раскрыться,
Под ними ветер оживал:
Как будто Бог листает, мнится,
Рукой ваятеля страницы
Неясной Книги всех начал.

**Георг Траклъ,
Georg Trakl (1887-1914)****Всё темнее**

Пурпурную крону ветер качнул:
Дыхание Бога пришло и ушло.
Вот чёрное возле в леса село;
Три тени упали на пашню одну.

Внизу скудный сумрак, покоен и тих
Для невзыскательных дол.
Из сада и зала привет дошёл,
Что день уже хочет уйти,

Благочестивый тёмен оргán.
На троне Мария в синем сидит,
Баюкает дитяtko у груди.
И ночь полна звёзд и долга.

Юноше Элису

Элис, когда дрозд в чёрном лесу
позовёт,

Это к твоему уходу.
Твои губы пьют прохладу голубого
горного ручья.

Оставь, пока чело твоё тихо
кровоточит
Древними легендами
И тёмным толкованием птичьих
виражей.

Но ты нежным шагом вступаешь в
ночь,
Полную винограда пурпурного,
И твои гибкие руки всё прекраснее в
синеве.

Куст терновый звенит
От взора твоих лунных очей.
О как давно ты, Элис, умер.

Тело твоё – гиацинт,
В который монах погружает свои
восковые пальцы.
Чёрная пещера – наше молчание,

Из которого подчас выходит кроткий
зверь
И медленно опускает свои тяжёлые
веки.
На твои виски каплет чёрная роса.

Последнее золото падучих звёзд.

Воль течения

Закончены жатва и сбор винограда,
Сельский осенний уют.
Молот и наковальня поют,
Смеётся пурпурность сада.

Ветки с глухой ограды
Ребёнku в белом неси.
Как долго мы умирали, спроси;
Солнце лить чёрный свет радо.

Рыбка в заросшем пруду багряна;

Лоб испариной страха блестит;
Вечерний ветер в окне шелестит;
Синяя тяжесть и муть органа.

Звезда и тайные знаки,
Хочется снова на небо взглянуть.
Явленье Богоматери, боль и жуть;
Чернота резеды во мраке.

Георг Гейм
Georg Heum (1887-1912)

Слепой

Он у забора, не пускают в сад.
Здесь не мешает мýкою своей.
«Смотри на небо!» Нет вокруг
людей.
И начинает поднимать он взгляд.

Глаза мертвы. «О небо, где оно?
И каково оно? Где синий цвет?
На ощупь знаю мягкость, твёрдость.
Нет,
Ведь красок я не знаю всё равно!

Не видел пúрпур моря. Золотой
Полдневный луч на поле, языки
Огня и камня драгоценного, руки,
Держащей гребень над волос волной.

Ни разу звёзд! Не знал лесов, весны
И роз её. Во мраке гробовом
Багровой ночью я иду, ведом,
Мне пост и ожиданье суждены».

Как лилия белёсая, торчит
На тощей шее голова. Кадык
Гуляет, словно мяч, убог и дик.
Из узкой щели пара глаз журчит,

Как пуговицы белые. Упал
Луч полдня — мёртвых им не напугать.

В пучине гложнет неба благодать,
И отразит её свинцом опал.

Готфрид Бенн,
Gottfried Benn (1886-1956)

Прежде

Ты прежде сдерживал тень
от зимних покровов ранних,
сумрак прудов в тумане
и деревень.

Иль сфинксовой синью согреты
до снежных пучин города –
куда же пропало всё это,
вернётся ли когда?

Всё от скорби и дара
в нас с грудным молоком:
то, что мы так *страдали*,
благо будет *потом*?

Маша Калеко,
Mascha Kaleko (1907-1975)

Известное чувство

Когда впервые умерла, –
смерть видела ясней.
Погасло всё, настал покой,
Так было в Гамбурге, весной,
И восемнадцать мне.

А умерла второй я раз –
Так больно, не могу.
Как мало от меня, смотри:
Стук сердца у твоей двери,

След красный на снегу.

Но, умирая в третий раз,
Могла я боль терпеть.
Смерть стала мне — как хлеб, постель,
Как платье, обувь — в доброту.
Я не умру теперь.

Старая любовь при трезвом рассмотрении...

И это тот желанный, что когда-то
Вселился в сердце на всё лето мне!
— Его глаза и голос, как во сне,
Мне были светом и мечтой крылатой...
Подумать только, на всё лето — мне!

Разбитые сердца ушли из моды.
А я, несовременное дитя,
Ждала, что дождь и ветер налетят,
Но ты со мною будешь, благородный...

Месье, и что теперь, года спустя:
Вы — памятник унылый эпизоду.

Ян Вагнер, Jan Wagner (род. 1971 г.)

Кведлинбургские каприччио

густой и тяжёлый дождь. каждая капля
сжимает в кулак силу целого столетия.
в узких неровных переулках стоит
история
города — записана шрифтом брайля.
колокольный звон, он словно закутан в
бархат,
чтобы не разбился фарфор воздуха.
голуби, на самом коньке собора,
точки в ряд — неподвижные

словно заклёпки на двух серых кусках —
шифере крыши и неба.



fish & chips

«мы хотим чтобы вы перенеслись в
эпоху короля эдуарда», стояло в меню:
высоко над нашими головами на
потолке

роскошный рыболовный крючок
люстры.
мы видели в тяжёлых мутных зеркалах
как стынет еда. и сами мёрзли.

снаружи шёл первый снег, мы были
самыми последними, поздними
гостями. вдруг
смешок официанта донёсся из кухни —

как голос ионы из чрева кита.

В Пиеве

летней кистью с бахромой в лазурь
над крутым склоном окунается:
точка в длинном условном
придаточном предложении
мироздания.
озеро отсюда сверху — лишь крохотное
карманное зеркальце вечности.
ветер упражняется в свободном
падении с девятисот метров.
крепкие узкие дома, в которых время
с пустыми руками сидит за прялкой.
солнечные пятна, по вечерам, на
стенах
как марки на письмах, которые никогда
не будут отосланы.
за домами в рощах лежат на земле сети
и с нетерпением ждут зрелости олив.

Артур Розенштерн,
Artur Rosenstern (Род. 1968 г.)
(Российский немец, живёт в Германии.)

я говорил чужим голосом...
Виктор Шнитке



я говорил чужим голосом
перед множеством наполненных
завистью взглядов
немногие указали мне дорогу
я видел в тысяче глаз
пучины наших «я»
слышал дифирамбы
ста змеиных льстивых языков
моё лицо не налилось краской стыда
ребёнок во мне чувствовал себя
хорошо –
он научился молчать

Виктор Шнитке,
Viktor Schnittke (1937-1994)
(Российский немец. Жил в Москве)



Что для меня этот терпкий, строгий
язык –
песнь Нибелунгов, Нарцисс иль
Гольмунд –
безбрежный,
волнующийся, как море,
изменчивый, как тысячи его красок,
и всё же всегда
неизменный в своём существе, –

Что он для меня?

Только речь матери и детство.

Только последнее слово отца.
Только мечта и прибежище.
Только прорыв к пониманию.
Только Будущее.



В бочке эта дождевая вода
тиха, как пруд, и мягка.
Прохладную влагу, как гладь пруда,
я тронул рукой слегка.

Тёмный мальчишеский лик со дна
взглядом ко мне прирос.
Он вроде знаком, но его я не знал –
то было вблизи, всерьёз?

Я предку взглянул глубоко в глаза?
Или всё было сном?
Может, грядущее сон предсказал? –
И сегодня знать не дано.



Я заблудился в чужих языках,
примкнул к племенам чужим.
В сорок четыре стою, как чужак,
рядом с миром другим.

Всё, пожалуй, длинней дорога домой.
Боюсь, не дойти мне, нет.
Здесь я камень дорожный, знак
путевой,
а там я – погасший свет.

Старик под открытым небом

Он видел – тянутся к небу деревья,
рыбы меж водорослей играют,
и забывал большие сомненья,
которые спать ему ночью мешают.

Травы в уши ему рокотали.
Бабочки на ветру парили.
Забыв о мире, уйдя в мечтанья,
был он полынью, ромашкой, липой,

бабочкой, птицей в небесном эфире –
и, нераздельный в едином, великом,
пел в нём род предков в подлунном
мире
и будущее хором разноязыким.

Мечта

В чернильной глубине ночной
раздался хриплый звук сирены.
Корабль отчаливает. Мой
прощальный взмах, Вам незаметный.
Вот с гривой огненной, в дыму
корабль уходит. Вы одна.
Уже я вижу лишь корму,
уже на тёмных водах сна,
где детская страна моя,
корабль Ваш тонет в мифах вечных...
Ваш отблеск из небытия
на мне. Хочу его сберечь я.



© Перевод: Елена Зейферт



Автобус, принадлежащий Функционизму Берлин.
© Фото: Елена Хованская

Елена Хованская

Хованская Елена – документальный фотограф. Родилась в 1981 году в Санкт-Петербурге, окончила Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства по специальности «Художник-постановщик театра кукол». В 2016-2017 году прошла обучение в Школе «ДокДокДок» по программе «Документальная фотография и фотожурналистика». Публиковалась в изданиях Lenta.ru, Russia beyond the headlines, Humanistischer Pressedienst (hpd), Bird In Flight. Работа о калмыцких репрессиях «Живые» была отмечена на конкурсе репортажной фотографии «Памяти Александра Ефремова». Живет и работает в Берлине, Германия.



ОСТАЛЬГИЯ

После падения берлинской стены прошло 28 лет. Вместе с тем в современном Берлине нередко можно услышать: «Ты из какой части Берлина? Из восточной или из западной?». Эти вопросы – симптом так называемой “остальгии” (нем. Ostalgie, Osten – восток) – ностальгии по временам и культуре Германской Демократической Республики, тоска по ушедшему социалистическому прошлому.

Есть и другие симптомы этого феномена культурной самоидентификации. Так в современной Германии очень популярны вещи и предметы, связанные с прошлой эпохой. В моде всё, что «сделано в ГДР» – сумки, марки, значки, комсомольские синие рубашки, солдатские ремни и прочие атрибуты повседневной жизни. Популярны фильмы, журналы, книги с изображением жизни в ГДР, кроме того продолжает издаваться газета «Новая Германия», пропагандирующая коммунистическую идеологию. Специализированные магазины ретро-продуктов, вроде шоколада, горчицы, сгущённого молока и легендарных шпреевальдских огурчиков, имеют в ассортименте более 900 аутентичных наименований продуктов “из ГДР” и десятки тысяч клиентов по всей Германии. С 1991 года в Берлине дважды в год проходит выставка достижений народного хозяйства бывшей ГДР «ОСТПРО» (OSTPRO Berlin), которая с каждым годом пользуется всё большей популярностью. Интерьеры некоторых гостиниц, кафе и ресторанов оформлены в духе восьмидесятых.

О прошлом страны напоминают не только превращенные в музеи бывшие контрольно-пропускные пункты, тюрьмы, заводы и административные здания, но и школьные классы, медицинские кабинеты, личные пространства квартир и домов.

По мнению “остальгирующих”, вместе с ГДР они утратили уверенность в завтрашнем дне, где для всех была работа, бесплатные места в детских садах, доступное медицинское обслуживание, натуральные продукты питания, качественные товары.







*Христель Герт 81 год, Богард (Christel Gerth, Beauregard)
«Раньше жили лучше, чем сейчас, был порядок. Мы были уверены
в завтрашнем дне. Работали. Жили дружно. В деревне соседи всегда
помогали друг другу, жили как одна семья. Сегодня каждый живет
сам по себе, каждый за своим забором».*

© Фото: Елена Хованская



Вид сверху. Народный парк Фридрихсхайн (Volkspark Friedrichshain) в районе Пренцлауэр-берг (Prenzlauer Berg) Один из главных парков ГДР. В 1972 году там был установлен памятник в честь польских и немецких героев сопротивления нацизму, к которому официально возлагали венки по различным памятным датам. Сейчас тут место встречи скейтбордистов.

© Фото: Елена Хованская



*Молочный бар в Фанкхаусе (Milchbar im Funkhaus)
Культовый молочный бар, вновь открывшийся в июле 2009 года,
оформлен в духе восьмидесятых. Почти все детали интерьера
находятся в первоначальном состоянии. Молочный бар
представляет собой разновидность ресторана быстрого питания.
В меню представлены блюда домашней кухни, которые готовятся
в основном из молока и яиц. Цены в молочных барах в три-четыре
раза ниже, чем в обычных ресторанах.*

© Фото: Елена Хованская



*Бранденбургский промышленный музей (Industriemuseum
Brandenburg an der Havel)
Металлургический завод, производивший в год около 2,3 миллиона
тонн стали, был крупнейшим в ГДР. В 1970-х, насчитывал 12
мартеновских печей и более чем 10 000 сотрудников.*



Музей ГДР в Пирне (DDR-Museum, Pirna). Постоянная экспозиция музея рассказывает о жизни в ГДР до падения Берлинской стены в 1989 году. На двух этажах общей площадью 2000 квадратных метров представлено более 120 000 экспонатов: от предметов быта, до таких редких экспонатов, как кардиостимулятор сердца и посудомоечная машина. О прошлом страны здесь напоминают личные пространства квартир и домов, школьные классы, медицинские кабинеты, прилавки магазинов, автомобили и предметы городского транспорта. Музей финансируется исключительно частными фондами и не получает поддержки от местных и федеральных властей.

© Фото: Елена Хованская



23) Лутц Брадемман 54 года, Берлин (Lutz Brademann, Berlin)
«Несколько месяцев назад я стал отцом, у нас с женой близнецы. Сегодня меня озадачивает тот факт, сможет ли моя жена вернуться на работу или ей придется до самой школы присматривать за детьми. В ГДР за детские сады доплачивало государство, да и с количеством мест особых проблем не возникало. Сегодня совсем иная ситуация...»



С 1987 года в интерьере 3-х комнатной квартиры (Hellersdorfer Straße 179, Berlin) ничего не изменилось. Несмотря на то, что в 2004 году дом был полностью реконструирован, городской муниципалитет, решает сохранить квартиру (предметы быта, мебель, обои, систему отопления) в прежнем виде. Каждое воскресенье с 14:00-16:00 управляющий домом открывает квартиру эпохи ГДР для посетителей.

© Фото: Елена Хованская



Марки ГДР из частной коллекции. В октябре 1990 года из обращения изъяли все почтовые марки ГДР, изданные с января 1964 по июнь 1990-го. Некоторые образцы марок ГДР сегодня оценивают в несколько тысяч евро.

Фотопроект номера:

ОСТАЛЬГИЯ

Елена Хованская



*Господам авторам!
Пишите в «Вестник Европы»!
Ваши тексты
не потеряются в истории.*

ISSN 1609-5359



9 771609 535002

e-mail: info@vestnik-evropy.ru
www.vestnik-evropy.ru